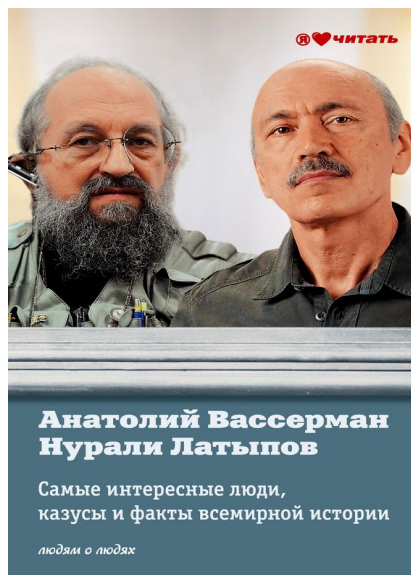

Анатолий Вассерман, Нурали Латыпов

Самые интересные люди, казусы и факты всемирной истории

Анатолий Вассерман

Историческая альтернатива

Смысл истории проявляется несбывшимся

Среди профессиональных историков очень популярна фраза «история не знает сослагательного наклонения». Иными словами, с их точки зрения бессмысленно спрашивать «что было бы, если бы...».

Их понять можно. Профессиональному историку важнее всего выяснить, как обстояли дела в реальности. А выяснить это далеко не всегда бывает просто.

Юристы часто говорят «врёт как очевидец». Историки, разбирая мемуары, то есть свидетельства всё тех же очевидцев, повторяют эту фразу ничуть не реже. В мемуарах человек чаще всего старается не столько рассказать, как обстояли дела, сколько показать, как он сам был хорош в этих делах.

Впрочем, не всегда ограничиваются собою. Скажем, внимательное сличение мемуаров маршала Георгия Константиновича Жукова с его же приказами военной поры и с теми событиями, на основе которых строились приказы, доказывает: в мемуарах маршал изрядно выгораживал подчинённых — даже тех, кого непосредственно по ходу событий нещадно ругал, причём ругал за дело. В итоге сам маршал в своих мемуарах выглядит значительно хуже, чем был на самом деле, а его подчинённые значительно лучше. Бывает, как видите, и такое.

Но чаще всего мемуаристы всё-таки изрядно себе льстят. Лучше опираться на документы. Но в них зачастую положение тоже изрядно приукрашено. Документы внутренней отчётности – предназначенные не столько для публикации, сколько для управления делом – чаще прибегают по известной поговорке: идёшь к начальству за верблюдом – проси трёхгорбого.

Ещё надёжнее документов материальные свидетельства. Так, до наших дней сохранились только танки «Т тридцать четыре» позднего исполнения, с восьмидесятипятимиллиметровой пушкой и доведённой до ума конструкцией. И только парочка чудом сохранившихся где-то на задворках танков первого поколения, с пушкой калибра три дюйма, то есть семьдесят шесть целых и две десятых миллиметра, дала наглядное – а не только вычисленное по документам – представление, насколько всё-таки эти танки были в тысяча девятьсот сорок первом году далеки от совершенства и насколько на них было сложнее воевать, чем в тысяча девятьсот сорок третьем.

Словом, работа историка тяжела, запутанна. И надо отдать должное тем историкам, которые ухитряются в этих условиях полной неразберихи всё-таки выяснить, как обстояли те или иные дела.

Но история – не только наука. Это ещё и способ учёбы для всех нас. Хотя и говорят, что история учит только тому, что история ничему не учит. Но тем не менее, зная, как поступали наши предки в тех или иных сложных обстоятельствах, мы обретаем более надёжное основание для выстраивания планов наших собственных действий в обстоятельствах пусть иных, но не менее сложных – а в каких-то деталях, бывает, даже и сходных с прошлыми.

Вот тут сослагательное наклонение выходит на первый план. Чтобы понять мотивы действий исторических личностей, волей-неволей приходится смотреть: а что было бы, если бы та или иная личность поступила иначе? И какие у неё были возможности поступить иначе?

До недавнего времени считалось, что наши войска не были отобилированы к началу войны только по преступной халатности руководства. Но лишь сейчас начинает проясняться, что мобилизация, начатая официально, могла в стратегическом плане лишь ухудшить положение страны – даже при том, что тактически могла принести некоторый выигрыш. Эти исследования ещё далеки от завершения. То, что я сейчас сказал – лишь первый подход к делу. И я не сомневаюсь: в дальнейшем выяснится ещё много важного о причинах страшных для нас событий той эпохи. Но это лишь пример того, почему всё-таки сослагательное наклонение в истории бывает иной раз даже важнее изъявительного.

Существует даже целый жанр, находящийся на стыке науки и искусства – так называемая альтернативная история. Этому жанру отдавали должное и выдающиеся историки вроде английского учёного Арнолда Джозефа Джозефовича Тойнби, и многие блестящие писатели – их перечисление отняло бы куда больше времени, чем отведено мне сейчас на экране.

Они очень внимательно изучают: в какие моменты действительно можно было поменять ход истории, каким образом поменять. Что было бы, если бы в сорок первом всё-таки отдали то самое приказание о всеобщей мобилизации. Что было бы, если бы Александр Филиппович Македонский не умер в Вавилоне от последствий то ли лихорадки, то ли банальной пьянки. Что было бы, если бы после разгрома Северного общества на Сенатской площади Южное общество победило в одном из сражений конца тысяча восемьсот двадцать пятого года.

Сейчас, например, основная часть отечественных альтернативщиков внимательно изучает так называемый мир царя Михаила. Судя по всему, если бы Николай Александрович Романов передал власть брату не в тысяча девятьсот семнадцатом, когда император уже сделал практически всё плохое, что было в его силах, а хотя бы в тысяча девятьсот пятом, а ещё лучше в тысяча девятисотом, события развернулись бы намного лучше и для России, и в конечном счёте для всего мира – даже для стран, противостоявших нашей.

История – не догма. Её творит каждый из нас каждым своим шагом. И именно поэтому надо каждый раз задумываться: а что будет, если я поступлю иначе?

Тайные причины

Исторические загадки объясняются логистикой и координацией

Этот термин – один из ключевых в современной торговле и производстве – в момент своего зарождения, в Древней Греции, означал искусство снабжения войск. Уже тогда победы зависели не только от мужества бойцов и мастерства полководцев, но и от правильной организации.

Почему немцы в тысяча девятьсот сорок втором атаковали именно Сталинград, где их не только ждали отступающие советские войска, но и встретила изобильная продукция тамошних заводов – артиллерийского и танкового? Почему даже мобильные соединения – танковые и моторизованные – втянулись в уличные бои вместо перехвата Волги в слабозащищённом месте сотней километров южнее? Ведь главная цель операции – прикрытие фланга армий, атакующих Кавказ, и пресечение речной перевозки бакинской нефти – достигалась ударом едва ли не по любой точке главной реки!

Сталинград – ближайшая к Дону точка Волги. Южнее и севернее Дон резко уходит к западу, а Волга – ещё резче к востоку. Каждый километр смещения на юг удлиняет линию снабжения километра на два-три.

Дорожная сеть в этих краях даже сейчас оставляет желать немало лучшего. В ту же эпоху там была всего одна серьёзная железная дорога, а уж о приличных шоссе и мечтать не приходилось. Немцы подошли к Дону в конце июля, а до Сталинграда добирались весь август. По опыту прошлого года они знали, сколь сложно снабжать войска в осеннюю распутицу. Опытный штабист – один из разработчиков плана нападения на СССР «Барбаросса» – Фридрих Вильгельм Эрнст Паулюс рассчитал: его шестой армии куда легче и быстрее сломить сопротивление наших войск, изрядно потрепанных на Дону и в междуречье, чем строить долгий обходной манёвр по степному бездорожью.

Советские штабисты подсчитали так же. На пути немцев возвели несколько полос обороны, когда бои шли ещё на Дону. Жаль, с эвакуацией горожан запоздали: пропускную способность переправ через Волгу использовали прежде всего для подвоза резервов. Да и не всех можно эвакуировать: завод «Баррикады» и тракторный снабжали войска техникой и вооружением.

Слабость дорожной сети мешала не только немцам. В Сталинград удавалось подвозить лишь незначительную часть наших свежих сил. Георгий Константинович Жуков организовал основные удары Сталинградского фронта по немцам с севера – далеко от города. Если бы не беспрестанное давление на фланг, Паулюс без проблем сосредоточил бы против города все силы – и скорее всего добил бы защитников.

Жукова ругают за бои под Ржевом – на первый взгляд, нелепые. Больше года наши войска штурмовали одну и ту же узкую полосу. Естественно, немцы соорудили там столько укреплений, что вышла мясорубка в худших традициях Первой Мировой войны. Неужели Жуков, награждённый в той войне двумя солдатскими георгиевскими крестами, не понимал, что творит?

И тут виновна логистика. Ржевская полоса насыщена коммуникациями. Туда с обеих сторон можно непрерывно подвозить подкрепления. Вдобавок на этом стратегически важном – Московском! – направлении обе стороны вынужденно держали крупные подвижные силы. Если бы наши перестали наседали на немцев – те сразу перебросили бы свои танки к тому же Сталинграду, или в Ленинград, или вновь кинулись бы на Москву... Сколь ни тяжки наши потери под Ржевом – отказ от лобовых атак обернулся бы стратегическим поражением, то есть в конечном счёте потерей несравненно большей.

Тихоокеанская кампания той войны тоже насквозь логистична. Острова в Великом Океане столь редки, что возить военные грузы приходилось в основном на эсминцах – самых быстроходных кораблях со сколько-нибудь заметной грузоподъёмностью. Американцы решили не ползти от острова к острову последовательно (как шло японское наступление), а прорываться на такое расстояние от уже освоенных баз, какое эсминцы могут пройти за ночь: днём противостоять самолётам могла только крупная эскадра. Островок, находящийся вроде бы в глубоком тылу, чаще всего слабо готов к обороне, и штурмовать его легче. Организовав на нём свою базу, американцы отрезали обходённые острова от снабжения – и те вскоре становились сравнительно лёгкой добычей.

Выигрывает логистика и нынешние войны. В том числе бескровные.

В числе ключевых элементов японского экономического чуда тысяча девятьсот шестидесятых – система снабжения «канбан» (в переводе – точно вовремя). Поставщики крупных сборочных заводов обязались присылать компоненты по строго согласованному графику. Капитал не омертвлялся в складских запасах.оборот резко ускорился. Промышленность стала рентабельнее. Вскоре японцы смогли скупать западные предприятия, создавать по всему миру филиалы своих заводов... Япония отыгралась за поражение во Второй Мировой.

Против японского канбан тоже нашлось американское логистическое оружие. Соблюдать график с той же точностью, что и на маленьких Японских островах, не позволяли американские просторы. Зато массовая компьютеризация производства позволила точнее учитывать сбои снабжения, корректировать работу. Вдобавок стало возможно собирать на одном конвейере сразу несколько модификаций одного изделия, подавая в нужное время к нужному месту соответствующие детали. На японскую дешёвизну американцы ответили крупносерийной технологией исполнения индивидуальных заказов. Вот сила логистики!

Отбросим или уничтожим?

Ошибки агитпропа аукаются десятилетиями

Популярность бывшего танкиста и капитана военной разведки Владимира Резуна (ныне пишущего фантастику в жанре альтернативной истории под псевдонимом «Виктор Суворов») опирается на простую мысль: готовился бы СССР в тысяча девятьсот сорок первом к обороне – Германия его бы не одолела.

В самом деле, для успеха наступления нужно хотя бы втрое больше сил, чем у обороняющихся. Германские войска к началу войны были немногим более нашей группировки в западной части страны. Стало быть, встанем в глухую оборону – наступление захлебнётся.

Правило тройного превосходства относится только к тактике – капитанов стратегии не учат. Наступающий, располагая инициативой, может выбрать для удара узкий участок и сосредоточить там хоть втрое, хоть вдесятеро (как и вышло у немцев в первые дни войны) перевес. А потом – прорвав линию обороны – гулять по незащищённым тылам и громить всё, без чего армия, оставшаяся во фронтовой полосе, превращается в безоружную толпу.

Поэтому даже в первые – самые кошмарные – дни и месяцы войны советское командование бросало войска именно в наступления. Найти у атакующей лавины слабые места, заставить противника останавливаться, чтобы их прикрыть, – единственный шанс обороняющегося.

Где командир прикажет – стоять надо насмерть. Но как раз ради того, чтобы в других местах могли наступать, не опасаясь за тыл.

Да и без этих рассуждений ясно: одной обороной войну не выиграть. Как говорят в спорте, победа – у чужих ворот.

Отчего же весь бывший СССР доселе зачитывается многотомным Резуном? Отчего ему так легко верят?

Прежде всего срабатывает ореол крупнейших советских оборонительных операций – Сталинградской и Курской. На Волге наши месяцами защищали город, разбитый в мелкий щебень, приковали к нему пару десятков дивизий врага и в конце концов дали другим армиям возможность окружить и разгромить немцев. На Курской дуге, где неизбежность германского удара была очевидна, выстроили укреплённую полосу глубиной несколько десятков километров – и немцы потеряли на ней едва ли не всё накопленное для прорыва.

Правда, и в этих операциях решающую роль сыграла атака. Паулюс не мог уйти из Сталинграда и перерезать Волгу в другом месте, потому что к северу от города на него непрерывно наседали войска, которые из-за транспортных сложностей нельзя было направить в сам город. На южном фланге Курской дуги немцы за неделю прогрызли всю полосу обороны, но отошли, потому что на севере наши начали контрнаступление во фланг нападавшим.

Эти подробности прошли мимо массового сознания. Послевоенная советская пропаганда воспевала стойкость и упорство обороняющихся – но не уделяла должного внимания отваге и изобретательности атакующих. Убеждая себя и весь мир в своём миролюбии, страна воспитала целые поколения граждан в полной уверенности: абсолютная пассивность – идеальная стратегия.

До войны наша доктрина была осмысленнее. Призыв «бить врага малой кровью на его территории» выполним, к сожалению, далеко не всегда. Но по крайней мере ориентирует на самостоятельную активность, а не отдаёт всю инициативу потенциальным (а тем более реальным) противникам.

Чисто военные причины такого изменения очевидны. Более сорока лет ожидалось: главным нашим противником будут Соединённые Государства Америки, а главным оружием в предстоящей войне – ядерное. В таких условиях главная гарантия мира – возможность полного взаимного уничтожения. И приходится выпячивать оборону как символ этого уничтожения.

Но была и психологическая причина, по которой народ так легко воспринял идею пассивной обороны как главного средства победы.

В тысяча девятьсот сорок первом поэт Алексей Сурков и композитор Борис Мокроусов написали марш защитников Москвы с припевом:

Мы не дрогнем в бою за столицу свою,
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной, обороной стальной
Остановим, отбросим врага.

Это было логично. Враг подошёл к столице буквально на пушечный выстрел. Её захват означал паралич управления, связи, железных дорог всей страны, выводил из строя многие ключевые звенья оборонной промышленности... Независимо от манёвра войск вокруг города надо было не допустить врага непосредственно в Москву. Здесь жёсткая оборона была необходима.

В ночь на шестое декабря наши войска перешли в общее контрнаступление. Враг был – в соответствии с припевом песни – не только остановлен, но и отброшен. Возникли новые задачи. Но не было времени писать – а тем более разучивать – новую песню. Сурков изменил последнюю строку припева. Вместо «остановим, отбросим» стали петь «разгромим, уничтожим врага».

Так в массовое сознание впервые проникла мысль: противника можно истребить одной обороной, без наступления.

Одной песней дело не ограничилось. На удобренную ею почву легло множество ядовитых семян. Скажем, неумелая пропаганда только оборонительной стороны сталинградского и курского сражений. Или обычное во все времена послевоенное стремление политического руководства лишить войска инициативы, чтобы избежать угрозы их вмешательства во внутренние дела.

Но отправной точкой общего заблуждения стало стремление пропагандистов быстро и без усилий решить свою задачу – а не задачу всей страны.

Обстоятельства голодомора

Почему Украина страдала больше остальных России

Голодомор тысяча девятьсот тридцать третьего года – несмотря на бесчисленные пропагандистские легенды – трагическое стечение множества обстоятельств, почти не зависевших от воли центральной власти.

В ту пору в мире бушевала Великая Депрессия, обвалившая прежде всего цены сырья и продовольствия – основных наших тогдашних экспортных товаров. Кредиты же под контракты, заключённые в начале первой пятилетки – с тысяча девятьсот двадцать седьмого, – пора было возвращать. Пришлось наращивать экспорт. Между тем крестьяне, втянутые в колхозы, не знали, как работать в новых условиях: сваливали задания друг на друга, резали подлежащий обобществлению тягловый скот в надежде откуда-то получить новый... А когда на прочие несчастья наложился очередной неурожай, обвал по всей хлебной Руси – от Украины до Северного Казахстана – стал неизбежен.

Кое-где обвалу противостояли активно. Скажем, в Поволжье ещё в тысяча девятьсот

двадцать первом испытали все мыслимые тяготы, связанные с неравенством положения крестьян в одном селе при экстремальных обстоятельствах: от укрывательства продовольствия до забоя скота. Не зря до сих пор издания и сайты, рекламирующие украинский голодомор, иллюстрируют фотографиями и кинохроникой нансеновской миссии по спасению голодающего Поволжья от полного вымирания. С тех пор местная власть знала, как управлять селом в экстремальных условиях, и не допустила столь же массовой гибели.

Украинские руководители из-за нехватки такого опыта упустили дело. И, опасаясь наказания за нераспорядительность, пытались скрыть несчастье от Москвы: в частности, запрещали крестьянам уезжать. Зато пытались убедить столицу: крестьяне скрывают уже убранное зерно. Отсюда экзотические меры вроде чёрной доски – вывоза из государственных магазинов на селе всех товаров, обычно продаваемых в обмен на зерно – от текстиля до растительного масла: мол, захотят крестьяне одеваться – сами заначку wygrебут.

Когда сквозь информационную блокаду сведения добрались до центра, голод уже унёс сотни тысяч жизней. Не помогли даже экстренные меры. Так, все корабли с зерном, ещё не дошедшие до портов назначения, по радиоприказу срочно вернулись в Одессу – и весь их груз пошёл на спасение тех крестьян Украины, кого ещё можно было удержать на этом свете.

Хуже всего голод был в мелких городках, ещё не включённых в создаваемую коммунистами систему централизованного снабжения. На селе можно прокормиться, даже если зерно wygrебали подчистую: «не то беда, когда на столе лебеда, а горше нет беды, когда не стало и лебеды». А вот горожане, лишённые возможности купить хоть что-то у крестьян, подножного корма не имели.

В городе сопротивление насильственной украинизации было упорнее, чем на селе. Хотя бы потому, что литературную норму украинского языка сочиняли на основе южнорусских сельских диалектов, так что крестьянам почти не приходилось менять привычную речь. По официальной статистике в городском населении Украины доля русских была куда выше, чем в сельском. И прицельный удар по малым городам при желании можно объявить геноцидом – только не украинского, а русского народа. Хотя в нынешнюю официальную концепцию республиканских властей этот факт не вписывается.

Почти все руководители, по чьей вине общий неурожай отозвался на Украине острее, нежели в остальной России, через несколько лет репрессированы – и ныне числятся невинными жертвами коммунистического террора. Разве что Каганович да Хрущёв, вовремя поменявшие республиканские должности на союзные, да декоративный Петровский умерли своей смертью.

Союзная власть прекратила принудительное изъятие на селе. Зато резко нарастила экспорт иных видов сырья, хотя их цена после низшей точки депрессии восстанавливалась медленнее, чем зерна. Вдобавок на советское сырьё претендовали бывшие владельцы месторождений, эмигрировавшие после революции. Пришлось прокладывать нетрадиционные каналы продаж. Так, продажа эрмитажных сокровищ – акция не столько коммерческая, сколько политическая. Галуст Гюльбенкян за доставшиеся ему несколько шедевров годами продавал бакинскую нефть под видом принадлежащей ему иракской. Эндрю Меллон своей властью министра финансов снял со многих советских товаров эмбарго на рынке Соединённых Государств Америки.

Народ на Украине спасли. Но легенду о голодоморе до сих пор рекламируют – прежде

всего галичане. Наша трагедия их не коснулась: Галичина до сентября тысяча девятьсот тридцать девятого принадлежала Польше. Но там был свой голодомор – пострашнее украинского. Из-за падения зернового рынка в начале Великой Депрессии крестьянам стало нечем платить налоги и погашать кредиты. За неуплату изымались дома, инвентарь, земля. Крестьяне оказались на улице без средств к существованию. Богатейшие страны смогли прокормить изрядную часть безработных то благотворительностью, то инфраструктурными проектами за казённый счёт. Польша же, полунищая даже в дни экономического бума, предшествовавшего депрессии, не могла обеспечить сносную жизнь хотя бы польским крестьянам, не говоря уж о галицких. Смертность в Галичине – в пересчёте на душу населения – оказалась куда выше, чем на Украине. В массовом сознании галичан оба голодомора слились.

Извне или изнутри

Как бороться с преступным режимом

Незадолго до безвременной смерти Егор Тимурович Гайдар опубликовал неожиданно антиреволюционную книгу. Собранные выдающимся реформатором факты и аналитические выкладки приводят к однозначному выводу: сколь ни преступен правящий режим – его мгновенное падение порождает последствия столь разрушительные, что революция сама по себе оказывается едва ли не тягчайшим преступлением перед обществом.

Хотя вроде бы случается, что правители всё же хуже любой революции. Так, красные кхмеры под чутким идейным руководством бывшего студента Сорбонны за несколько лет истребили более двух миллионов камбоджийцев – из восьми миллионов, живших в стране к моменту прихода новой власти, – и не собирались останавливаться на достигнутом. Их свержение вторгшимися вьетнамскими войсками – куда меньшее зло, нежели возможное продолжение деятельности фанатичных детей, предводительствуемых циничными стариками.

Но красные кхмеры сами были революционерами. Их зверства – вроде забивания людей мотыгами ради экономии патронов – унесли куда меньше жертв, чем закрытие больниц, разрушение торговли, массовое выселение в деревню людей, имеющих опыт исключительно городской жизни... Словом, то самое разрушение сложной структуры общественного жизнеобеспечения, чьи последствия Егор Тимурович подробно и красочно описал, чью неизбежность после любой революции он убедительно доказал.

Есть и не столь яркий, как красные кхмеры, зато несравненно более знакомый в нашей стране пример заведомо преступного режима. Последствия деятельности национальной социалистической немецкой рабочей партии – более полусотни миллионов смертей, в том числе почти двадцать семь миллионов в нашей стране и более десятка миллионов в самой Германии. Непосредственно вследствие боевых действий на советско-германском фронте погибло более восьми с половиной миллионов наших бойцов и примерно шесть миллионов немецких. Если бы власть нацистов пресекли до начала Второй Мировой войны – всех этих смертей не было бы.

Увы, это очевидно лишь задним числом. До начала зверствования в СССР национальные социалисты практически не выходили за пределы приемлемого в тогдашней Европе. Даже

пакет антисемитских законов, принятый в тысяча девятьсот тридцать пятом и обычно именуемый Нюрнбергским по месту официального подписания, всего лишь творчески заимствовал опыт сопредельной Польши, а окончательным решением еврейского вопроса считалось выселение ненавистного народа за пределы Европы. Даже в скандальной «Моей борьбе» Адольф Алоизович Хитлер всего лишь довёл до логического завершения теории расового неравенства и жизненного пространства, задолго до него разработанные уважаемыми английскими и французскими исследователями и пропагандистами. В Западной Европе нацистов не любят, по сути, только за то, что они осмелились применять к её обитателям некоторые из методов, активно применяемых самими же этими обитателями за пределами самой Западной Европы. Вплоть до начала этого применения никто – ни рядовые неосведомлённые обыватели, ни всезнающие политики – не верил в возможность столь невежливого обращения с собою. Иначе вряд ли сэр Артур Невилл Джорджевич Чембёрлен в Мюнхене в сентябре тысяча девятьсот тридцать восьмого выкручивал бы руки союзным французам и чехам, чтобы подарить немцам (по кусочкам, начиная с Судетской области с первоклассной системой укреплений) Чехословакию с её крупнейшим и высококачественнейшим в Восточной Европе производством боевой техники, вооружения и боеприпасов.

При всех невзгодах и лишениях войны Германия до тысяча девятьсот сорок пятого пребывала в образцовом порядке. Генералы попытались убить главу государства, лишь когда договорились с западными противниками о немедленном прекращении боевых действий после своей удачи.

Согласование с противником действий после переворота – действие совершенно разумное. Ведь любой провал делегитимизирует власть. Значит, поражение может дать те же последствия, что и революция. Единственный шанс избежать полного распада общества – установление порядка извне.

Международное право настоятельно рекомендует оккупантам брать на себя управление занятыми территориями. Если они пренебрегают этим долгом, свержение даже явно преступного режима влечёт поток новых преступлений. После второй иракской кампании американцы распустили правящую партию, уволили всех состоявших в ней государственных служащих – то есть едва ли не весь аппарат управления – и долго не создавали ничего взамен. На совести Саддама Хусейна сотни тысяч погибших в ирано-иракской войне. Но за вычетом этих потерь, случающихся не только в диктаторских странах, по его вине убито куда меньше, нежели в разразившейся на почве безвластия схватке множества общин, чьи распри он сдерживал самыми жестокими способами.

Не зря отечественная внесистемная оппозиция – и до тысяча девятьсот семнадцатого, и сейчас – сотрудничает с зарубежными политиками. Разрушаешь управленческую структуру государства – держи в запасе систему внешнего управления, дабы переворот не обернулся пагубным безвластием.

Но если оккупанты отсутствуют или не желают исполнять свои международно признанные обязанности – даже свирепейшая диктатура лучше революции.

Праведное и цельное

Внятная картина мира противостоит лживой пропаганде

Один из любимейших приёмов карикатуристов – дорисовка шедевров. Усатая леонардовская Мона Лиза или посаженный на унитаз роденовский Мыслитель вызывает неизменный смех практически любой аудитории. Ведь все мы чётко знаем исходный вид этих творений художественного деятеля, а потому мгновенно замечаем искажение, внесённое нынешним мастером.

А представьте себе домалёвку детского рисунка с хаотическим нагромождением деталей! Скорее всего усилия карикатуриста – или другого ребёнка, пожелавшего дополнить творение собрата, – останутся вовсе не замечены.

Гармонию легко разрушить, но очень трудно дополнить. Хаос же останется хаосом, что с ним ни вытворять. Этот принцип верен применительно не только к видимым изображениям, но и к мысленным.

В цельную картину мира трудно вписать новые данные, не согласующиеся с общей структурой. Если новое неоспоримо, приходится иной раз пересматривать всю структуру, создавая новый набор фундаментальных законов. Старые же законы вписываются в новую систему взглядов в качестве частных случаев.

Физика Аристотеля – проявление физики Ньютона поблизости от заметного центра тяготения и при сильном трении. Классическая электродинамика – проявление квантовой при достаточно больших расстояниях и зарядах, но при сравнительно малых скоростях.

Создать новые картины мира непросто. Их авторы – вроде того же Аристотеля или Бора – входят в историю. Научные революции происходят далеко не ежедневно и занимают многие годы, заполненные дружными усилиями научного сообщества, шлифующего предложенную гением картину и заполняющего неизбежно оставленные им бесчисленные пробелы. Пока цельная структура не выстроена, новые – не вписанные в неё – данные остаются предметом пристального внимания и серьёзного сомнения.

Сознание же, воспринимающее мир как набор разрозненных фактов, легко включает в этот набор любой новый факт – хоть истинный, хоть ложный. Такое сознание вовсе не располагает методами проверки истинности, зачастую не замечает даже бесспорные противоречия.

Если знаешь отличие тактики от стратегии, виден основной приём подтасовки, популярный у Владимира Богдановича Резуна – «Виктора Суворова» – и его выучеников вроде Марка Семёновича Солонина. Они сравнивают советские силы с германскими по тактическому критерию – в зоне наступления нужно тройное превосходство над обороной – и умалчивают о стратегических факторах вроде подвижности войск, позволяющей быстро создать в выбранной точке хоть десятикратное превосходство. Тому же, кто слышал о тактике со стратегией разве что из комментариев к шахматным партиям, рассуждения этих пропагандистов нашей немощи и низости представляются убедительными.

Цельная картина мира – едва ли не главное средство защиты от ошибок и целенаправленной недобросовестности. Человек, лишённый такой картины, уязвим на всех направлениях, где ему известны лишь разрозненные факты, не связанные сетью закономерностей, куда заблуждения и ложь не впишутся.

Рекламисты то и дело ссылаются на исследования неведомых учёных, якобы одобряющих очередную маркетинговую – то есть не отличающуюся от предшественников действительно серьёзными достоинствами – новинку. Далеко не каждый способен не то что произвести самостоятельные исследования такого рода, но хотя бы проверить, существует ли помянутая в рекламе организация – а если существует,

что на самом деле говорит о модном товаре.

Сходные приёмы политических рекламистов мне доводилось разоблачать по ходу множества предвыборных кампаний, где я участвовал. Я сам не столь сведущ, чтобы видеть все случаи, когда политик опирается не на реальные закономерности общественной жизни в целом и экономики в частности, а на пробелы в знаниях избирателей. Но и виденного мною достаточно, чтобы считать расчёт на невежество едва ли не популярнейшим во всей нынешней политике – и общемировой, и – увы! – внутрироссийской.

В Соединённых Государствах Америки традиция массовых избирательных кампаний едва ли не старейшая в мире. Не с этим ли связано пристрастие тамошней системы всеобщего образования к фактоцентризму, принципиальному отказу от строительства цельной картины мира?

Любая недобросовестность сама творит почву для своего грядущего наказания. Фактоцентрически воспитанный человек, не видящий закономерностей структуры мира, легко доступен усилиям любого бессовестного пропагандиста – но рано или поздно приходит новый пропагандист, ещё бессовестнее, и столь же легко перетягивает людей на свою сторону.

Так далеко пропагандисты заглядывают редко. Предел их горизонта – следующие выборы (или – в тех странах, где исход выборов предопределён – срок жизни действующего лидера).

Дальновидный же политик – как и коммерсант, желающий создать своему детищу долгосрочную репутацию, – не может запутывать свою аудиторию. Зато если он предложит ей нечто соответствующее реальной картине мира и располагает достаточным временем, рано или поздно вся просвещённая публика окажется на его стороне. Значит, ему выгодно просвещение, строящее в массовом сознании такую картину.

Легко вести за собою слепцов. Но если Вы уверены, что Ваше дело правое – Вам нужны люди, по меньшей мере способные отличить правое от левого.

Учиться у евреев

С природными сложностями можно ужиться

Нелепость парниковой теории глобального потепления доказана за десятилетия до её появления. Но средняя температура Земли сейчас и впрямь растёт. Причём рост вызван не промышленной деятельностью человека. Значит, затормозить его замороженными средствами – вроде разорения угольной промышленности со всеобщим переходом на нефть и газ – не удастся.

Можно охладить планету, стимулируя образование облаков, чтобы солнечный свет отражался высоко в небе и не грел твёрдую поверхность. Но при этом ухудшатся условия для растений – а от них человечество (да и прочий животный мир) зависит куда больше, чем от температуры.

Нынешний разогрев Земли Солнцем через пару десятилетий сменится спадом температуры. Удается ли быстро устранить искусственно созданные облака и прочие средства глобального охлаждения? Как бы нам не пришлось вести новую героическую борьбу – на сей раз уже с морозами.

«Что же из этого следует? Следует жить!»

Человек адаптируется к изменениям внешних условий несравненно лучше любого другого животного. Ибо способен менять собственную среду обитания. Пока не в глобальных масштабах: нынешний нагрев планеты порождён – несмотря на всё наше самомнение – внешними причинами. Но по меньшей мере в пределах непосредственной досягаемости.

По старинной присказке, местечковый умник в большом городе – еле-еле сумасшедший. Лето две тысячи седьмого поставило немало рекордов жары в Москве. Но для моей родной Одессы эти московские температуры далеко не запредельны. А уж мои сокомандники, пребывающие в Израиле едва ли не больше, чем я в Одессе, и подавно не заметили ни в московской, ни в одесской жаре ничего сверхъестественного – кроме журналистского шума по её поводу.

Одесса изначально рассчитана на климат куда более жаркий, нежели в Москве. Но и одесская жара по ближневосточным меркам скромна – поэтому семитские народы ещё с финикийских времён вырабатывали куда более совершенные, нежели в наших краях, способы поведения при высокой температуре и защиты от неё.

Канотье одесских «пикейных жилетов» – не прихоть моды, а лёгкая и хорошо вентилируемая защита головы от южного солнца. Среднеазиатский стёганный халат и арабский бурнус не пропускают к телу ни ночной холод, ни палящий воздух свирепого летнего дня.

Толстые стены, шторы и жалюзи на окнах – привычные черты южного дома. На севере можно экономить на стенах, если отопление дёшево. Зато от жары до недавних времён нечем было защититься, кроме стен – тепловых аккумуляторов: ночью они отдают тепло, и дневная жара должна прогреть их насквозь, прежде чем доберётся до комнат.

Калифорнийские кондиционеры тратят на охлаждение воздуха в домах едва ли не больше энергии, чем вся Россия – на отопление. Уже из этого видно: нашумевшая книга Паршева «Почему Россия не Америка», объясняющая наши экономические трудности неизбывными русскими морозами, имеет к реальности не большее отношение, нежели, к примеру, «Война миров» Уэллса (а по литературному дарованию фантасту Паршеву далеко не то что до фантаста Уэллса, но даже до фантаста Головачёва).

Распорядок жизни жарких стран тоже теплозащитный. Средиземноморская сиеста – отмена дневной активности – сохраняет силы, чтобы прохладным вечером с лихвой наверстать упущенное.

Главное же – юг вырабатывает радикально иные, нежели на севере, технологии производства. Так, капельное орошение в Израиле позволяет питать один из щедрейших в мире урожаев из тамошних крайне скудных речушек (легендарный Иордан куда мельче Яузы).

Есть в жаре и достоинства. Тот же Израиль не развивает горячее водоснабжение. Даже зимой, когда температура в некоторых районах опускается почти до нуля, многие километры чёрных тонких труб на крышах жадно впитывают солнечные лучи – вода в них нагревается так, что душ вполне комфортен. А уж летом из этих труб едва ли не кипятки течёт.

Перечислять способы приспособления к жару и использования её возможностей можно очень долго. Любой специалист назовёт сотни примеров. Глобальное потепление – как и похолодание – далеко не катастрофа. Человечество в целом выработало столько рецептов выживания в любых условиях, что их более чем достаточно для неуклонного всеобщего процветания.

Успешнее прочих осваивает жару Израиль – единственная пустынная страна, создавшая европейский уровень жизни не ценой сырьевого экспорта, а исключительно делами голов и рук своих жителей. Еврейский опыт позволит всему человечеству благополучно пережить предстоящую пару десятилетий.

Даже глобальное потепление не отменяет глобальную же конкуренцию. Кто первым перенесёт на свою почву израильские уроки – получит ощутимое преимущество перед не столь расторопными конкурентами. Правда, ненадолго: всего на ту же пару десятилетий. Но в промышленности за это время меняется два-три поколения оборудования и технологических процессов. Опережение хотя бы на пару лет – выигрыш по меньшей мере в половину поколения. Наша авиация в Великой Отечественной войне как раз на полпоколения опережала германскую – и несмотря на все организационные неурядицы, к середине войны мы уже прочно господствовали в воздухе. Может быть, и теперь – в войне с природой – сработаем с опережением?

Логистика на Неве

Санкт-Петербург – экономически вынужденный город

В исторической науке принято говорить: «История не знает сослагательного наклонения». С античных времён известно: даже боги не могут сделать бывшее небывшим. Нельзя переиграть былое, опробовать разные варианты действий.

Но исторические события можно оценить только сравнением с несостоявшимися вариантами. Так, болезненная для нас память об Иване Четвёртом Васильевиче Рюриковиче или Иосифе Первом Виссарионовиче Джугашвили – при всей скромности их кровопролитий на фоне деяний правителей многих других стран в те же эпохи – заставляет спрашивать: а можно ли было менее свирепыми средствами решить сложнейшие задачи, вставшие перед страной, или любым путём добиться лучшего результата?

Не зря с давних времён на стыке литературы с наукой развивается увлекательное направление исследований – альтернативная история. Ей отдали дань даже многие классики. Так, британский историк Арнолд Джозеф Тойнби славен не только концепцией ответа на вызов как движущей силы истории, но и сборником очерков об исторических развилках: скажем, что было бы, если бы Александр Третий Филиппович Македонский не умер в Вавилоне в тридцать три года (до сих пор спорят, погубила его лихорадка или пьянка)?

Увы, свобода альтернативной истории – кажущаяся. Великие дела редко свершаются по произволу. Так, северная столица России создана по точному расчёту логистики – искусства снабжения – на уровне целого театра военных действий. Да ещё в сочетании с межгосударственным экономическим сотрудничеством.

С середины семнадцатого века – когда Россия оправилась от последствий Смутного времени и снова вошла в мировую политику и экономику – и вплоть до конца наполеоновских войн главным нашим торговым партнёром была Англия. Россия систематически нарушала установленную Наполеоном Карловичем Бонапартом антианглийскую континентальную блокаду: без торговли с островной державой мы разорились бы. Но и британцы нуждались в нашем товаре ничуть не меньше, чем мы – в плодах их промышленности. Лучшим материалом для канатов на флоте – основе

британского величия – была русская конопля. Наше железо почти до конца девятнадцатого века выплавлялось на древесном угле и потому было куда чище английского: там леса, пригодные на топливо, сведены ещё в средневековье, а коксовать каменный уголь хотя и попытались ещё в тысяча семьсот тридцать пятом, но нюансы процесса, включая удаление вредных для металла примесей, осваивали ещё порядка века.

Наш хлеб был нужен и на юге. Но там хватало конкурентов: скажем, нищая Италия охотнее возила зерно из соседней Франции.

А главное – турок мы научились бить уже к концу правления Петра Первого Алексеевича Романова. С тех пор южный театр военных действий не требовал особо пристального надзора высшей государственной власти: зачистка Черноморского побережья от турок и покорение крымских татар хотя и заняли более полувека, но проходили в рутинном режиме. Даже в Крымской войне два наших полка легко сокрушили отборных французских гвардейцев – зуавов – благодаря тому, что по одежде в арабском стиле приняли их за турок.

На севере же мы с тысяча пятьсот девяностого по тысяча восемьсот девятый почти непрерывно бились со Швецией. Успокоились шведы, только когда мы отвоевали у них Финляндию и по льду Ботнического залива атаковали Стокгольм. До того даже тривиальная проводка морских торговых караванов в мирное время могла обернуться полноценным сражением.

Располагали шведы не только умелой армией, но и мощным флотом. Это придало войне динамику, недостижимую на чисто сухопутном фронте причерноморских степей. Для принятия стратегических решений нам зачастую оставались даже не дни, а считанные часы.

К концу эпохи русско-шведских войн – в тысяча семьсот девяносто втором – братья Клод и Игнатий Шапп разработали оптический телеграф. Все его узлы и принципы известны ещё с античности. Если бы конструкция появилась веком ранее, динамичным балтийским театром военных действий можно было бы управлять из Москвы. Но у Петра Первого Алексеевича Романова не было связи быстрее конного гонца. Пришлось переезжать к центру событий.

Вдобавок на Балтике не так уж много мест, удобных для кораблестроения. Ригу, отвоёванную у шведов по ходу Северной войны, куда труднее защитить от вражеских рейдов, чем Петербург, прикрытый с моря системой островов (на крупнейшем из них – Котлине – воздвигнута мощнейшая морская крепость Кронштадт). Создание же флота – дело весьма затратное, а потому требующее непрерывного надзора высшей государственной власти.

Через два года после смерти Великого на трон сел его внук Пётр Второй Алексеевич Романов – и вместе с двором вернулся в Москву. Но ещё через три года – сразу после смерти юноши – центр империи вновь пришёл на Неву. И оставался там, пока большевики не вырвали страну из системы международной торговли.

Говорят, тяготы сотворения Северной Пальмиры на болотах унесли многие тысячи строителей. Увы, на войне как на войне: эти жертвы ничтожно малы по сравнению с потерями страны в случае поражения от шведов. А без балтийского центра управления поражение было практически неизбежно: при тогдашних средствах связи не выстраивалась из Москвы ни координация, ни логистика.

Правда Нострадамуса

Зашифрованный прогноз

Один из знаменитейших предсказателей – Мишель де Нотр-Дам, или, как он подписывался в латинизированной форме, Михаил Нострадамус – замечателен во многих отношениях. Глубоко и разносторонне образованный, с богатейшим жизненным опытом. Успел заняться множеством интересных работ. В частности, был врачом. В своём родном городе даже сумел остановить эпидемию чумы, что и по нынешним временам довольно сложно. Похоже, он вовремя заметил первые приметы этого несчастья и успел организовать действительно надёжный карантин.

Однажды он в очередном гороскопе сформулировал фразу, оказавшуюся приложимой к последовавшей после того смерти короля Генриха Второго. Тот погиб довольно нелепым образом: участвовал в рыцарском турнире, у его противника раскололось копье, тоненькая щепка проскочила сквозь щель в забрале шлема и попала в глаз. Случай действительно несчастный и совершенно непредвиденный, но вот так уж Нострадамусу повезло. Или не повезло, судя по последствиям. Гороскопов он составлял много, ибо они были в большой моде, и одна из формулировок случайно попала – как у меня в своё время попала в реальный случай формулировка «на тебя лошадь наступит». Бывает.

После этого Нострадамуса сочли идеальным прорицателем и начали верить всему, что он говорит. Это очень выгодно, ибо за пророчества люди готовы щедро платить в надежде, что потом смогут возместить расходы, обойдя особо острые подводные камни судьбы. Насколько я могу судить, эта надежда никогда не оправдывается, но верят в такую возможность очень многие.

Но, с другой стороны, Нострадамус весьма интересовался реальной жизнью. А тут получилось, что он просто не может ничего о ней сказать, потому что всё воспринимают как пророчество.

Дальше перескажу статью, опубликованную в журнале «Наука и жизнь» лет, наверно, пятнадцать назад. Мой пересказ далеко не столь увлекателен, как оригинал, но боюсь, что оригинал сейчас даже менее доступен, чем мои слова.

Нострадамус, помимо всего прочего, в какой-то мере мой коллега – политический аналитик и консультант. Похоже, это вообще далеко не худший вариант карьеры для человека, чьи ум и образование столь известны окружающим, что систематически преувеличиваются. В его время самой актуальной политической проблемой была религиозная война по всей Европе между католиками и недавно сформировавшимися протестантами.

Главным оплотом католиков стала Испания – в ту пору величайшая из европейских монархий, владевшая половиной ресурсов Западного полушария. Нострадамус задумался: что будет, если и в самой Испании протестантство войдёт в моду? И начал рассчитывать, как в этом случае обернутся события. Получился большой и очень увлекательный анализ со множеством крайне серьёзных последствий для всей Европы. Но опубликовать его тогда было просто рискованно. Во-первых, Франция – католическая страна, и там за описание перспектив протестантства не похвалили бы. Во-вторых, могли и просто наёмного убийцу подослать в качестве мести за слишком эффектный прогноз.

Но в ту пору – и ещё пару веков после Нострадамуса – в науке бытовал интересный обычай. Чтобы застолбить приоритет, публиковали ключевые формулы открытия в зашифрованном виде. Если в дальнейшем открытие подтверждалось, учёный публиковал

ключ к шифру и таким образом доказывал: «Вот ещё когда я всё это придумал!» Ну, а если не подтверждалось, он просто оставлял ключ в секрете и его репутация не портилась.

Нострадамус воспользовался этим же приёмом. Он придумал шифр к своему исследованию.

Например, в тогдашних религиозных войнах колоссальную роль сыграли войска Швеции. Достаточно вспомнить Тридцатилетнюю войну, шедшую с тысяча шестьсот восемнадцатого по сорок восьмой год в основном на территории многочисленных государств, ныне слившихся в Германию. Итоги войны подвёл Вестфальский мир, зафиксировавший правило невмешательства во внутренние дела государства. В частности, было установлено: *cuius regio tuius religio* – чья власть, того и вера. Так вот: протестантскими стали те государства, где успели побывать шведы, а все прочие так и остались католическими.

Швеция – самая северная страна тогдашней Европы. Поэтому Нострадамус назвал её «северным соседом». Испания у него стала «красной», поскольку красный – основной в Испании геральдический цвет. У него даже появились «красно-красные» – испанские кардиналы, ибо кардиналы ходят в красных мантиях, и так далее.

Получившийся зашифрованный текст Нострадамус изложил в стихотворном виде и опубликовал.

События пошли другим путём. В Испании так и не появилось сколько-нибудь значимого протестантского движения. Соответственно и ключ к прогнозу Нострадамус публиковать не стал. А когда он умер, сработала репутация: его текст сочли пророчеством для будущих времён, а не анализом современных ему событий, и пытались расшифровать, примеряя к каждому новому повороту истории. Только в конце тысяча девятьсот восьмидесятых кто-то из российских историков догадался наконец примерить слова Нострадамуса не к нашим дням, а к его собственной эпохе. Всё сошлось. Но легенды о Нострадамусе так популярны, что реальное содержание его слов до сих пор не знает почти никто, а все предпочитают фантазировать.

Коммуникационная ловушка

Ржевские сражения были жизненно необходимы

На поле боя Великой Отечественной войны наша армия мало уступала противнику. Безвозвратные потери – убитые, раненные так тяжело, что вовсе выбыли из армии, умершие в плену – одиннадцать с половиной миллионов человек у нас, восемь и шесть десятых миллиона у немцев и их союзников. Четыре к трём – достойное соотношение.

Демографические потери – включая погибших мирных граждан и спад рождаемости – двадцать шесть и шесть десятых миллиона у нас, одиннадцать и восемь десятых миллиона у противника: пять к двум. Но это – следствие старательного исполнения предначертаний правившей в ту пору национальной социалистической немецкой рабочей партии: освобождение жизненного пространства для высших народов и рас путём истребления низших.

Впрочем, многие считают: немцы истребили столько штатских потому, что военные их не защитили. Может быть, советское командование могло действовать эффективнее?

Серьёзной нашей неудачей в той войне принято считать бои под Ржевом. Задачу занять город поставили восьмого января тысяча девятьсот сорок второго, а решили тридцать первого марта сорок третьего. За пятнадцать месяцев прошли всего две сотни километров. Безвозвратные потери – четыреста тридцать три тысячи человек. Санитарные – раненые, после лечения вернувшиеся в строй – около восьмисот девяноста двух тысяч.

Наступали мы четырежды – в сумме около полугода. Каждый раз – на подготовленную долговременную многослойную оборону. Прогрызается она ценой тяжких жертв – ради глубокого прорыва, дабы разгромить тылы врага и затем легко разбить его войска, лишённые снабжения. Немцы же держали под Ржевом мощные подвижные – танковые и мотопехотные – соединения. Они успевали заткнуть дыры в обороне, выстроить новые системы огня. Поэтому общие немецкие потери под Ржевом чуть ли не вчетверо ниже наших, а в целом по Западному направлению в тысяча девятьсот сорок втором – в два и семь десятых раза (хотя в том страшном году соотношение на других направлениях было для нас ещё хуже). Правда, после каждого нашего удара немцам приходилось пополнять подвижный резерв, снимая силы с других участков фронта. Но и наши силы под Ржевом восстанавливались по несколько месяцев. Не зря зачастую говорят о Ржевской Мясорубке.

Стоил ли Ржев столь страшной цены?

Увы, стоил. Ибо характер того сражения всецело обусловлен не местными обстоятельствами, а стратегическими – проявляющимися иной раз за многие сотни километров от Ржева – соображениями.

Ржевская группировка контролировала магистрали, связывающие Москву и Смоленск – крупнейшие центры коммуникаций. Причём не только дорог от тыла к фронту, но и рокадных – вдоль фронта. Поэтому под Ржев проще всего было доставлять подкрепления и боеприпасы, а главное – оттуда войска легко перебрасывались на другие участки.

Мы не могли отказаться от атак укреплённой линии по мере накопления свежих сил и боеприпасов. Если бы немцы почуяли нашу пассивность на ржевском фронте – сразу отвели бы войска под Смоленск, а оттуда по рокадам перебросили к Ленинграду или Сталинграду. Нарушение неустойчивого равновесия на любом из этих ключевых участков привело бы не только к захвату самого города, но и к обвалу громадной части фронта. Жертвы многократно превзошли бы все кошмары Ржева.

Удержала немцев от такого манёвра лишь угроза разгрома отступающих нашим ударом вдогонку. Но не только ради такого удара мы не могли перебросить из-под Ржева – ни к Ленинграду, ни к Сталинграду – свои силы. Немцы умели нащупать малейшую слабину в чужих боевых порядках, вклинить в неё подвижные части (а под Ржевом их хватало) и развить наступление. Ржев недалёк от Москвы. Немцы могли повторить ход, сорванный в ноябре – декабре тысяча девятьсот сорок первого. С учётом достигнутого в сорок втором уровня военного искусства и подвижности обеих сторон нам надо было держать под Ржевом силы, в разы превосходящие возможное немецкое наступление – иначе мы не успели бы заткнуть брешь.

Поэтому же нам под Ржевом нельзя было пассивно обороняться. Атакуя, мы вынуждали немцев концентрировать свои силы на угрожаемом направлении, не позволяли им искать места, удобные для прорыва наших позиций.

Обе стороны сознавали: бои под Ржевом не решают никаких задач, важных именно для этого региона. Немцы ещё в Первой Мировой войне намаялись в позиционном тупике Западного фронта. Теперь они вовсе не желали, как в ту пору, сжигать ресурсы в пассивной обороне. Наши военачальники благодаря манёврному характеру Восточного

фронта и Гражданской войны не накопили столь печального опыта, но теоретически знали бессмысленную кровопролитность атаки подготовленных укреплений, за которыми – подвижные резервы. Увы, структура коммуникаций не оставляла в центральной части фронта иного выбора ни нам, ни немцам.

На ясном стратегическом фоне было немало тактических ошибок. Мы – из-за меньшего боевого опыта – ошибались чаще. Только к концу тысяча девятьсот сорок второго – под Сталинградом – мы впервые разгромили окружённого противника. Весной сорок третьего немцы очистили Ржев под угрозой такого же окружения. Но само по себе стремление драться под Ржевом в сорок втором совершенно неизбежно и поэтому оправдано как «деяние, совершённое в состоянии крайней необходимости».

Дети – наши деньги

Никакие накопления не заменят населения

Я – политик не столько действующий, сколько консультирующий. Поэтому могу позволить себе говорить такое, чего ни один публичный деятель, дорожащий шансами на переизбрание, не скажет. Вот и прошедшим летом я заявил то, что практически все политики прекрасно знают и без меня: демографический спад невозможно преодолеть без отказа от нынешней концепции всеобщего пенсионного обеспечения.

Дети – не только цветы жизни и продолжение наших надежд. Цветы надо растить (иной раз до четверти века, прежде чем ребёнок станет хотя бы теоретически способен искать своё место в жизни). Да и ради воплощения надежды тратятся немалые силы и средства – хотя бы на поиск и оплату хороших кружков по интересам. Всё это изымается из ресурсов, полезных для собственного жизнеобеспечения. Главный безвозвратно расходуемый ресурс – время. Даже если оплачен отпуск на несколько лет для ухода за ребёнком – все эти годы вычеркнуты из профессионального совершенствования и карьерного роста.

Осложняется и личная жизнь. Уход за ребёнком – круглосуточный монотонный труд, пусть и скрашиваемый восторгом при виде явных признаков каждого нового этапа развития. Бессонница от детского плача – одно из известнейших, но далеко не тяжелейших последствий пребывания в доме человека, физиологически не способного контролировать собственную жизнедеятельность. Ребёнок осваивает нелёгкие искусства перемещения в пространстве, открывания дверей и ящиков, удержания предметов разной формы и прочих деталей взрослого поведения. И при этом неизбежно громит всё домашнее хозяйство. Это пострашней бессонницы.

А потом родители повторяют поговорку: большие детки – большие бедки...

Словом, нынче многие считают: куда выгоднее не тратить силы на детей, а копить деньги на старость.

Но деньги сами по себе несъедобны. Они – всего лишь способ получить какие-то материальные блага. А их ещё надо произвести. Если демографический спад продолжится – произвести будет некому.

Мои оппоненты указывают: соотношение между трудоспособными и пенсионерами, установившееся ныне, ещё долго не изменится, и средний уровень жизни сохранится, пока сокращение общей численности населения не затруднит поддержание и развитие технологий. Правда, Россия до этого дошла при развале СССР: ведь в большинстве

нынешних технологий новые разработки заведомо не могут окупиться на рынке, где живёт менее двухсот миллионов человек. Но в Европейском Союзе или Северо-Американской Зоне Свободной Торговли (не говоря уж о Китае с Индией) ещё нескольким поколениям нечего бояться. А там и технологии разовьются, снимая опасения за благосостояние иждивенцев. Уже сегодня в сельском хозяйстве Соединённых Государств Америки занят всего каждый пятидесятый (а с учётом сезонных работ – каждый тридцатый) житель – и при этом США экспортируют добрых две трети производимого продовольствия. И по прочим видам жизнеобеспечения один с сошкой рано или поздно легко прокормит семерых с ложкой. Было бы у этих семерых под старость накоплено достаточно, чтобы оплатить его труд.

Долгосрочные накопления идут на инвестирование – в частности, техническое перевооружение производств. Но в рамках одного поколения технологий каждый следующий грош, вложенный в оборудование, даёт меньшую отдачу, нежели предыдущий. Новые же методы рождаются не каждый день. Фридрих Фридрихович Энгельс правильно отметил: когда у общества возникает потребность, она движет науку вперёд больше, чем десяток университетов. Но если собрать девять беременных, ребёнок за месяц не родится! Генрих Саулович Альтшуллер указал: фундаментальное открытие должно обрасти многими тысячами изобретений разного уровня творческой новизны, прежде чем даст заметные результаты. На поиск уходят многие десятилетия.

Если у нас не будет детей, денежные накопления не помогут: их некому будет использовать для производства того, что потребуется нам на пенсии. Сегодня мы ещё надеемся на гастарбайтеров из стран, где молодёжи пока хватает, да на вынесение туда производства. Но проблема настигнет наших – пусть и немногочисленных – потомков: ведь вслед за развитым производством в эти страны придёт и современная структура общества, включающая сильную социальную политику, в том числе и всеобщее пенсионное обеспечение.

Сам этот привычный нам способ жизнеобеспечения – довольно новый. Пенсии тысячелетиями были редкой привилегией. Только в конце девятнадцатого века канцлер Второй Германской империи Отто Эдуард Леопольд Карл-Вильгельм-Фердинандович герцог фон Лауэнбург князь фон Бисмарк унд Шёнхаузен в борьбе с социалистами принял некоторые популистские меры – в том числе пенсии для всех. Другой любимый мною автор политических афоризмов и поборник величия империи Уинстон Леонард Рэндолфович Спенсёр Чёрчилл сказал: политический деятель думает о следующих выборах, а государственный о следующих поколениях. Как видно, Бисмарк в данном случае не явил мудрости государственного деятеля.

Все пенсии уничтожить невозможно. Всегда кто-нибудь рано потеряет детей или по объективным причинам вовсе не сможет их завести. Но если мы в массе своей не поймём, что конечным источником всех богатств остаётся именно труд – будем обречены на нищую старость и голодную смерть.

Вниз лучше, чем вверх

Дамбы против наводнений – стратегия тупиковая

Будучи в очередной раз в Одессе, обратил внимание на выплеск пугалок в местных и республиканских средствах массовой информации. Дамбы в нижнем течении Дуная давно

не обновлялись. При очередном паводке их того и гляди прорвёт и размост – а тогда всей округе не поздоровится.

Самое странное в этом шуме – то, что местные власти действительно полагают обваловку русла громадной реки защитой от её разливов...

Хуанхэ – Жёлтая река – и Янцзы – Длинная река – тянутся из Тибета через весь Китай. Подпитка тающими горными льдами и муссонные дожди создают мощные паводки. На равнинах уровень воды поднимается иной раз на пять метров. Затопливаются преизрядные окрестности.

Китайские крестьяне по меньшей мере две с половиной тысячи лет ограждают себя от разъярённых паводковых вод дамбами, ограждающими всю равнинную часть великих рек. Вдоль Хуанхэ и её притоков тянется уже около пяти тысяч километров насыпных стен, вдоль Янцзы – более двух тысяч семисот километров.

Сооружения грандиозные. Можно лишь восхищаться трудолюбием миллионов крестьян. И сокрушаться их же недалёковидности.

За тысячелетия вроде бы можно было возвести непроницаемые плотины на века вперёд. Между тем их наращивают едва ли не ежегодно. Значит, есть в самой идее защитного сооружения нечто, ставящее эффективность идеи под серьёзное сомнение.

Это «нечто» кроется в самом названии реки Хуанхэ и Жёлтого моря, куда она впадает. И реке, и морю придаёт цвет преизрядная концентрация ила. Значительная часть китайских равнин покрыта лёссом – сверхтонкозернистой глиной, легко размокающей и размывающейся. Великие реки намывают столько лёсса, что под конец пути способны окрасить целое море.

Конечно, далеко не весь лёсс выносится с материка. Основная его часть оседает по дороге. Регулярные разливы рек постепенно покрыли лёссом все местности, куда добирались паводковые воды. Сравнительная однородность почвы китайских равнин – следствие многотысячелетнего заиливания.

Когда первые дамбы отгородили равнину от паводковых вод, лёссовый ил стал оседать только в пределах русла рек. И, естественно, поднимал их дно. Рано или поздно очередной паводок переваливал через земляные валы и растекался по равнине во все стороны. Падая с верха дамб, он обретал мощь куда сокрушительнее, чем при былом плавном разливе. И крестьяне, оправившись от очередной природной катастрофы, вздымали насыпь ещё выше.

Сейчас русла великих рек напоминают грандиозные вариации на тему римских акведуков. На протяжении многих сот километров они текут куда выше окружающих равнин. Хуанхэ местами поднята над землёй на десяток метров, а уж три-пять метров – почти повсеместно обычное превышение. Дамбы соответственно ещё выше – по меньшей мере на пять метров обычного паводка.

Когда паводок всё же перехлестывает дамбы и рушится на равнину с такой внушительной высоты, он сметает всё на многие десятки километров вокруг. Разливы, некогда бывшие ежегодной мелкой неприятностью, ныне происходят раз в десяток лет – но с катастрофическими последствиями.

Вдобавок значительная часть Китая сейсмоопасна. Паводок хотя бы можно предвидеть и загодя эвакуировать людей и самые ценные вещи. Но если дамбу прорывает подземный удар, уйти не успеет никто. Чудовищные по сравнению с большинством других стран потери при китайских землетрясениях – следствие не только плотности населения, но и стратегии защиты от наводнений, избранной простыми крестьянами тысячи лет назад...

Одна из крупнейших рек Европы судоходна в большей части своего течения. В советские времена Дунайское пароходство было сопоставимо если не с крупнейшим судовладельцем мира – Черноморским (в начале тысяча девятьсот девяностых полностью разворованным), то по крайней мере с Азовским – полноценным морским. Нижнее течение Дуная изрядно страдает от заиливания – хотя пока наносы там куда меньше Хуанхэ с Янцзы. Поддержание судоходства хотя бы в крупнейших рукавах речной дельты требует постоянных дноуглубительных работ – но многократно окупается.

Ныне Украина то и дело спорит с Румынией за право пользования некоторыми судоходными рукавами Дуная. И в то же время собственными руками – через поддержание дамб – выводит из строя другие рукава, при должном дноуглублении также способные стать судоходными. Да вдобавок строит себе мину замедленного действия в китайском стиле.

Почему такое решение приняли древние крестьяне, понятно: у них просто не было техники, способной регулярно выгребать со дна больших рек слой ила и тем самым поддерживать глубину русла достаточной, чтобы паводок не вырывался из существующих берегов. Но нынче людям хватает средств, чтобы опустить дно любого нужного рукава Дуная до уровня, исключаяющего разлив даже при самом мощном мыслимом паводке. Заодно можно не только компенсировать все затраты на работу землечерпалок, но и получить ощутимую прибыль: грузопотоки на Дунае вряд ли в обозримом будущем изменят очевидную ныне тенденцию к росту.

Вероятно, когда речь о дунайских паводках зашла впервые, дамбы показались более простым, скорым и дешёвым решением...

Поговорка «скупой платит дважды» слишком оптимистична. Скупой платит каждый раз, когда обстоятельства вновь напоминают об его скупости.

Между производителем и потребителем

Диктатура посредников = диктатура посредственностей

Российское правительство призывает крестьян самостоятельно торговать на городских рынках, дабы не зависеть от произвола перекупщиков. Но за базарными прилавками – в основном люди, даже по виду непричастные к труду на земле. Обычно в этом винят мафиозное объединение интересов спекулянтов и правоохранителей. Но причина чисто экономическая – а потому неодолимая.

Разделение труда повышает производительность. Потратит крестьянин время на поездки в город, на стояние за прилавком – вынужденно уделит меньше сил и внимания уходу за угодьями, за инструментами – произведёт куда меньше. Даже если сам выручит чуть больше – обществу в целом его самодеятельность куда менее выгодна, нежели выделение особой касты торговцев.

Один посредник может взаимодействовать сразу со многими производителями и потребителями. Управляемый им товарный поток куда больше, чем у каждого из его контрагентов. Даже если сам он за свои услуги возьмёт скромную долю общей цены – масса его прибыли вполне ощутима.

Спрос может быть слишком велик, чтобы его удовлетворил один изготовитель. Но торговец не нуждается в значительных производственных мощностях. Ему мало что мешает развернуть сеть на весь доступный рынок. Посреднику легче добиться монополии,

чем производителю или потребителю.

Монополия же позволяет произвольно наращивать цену. Посредник способен разбогатеть быстрее любого из обслуживаемых им производителей.

Отправной точкой английского промышленного и финансового могущества считают огораживание – массовый захват общинных земель частными владельцами, сопровождаемый массовым разорением крестьян и принуждением их к работе в промышленности за бесценок. Но пройти от этой точки пришлось немало. Главными шагами стали два запрета. Сперва стало невозможно вывозить просто шерсть: пришлось развивать валяние войлоков и *censored*н, прядение, ткачество – то есть промышленность. Затем Навигационный акт почти исключил внешнюю торговлю на неанглийских судах. Привилегию обрели посредники между английской – уже стремительно развивавшейся – экономикой и остальным миром. Тогда и стала Британия править морями.

Её владычеству пытались в ту пору всерьёз противодействовать только Нидерланды, до того – ещё в составе Испанской империи – закрепившие за собою львиную долю морских грузоперевозок. Прочим державам куда важнее была стабильность грузопотоков, нежели адресат платы за фрахт.

На рубеже девятнадцатого – двадцатого веков двое адмиралов – американский Алфред Тайёр Деннис-Хартович Мэхэн и британский Филип Хоуард Джордж-Томасович Коломб – обобщили мировой опыт и создали теорию морского владычества. Держава, контролирующая Мировой океан, в любом конфликте опирается на хозяйственную мощь всего мира. Ей не обязательно торговать – как во времена Кромвелла – самой. Достаточно охранять морские конвои. Её противник окажется вынужден дезорганизовать морские – самые дешёвые и объёмистые – перевозки, а потому восстановит против себя даже изрядную часть нейтралов. Вот сколь важны бывают посредники!

Посредники с незапамятных времён изучали вкусы клиентов. А то и формировали их, приучая европейских рыцарей к шелкам и пряностям, индийских раджей к шотландскому виски... В нынешнем информационном мире эта роль явно необходима. Но чем острее потребность, тем проще злоупотребить ею.

Не один живописец жаловался: маршан – торговец объектами искусства – не рекомендует ему экспериментировать, варьировать жанры и стили. Раз уж манера стала привычна покупателям – от добра добра не ищут. Стабильность продаж превыше свободы творчества. А хочешь что-то в себе изменить – прежде всего меняй маршана. Если, конечно, кто-нибудь из этого почтенного сословия захочет сотрудничать с возмутителем спокойствия.

Сходная обстановка и в других отраслях массового искусства. Музыкальные продюсеры, выстроив группы вроде На-На и ВИА Гра, тасуют исполнителей по своему усмотрению – лишь бы общий контур (от фанерного звука до поющих стрингов) не менялся. Радио и телевидение отгораживается от всего творческого жёстким понятием «формат».

Понять финансистов и техников можно. Новому певцу бывают нужны десятки выступлений, чтобы прочувствовать аудиторию и приучить её к себе. А на отработку технологии большой передачи уходят иной раз многие годы. Нынче не только форматы ток-шоу, но и сюжеты сериалов у нас чаще покупают на Западе, где они уже обкатаны. А если что-то в покупке заточено под зарубежные реалии – проще подстроить вкус аудитории под шаблоны вроде закадрового хохота, нежели добиваться от зрителя

естественной реакции.

Мало кто из посредников готов выискивать штучный товар, а потом под него искать столь же штучного потребителя. Ориентироваться на массовую – значит, стандартную – аудиторию не только проще, но и выгоднее: неизбежные накладные расходы раскладываются на большее число продаж.

Сейчас постепенно формируются технические средства (вроде поисковых систем в Интернете), позволяющие производителю и потребителю напрямую находить друг друга, выяснять возможности и потребности. Надеюсь, сложится новый рынок, где – как в древние времена искусных мастеров и тонких ценителей – источником богатства станет разнообразие.

Диктатура же посредников – это диктатура посредственности.

Ошибка в ДНК

Кому опасны генно-модифицированные продукты

Наш закон велит указывать на любом продовольствии сведения о содержании генно-модифицированного сырья, если оно превышает один процент. Многим и этого мало. Так, правительство Москвы предлагает отмечать любое ненулевое содержание. Это затронет всю нашу еду – так, сою без генных модификаций давно не выращивают практически нигде в мире.

Коммерсанты саботируют норматив. Ведь запуганный экологическими воплями народ боится «пищи зомби». Но юристы, чуя поживу, могут добить коммерцию – и люди будут шарахаться от любой расфасованной пищи.

А есть ли от чего шарахаться?

Вся наша еда (кроме разве что охотничьей добычи да сбора дичков) сделана из культурных сортов растений и животных. Эти сорта – плод многолетнего (а то и многовекового) отбора результатов мутаций, скрещивания разных образцов для выделения оптимальных сочетаний мутаций и прочих манипуляций над генами, постоянно модифицируемыми самой природой. Генные технологии отличаются от классической селекции лишь тем, что нужные гены можно взять не только от организмов, скрещивающихся естественным путём.

Добыть из полярной рыбы ген природного антифриза и включить его в томат, чтобы новый сорт стал устойчив к заморозкам – задача сложная: надо разобраться, какой из многих тысяч генов отвечает именно за морозостойкость. Но от классики отличие только одно: не нужны миллионы неудачных проб и ошибок. Поэтому нынешние способы несравненно быстрее – значит, дешевле – старых. И при этом ничуть не опаснее, ибо основаны на старых принципах.

В новой работе и ошибки случаются новые. Однажды в сою – бедную аминокислотой метионином – ввели из бразильского ореха ген, ответственный за выработку белка, содержащего очень много метионина. Но как раз этот белок вызывает у некоторых людей сильную аллергию. В чистом виде бразильский орех продаётся свободно: те, кто склонен к аллергии, просто избегают его. Да и природная соя – аллерген покруче бразильского ореха – потребляется – в чистом виде или в добавках к другой пище – большей частью человечества. Этот сорт сои был вообще кормовой. Но производители побоялись, что её по ошибке употребят в еде для людей, и сняли с производства. С тех пор изменены

правила генных манипуляций: гены, связанные с веществами, потенциально вредными для человека, вовсе нельзя переносить во что-то съедобное (для человека или даже для животных).

Был и один несчастный случай. Аминокислоту триптофан, выработанную модифицированными бактериями, плохо очистили от питательного бульона для бактерий – и несколько человек, из-за редкой мутации чувствительных к одной из примесей в бульоне, заболели. Технологию очистки усовершенствовали.

Как видим, результаты генных технологий проверяются несравненно жёстче продуктов классической селекции. Если бы Лев Платонович Симиренко в конце девятнадцатого века вынужден был проходить нынешние тесты, любимый мною сорт яблок мог вовсе не поступить в продажу: слишком кислый, да и хранится подозрительно долго – уж нет ли в нём чего-то бактерицидного?

Во многих естественных продуктах есть явно опасные вещества. Так, каждый тысячный европеец плохо переваривает белок глиадин, содержащийся почти во всех злаках (кроме гречихи, кукурузы и риса). Без генной инженерии подобные опасности не устранить.

Абсолютной безопасности не даст никакая проверка: люди ухитряются давиться сливовыми косточками – косточки генно-модифицированной сливы сработают ничуть не хуже. Но модификации ничем не опаснее «природных» – то есть выведенных привычной нам селекцией – пород и сортов.

Рассказывают о страшных угрозах много и сенсационно. Так, биолУХ профессор Пуштаи обнаружил: если месяцами подряд кормить крыс одним генно-модифицированным картофелем, они почувствуют себя хуже. Его мудрости не хватило на простейшую мысль – накормить контрольную группу крыс обычным картофелем и убедиться, что всеядным животным плохо от любой монотонной диеты. Нейрофизиолог Ирина Ермакова догадалась завести три группы крыс: одну кормила стандартной лабораторной диетой, второй добавляла обычную сою, третьей модифицированную. Но во всех публикациях она сравнивает только первую и третью группы, а о второй молчит: ведь общеизвестно – крысы плохо переносят любую сою!

Страшилки о генных технологиях – клевета. Злостная. И беспроегрешная: пустил слухок в два слова – а опровергать надо горами статей столь серьёзных, что их не всякий прочтёт. Проплачивают её прежде всего производители ядохимикатов и удобрений: ведь главная ныне задача генных инженеров – совершенствование естественной защиты растений от вредных факторов. Ещё один источник финансирования клеветы – Европейский Союз, чьи фермеры вроде Жозе Бове безнадежно проиграли конкурентам из Нового Света и давно выпрашивают казённые подачки: не переучиваться же на более осмысленные занятия! Третий мощный генератор клеветы – политики, поддерживающие отсталость сельского хозяйства третьего мира, дабы голодающая Африка зависела от подкормки из-за океана.

Искренние же адепты панического эколожества напрашиваются на реплику, популярную ещё в мою бытность программистом. В особо безнадежных случаях на вопрос коллеги «Где тут ошибка?» до сих пор принято отвечать «В ДНК».

Право подчинения

«Право копирования» противоречит развитию человечества

Условие использования более ранних, нежели новомодная Windows Vista, версий операционных систем корпорации Microsoft – шедевр американской юридической мысли. Поэтому в переводе на бытовой язык выглядит странно. Microsoft милостиво позволяет своим клиентам пользоваться ранее купленными у неё экземплярами её программы при условии, что они предварительно оплатят и новую программу, им самим совершенно не нужную. И всё это – потому, что прежняя система уже была установлена на другом компьютере.

Сразу же установить нужную версию программы запрещено – её продажа прекращена. Заметьте: с производством ничего не случилось – ведь копию программы, в отличие от копии автомобиля, сделает кто угодно. Прекращена именно продажа: разработчик отказался брать за уже готовое изделие деньги, дабы принудить к пользованию другим своим изделием.

Корпорация более четверти века назад придумала любопытную и очень выгодную для неё юридическую фикцию. Она утверждает, что торгует не программами (как автор рукописями) и даже не их экземплярами (как издатель). Она продаёт клиентам только право использования программы – как продавала бы право поселения, если бы владела гостиницей. ОТЕЛЬЕР вправе сочинять правила пользования своим заведением. Вот и Microsoft ограничивает права пользователей. Причём её услуги нематериальны (отчего и могут размножаться бесконечно), а потому и ограничения не согласуются с реальностью, а определяются разве что богатством фантазии корпоративных юристов.

Программа объявлена «интеллектуальной собственностью» правообладателей – то есть даже не столько самих авторов, сколько тех, кто – как создатель и до недавнего времени руководитель корпорации Microsoft Уильям Генри Гейтс – оплачивает работу авторов. С собственностью же владелец вроде бы волен поступать по своему усмотрению: в римском праве *proprietas est jus utendi et abutendi* – собственность есть право употреблять и злоупотреблять.

Но знатоки латыни отметили: в этом правиле слово *abutendi* значит скорее не «злоупотреблять», а «употреблять необычным образом». Употребление же во вред обществу так или иначе осуждается всегда – хоть во времена разработки римского права, хоть в нынешнюю эпоху слепого мультикультурализма.

Термин же «интеллектуальная собственность» – смесь двух видов прав: самого творца и копирования его творений.

Признаваемые обществом права автора в разные эпохи изрядно различались. Даже концепция автора и авторства сформировалась далеко не сразу: скажем, творцы большей части мифов и легенд Древнего мира неведомы – и, похоже, это не беспокоило ни их современников, ни даже их самих. Но всё же мировой опыт постепенно определил набор правил, практически неотделимых от самого понятия творческой личности. Так, имя автора (или избранный им псевдоним) надлежит упоминать при каждом использовании его произведения (если только речь не идёт о цитате столь общеизвестной, что вся аудитория заведомо её опознает). Изменения, сделанные другими, и пропуски по сравнению с оригиналом следует явно отмечать (и по возможности объяснять). Вся совокупность подобных простых и общепризнанных обычаев на современном юридическом жаргоне именуется неимущественными авторскими правами.

Право же копирования творений (в юридическом слэнге – имущественное авторское право) сейчас сведено к праву запрещать копирование. Что прямо противоречит единственному пути прогресса.

Человек отличается от прочих животных возможностью усваивать чужой опыт не только из непосредственного показа, но и через рассказ – в том числе и рассказ тех, кто сам этим опытом не обладает. Самое полное сегодня выражение такого способа передачи (и совершенствования!) опыта – наука. Основа разработки программ с открытыми исходными текстами – GPL (General Public License – общая общественная лицензия) – по сути, перевод вышеизложенных обычаев авторства, накопленных в основном наукой, на юридический жаргон, выработанный в имущественном праве, то есть ради защиты не столько нового творчества, сколько прибылей от размножения уже готового творения.

Копирайт ограничивает распространение опыта – то есть тормозит развитие человечества в целом. Правда, не навсегда. Но в нынешнем переменчивом мире семь десятилетий после смерти автора – распространённый срок запрета на копирование – мало отличимы от бесконечности: преступный закон делает недоступным всё нужное для ориентации в современной жизни.

Поэтому, в частности, многие странности современного искусства и техники проистекают как раз из опасения попасть под удар поборников копирайта. Не зря ещё Станислав Ежи Лец ехидно спрашивал: «Если хорошее старое побеждает плохое новое – это прогресс?»

Меж тем плоды творчества, не стеснённого запретом опираться на былые достижения, столь изобильны, что для безбедной жизни всё новых творцов вполне хватает даже малой доли, отчисляемой (чаще всего – добровольно) от созданного прежними поколениями. Ибо создано этими поколениями всё человеческое общество со всей его материальной и духовной культурой.

Юридические уловки Microsoft – не только изощрённое издевательство над её клиентами, но и (независимо от намерений корпорации) удар по всему миру.

Гениальный квадрат В чём величие Малевича

Сейчас несколько слов о чёрном квадрате. Хотя на самом деле он не чёрный и не квадрат.

Казимир Северинович Малевич сложил знаменитейшую из своих картин из множества слоёв самых разных красок – но чёрной среди них нет. Каждый краситель поглощает из падающего света свою часть – в конечном счёте не отражается вообще ничего.

При беглом взгляде неправильный четырёхугольник действительно кажется квадратным. Но при повнимательном рассмотрении заметно: все стороны и углы красочного пятна – разные. По авторскому замыслу верхней должна быть самая длинная сторона. Но нам привычнее, когда основание больше вершины – на доброй половине выставок прославленную картину вешают вверх ногами.

Но неужели всё величие работы, написанной ещё в тысяча девятьсот пятнадцатом – только в этих технических тонкостях? Неужели ценители живописи заказали Малевичу – за бешеные деньги – множество авторских копий ради того, чтобы отследить, сколь точно сможет мастер вручную воспроизвести все нюансы изначальной версии?

Вряд ли. Ведь сам живописец не пытался идеально повторять своё решение. Иначе не написал бы в дополнение к семи экземплярам «Чёрного квадрата» ещё и два экземпляра «Красного квадрата» – тоже неправильной формы.

Первоначально – ещё в тысяча девятьсот тринадцатом – «Чёрный квадрат» возник не как живописное произведение, а как декорация к футуристической опере Михаила Васильевича Матюшина «Победа над Солнцем» на либретто Алексея Елисеевича Кручёных и Виктора Владимировича Хлебникова, более известного под псевдонимом Велимир. Возможно, от противопоставления маленькому Солнцу на огромном небе идёт равенство фона и окрашенной площади картины. Хотя в наименее известной супрематической композиции Малевича – «Белом квадрате» – отличить фон от краски может только наметанный глаз опытного художника или хотя бы тонкого ценителя живописи.

Только что я помянул Кручёных и Хлебникова. Они сравнительно мало памятливы современным любителям поэзии. Да и при жизни их знал далеко не каждый. Мало кому под силу отчётливо произнести известнейшее пятистрочие Кручёных:

дыр бул щыл
убешщур
скуп
вы со бу
р л зз

А в провинциальной типографии не смогли набрать шесть страниц хлебниковских производных от корня «люб»: в ту пору текст для печати именно набирали из заранее отлитых отдельных букв, и запаса отливок «Ю» не хватило.

Кручёных и Хлебников – поэты для поэтов. Они постоянно играли со словом. А потом десятки других творцов наполняли найденные ими новые формы разнообразным содержанием. Не зря Владимир Владимирович Маяковский – тоже великий новатор – считал Кручёных и Хлебникова своими учителями.

Поиски Малевича – художника для художников – ещё сложнее. Потому что в ту эпоху менялся не только язык живописи, но и стоящая перед нею цель.

Несколько тысячелетий художники отработывали технологию всё более точного отображения видимой картины мира. Из древнегреческих времён до нас дошла легенда о великих мастерах Зевксисе и Паррисии. Зевксис написал гроздь винограда так точно, что налетели птицы и попытались её клевать. Паррисий, увидев это, пригласил Зевксиса к себе домой. Тот увидел в мастерской конкурента новую работу, прикрытую полупрозрачной занавеской, попытался её отодвинуть – и оказалось, что занавеска тоже рисованная. Зевксис признал себя побеждённым: он смог обмануть только глупых птиц, а Паррисий перехитрил опытный глаз первоклассного мастера.

С тех пор сделано ещё множество формальных открытий. Так, взаимное расположение предметов точно отображает геометрическая перспектива. А, скажем, Андрей Рублёв написал знаменитую «Троицу» в обратной перспективе – с точки зрения бога, глядящего сквозь икону на молящегося перед нею.

Но в середине девятнадцатого века появился фотоаппарат – и в одночасье обесценил едва ли не все накопленные достижения живописи. Геометрию пространства не воспроизведёшь точнее бесстрастного объектива. Даже цвет на снимках точно передаётся уже более века.

Человеку незачем конкурировать с машиной. Художники стали отображать не просто видимый мир, а, например, свои впечатления от него: целое направление живописи так и называется импрессионизм – впечатленчество. Или выражать внутренние чувства: экспрессионизм – выраженчество. Форму предметов не копировали, а расчленяли на

простейшие компоненты: Пабло Пикассо назвал своё направление поисков «кубизм».

Малевич тоже много экспериментировал. Сумел определить, к чему приведёт избранное им – и многими его коллегами – направление поисков. И отобразил на полотне конечную точку маршрута.

Предостережение помогло. Многие, кто вослед Малевичу искал супрематизма – верховенства – формы над содержанием, переключились на качественно иные направления развития. Тот же Пикассо вскоре ушёл от кубизма: теперь выделяемые им изначальные элементы видимых форм были хотя и просты, но взяты из природы, а не геометрии.

В неровных контурах и бесчисленных красочных слоях «Чёрного квадрата» знаток истории послефотографической живописи может разглядеть сотни картин, уже написанных выдающимися экспериментаторами, и многие тысячи ещё не созданных проб и неизбежных при этом ошибок. Этот намёк на целую эпоху – главная суть и ценность работы, созданной вроде бы только для своих.

Человек – это звучит дорого

Ценность человека растёт по мере падения цены вещей

Вторую Мировую называют Войной Моторов. Но моторы не рождаются и не лечатся сами собою. Результаты войны изрядно зависели от работников, создающих технику на заводах и ремонтирующих её в полевых условиях.

Немцы в расчёте на традиционно высокое мастерство создали непревзойдённую ремонтную службу. Даже система учёта потерь техники исходила из того, что танк остаётся на балансе, пока цела хотя бы табличка с заводским номером: остальное к ней прикрутят и приварят в мастерской.

Зато СССР несравненно лучше отладил серийное производство – в расчёте на неопытных рабочих.

Великий конструктор артиллерии Василий Гаврилович Грабин с началом войны радикально изменил устройство своих пушек – устранил едва ли не все технологические операции, требующие высокого индивидуального мастерства. В результате горьковский завод имени Сталина увеличил выпуск в восемнадцать раз: одних трёхдюймовок ЗиС-три там за войну выпустили сотню тысяч.

Тридцатьчетвёрка военных лет явно грубее первых образцов. Щели в люках моторного отделения так выросли, что немецкие пехотинцы ухитрялись, пропустив танк над собой и прыгнув на него сзади, без особого труда заливать туда бензин прямо из канистры. Немалая часть броневых деталей – прежде всего башня – из катаной стала литой: пришлось заметно нарастить толщину (и, значит, вес), чтобы сохранить прежнюю снарядостойкость. Разве что воздушный и масляный фильтр усовершенствовались – и то лишь потому, что изначальные варианты были вовсе неработоспособны.

До войны наша боевая техника рассчитывалась на неторопливый выпуск и тщательный ремонт. Едва ли не вся продукция военных лет по служебным характеристикам похуже. Зато её стало несравненно больше, чем у немцев. Мы их завалили – вопреки расхожему мнению – не трупами бойцов, а техникой.

Боевые потери в Красной Армии всего на десятую долю больше, чем в Вермахте и его союзниках. Вдобавок советские лагеря для военнопленных – в отличие от немецких –

соответствовали международным нормам. Мы не мстили за массовую гибель наших пленных от голода, болезней и непосильного труда. Основная часть захваченных нами врагов вернулась домой. Поэтому суммарные потери наших военнослужащих чуть ли не наполовину выше вражеских.

А вот британские и американские торговые моряки довольно долго заваливали врага своими телами. Средства борьбы с германскими подводными лодками и самолётами сформировались лишь через пару лет после начала полномасштабной войны. До того «волчьи стаи» гросс-адмирала Карла Дёница и «кондоры» рейхсмаршала Германа Гёринга охотились за транспортом почти беспрепятственно. Американцы ответили индустриальным способом. Уже к концу тысяча девятьсот сорок второго от закладки до спуска на воду транспортного судна серии Liberty проходило всего шесть недель. Восемнадцать верфей с тысячами субподрядчиков выпускали в день по три транспортника или танкера. Немцы не успевали их топить.

Вторая Мировая знаменовала разрыв со старинной ремесленной традицией бережного отношения к вещам. Сейчас старый подход бытует разве что в самых нищих уголках планеты, где ручная работа ремонтников всё ещё дешёва.

Зато та же война ярко проявила роль умелого человека.

Легендарную линию Мажино – лучшую в мире систему укреплений – германская пехота прошла насквозь за двое суток практически без потерь. Немцы ещё к концу Первой Мировой выработали технологию прорыва таких систем.

Советская армия перед войной имела больше техники, чем германская. Но её не умели быстро и массированно перебрасывать на направление удара, и предвоенные запасы погибли по частям. Только через пару лет боёв войска научились маневрировать. Тогда и стали регулярны наши успехи.

Британцы в Северной Африке потратили около года (и сменили троих командующих), чтобы научиться не отступать перед Роммелем, имея трёхкратный перевес в силах на направлении немецкого удара – хотя обычно такой перевес достаточен для успешного наступления.

Моряки союзников геройствовали не самоубийственно: в конвоях была система спасения экипажей. Спасали и сбитых над морем лётчиков. Легенды о самурайском духе, воспринятые без анализа, помешали японцам создать нечто подобное. В битве при атолле Полпути (Midway) в июне тысяча девятьсот сорок второго утонули сотни лучших пилотов с первоклассным боевым опытом. Япония в дальнейшем так и не возродила мощь своей авиации.

В мирное время ценность человека не столь очевидна. О ней можно судить скорее по косвенным признакам. Так, анекдот с ключевой фразой «Этих детей отмыывать будем или новых сделаем?» мог появиться, только когда десяток родов в одной семье из общепринятой нормы стал редчайшим исключением – идея производства людей «с запасом» теперь воспринимается как антигуманная. Нынешние успехи медицины в поддержании жизнедеятельности – и даже активности – тяжелейших инвалидов и безнадежных больных наглядно показывают не только совершенство науки, но и общепринятую веру в необходимость любых затрат ради каждой жизни.

По мере совершенствования технологий падает цена материальных благ. Соответственно относительно дорожают блага нематериальные. Жизни каждого человека придаёт ценность прогресс всего человечества.

Подземные заготовки

Создание метрополитена требует предусмотрительности

На перегоне между станциями «Щукинская» и «Тушинская» Таганско-Пресненской линии внимательный глаз замечает станцию «Волоколамская».

Недавно это название передано строящейся станции Арбатско-Покровской линии – между будущими «Мякинино» и «Митино». Новая станция откроется на пересечении линии с Волоколамским шоссе.

Существующую же станцию, наверное, переименуют в «Спартакoвскую». ЛУКойл готов занять часть Тушинского аэродрома стадионом для своей команды. Тогда и выходы доделают. Сейчас лестничные тоннели частично прорыты, но до поверхности не доходят. Ведь станцию построили прямо под Тушинским аэродромом – вместе со всем Краснопресненским радиусом метро. Тогда предполагали, что в скором будущем аэродром закроют, а на освободившейся ровной площадке соорудят большой жилой массив.

Сейчас подобный массив – только со зданиями лучшего качества – занял часть другого московского аэродрома: Центрального на Ходынском поле, между станциями «Динамо» и «Аэропорт» Замоскворецкой линии. Строгие правила воздушной безопасности в столице давно не позволяют использовать лётное поле по назначению. От былой небесной практики остались только Центральный аэровокзал да улицы, названные в честь великих авиаторов.

Осталось ещё конструкторское бюро Александра Сергеевича Яковлева неподалёку – хотя и по другую сторону улицы: Ленинградский проспект, шестьдесят восемь. Перед войной и во время неё Яковлев был не только личным консультантом Джугашвили по авиации, но и заместителем по опытным работам народного комиссара авиационной промышленности. Ходынское поле тогда ещё годилось для испытаний лёгких самолётов. Служебное положение позволило конструктору разместиться поблизости от места испытаний. Сейчас завод «Молния», находящийся позади здания КБ, демонтирован, помещения цехов превращены в телесъёмочные студии. Яковлевская фирма уже давно не создаёт столько новых машин, чтобы полноценно загружать производственную базу. Поэтому конструкторы при необходимости ездят на другие заводы.

Тушинский аэродром всё ещё не застроен. Транспортная досягаемость района слишком мала. Рядом с Ходынкой – две крупных магистрали: Ленинградский проспект и Хорошёвское шоссе. Обе сейчас реконструируются. И две линии метро – Замоскворецкая и Таганско-Пресненская. До Тушинского же аэродрома доходят пока только Таганско-Пресненская линия и Волоколамское шоссе. Они обслуживают ещё и соседнее Строгино, и изрядный кусок за МКАДь – Митино и недавно появившееся Куркино. Метро и шоссе перегружены далеко за предел проектных возможностей. Если построить ещё и аэродром – добраться до изрядной части северо-запада Москвы будет вовсе невозможно.

Когда пассажиропоток из Строгина и Митина перетечёт на ответвления от достраиваемого Краснопресненского проспекта и новый участок Арбатско-Покровской линии, старые пути частично разгрузятся. Можно будет возить жильцов будущих домов на аэродроме. Значит, и станцию запустят.

Достройка станции посреди действующей линии – не исключение.

На Люблинской линии «Дубровку» открыли через пару лет после «Крестьянской заставы» и «Кожуховской», между которыми она стоит. Эскалаторный ход попал в

геологически сложную структуру. Потребовалось усиленное крепление – и по ходу работы, и окончательное. Проходка затянулась.

«Шаболовская» на Калужско-Рижской линии заработала через восемнадцать лет после обрамляющих её «Октябрьской» и «Ленинского проспекта». До того не было в районе достаточного пассажиропотока.

«Горьковскую» (ныне «Тверскую») построили через рекордный сорок один год после соседних «Площади Свердлова» (ныне «Театральной») и «Маяковской» – ради пересадки на «Пушкинскую», а потом ещё и на «Чеховскую». Пересадка предусмотрена ещё в начале проектирования Замоскворецкой линии. Ведь перед любой станцией тоннели расходятся в стороны, чтобы освободить место для центрального перрона. Да ещё приподнимаются: тормозить легче на подъёме, а разогнаться на спуске. Всё это надо подготовить заранее: под землёй готовые рельсы не сдвинуть в сторону. Проектировщики Горьковского радиуса – от «Сокола» до «Площади Свердлова» – в середине тысяча девятьсот тридцатых решили: когда-нибудь на пересечении улицы Горького с Бульварным кольцом пройдёт ещё линия и появится станция.

На Замоскворецкой есть ещё заделы: «Бега» между «Динамо» и «Белорусской», «Москворецкая» в Зарядье между «Театральной» и «Новокузнецкой», «Вишняковский переулок» между «Новокузнецкой» и «Павелецкой».

На Арбатско-Покровской линии между «Площадью Революции» и «Курской» задуманы сразу две станции: «Маросейка» с пересадкой на «Китай-город» и «Покровские ворота». На западном участке строятся ещё две. «Славянский бульвар» между «Парком победы» и «Кунцевской» откроют уже в две тысячи девятом. «Крылатское» и «Строгино» обрамляют будущее «Троице-Лыково»: оно дожждётся плотной застройки одноимённого района.

Вводимую в две тысячи девятом станцию «Технопарк» на Замоскворецкой линии, между «Автозаводской» и «Коломенской», можно было не предусматривать заранее: участок открытый. Под землёй же строить – а тем более перестраивать – несравненно сложнее, чем на поверхности. Метростроевцы должны заглядывать на десятилетия вперёд. Надеюсь, когда-нибудь они обучат такой дальновидности многих других управленцев и организаторов.

Столичный нефтезаменитель

Почему «Московская недвижимость всегда в цене»

Чековый инвестиционный фонд с таким названием давно сгинул из виду в экономических передрыгах тысяча девятьсот девяностых. Но его рекламный лозунг «Московская недвижимость всегда в цене» мы поминаем до сих пор. Особо прочувствованно – когда в очередной раз убеждаемся: ни текущих доходов, ни ипотечных кредитов не хватит даже на весьма скромное улучшение жилищных обстоятельств.

Некоторые причины квартирной дороговизны, увы, неизбежны.

На каждом из тысячи квадратных километров российской столицы только официальных жителей добрый десяток тысяч. Если же учесть и незарегистрированных, концентрация выходит примерно вдвое больше. Спрос на жильё многократно превышает предложение. И цена – согласно законам экономики – не обращает внимания на себестоимость.

В ближайшие годы поток приезжих вряд ли иссякнет – не говоря уж о том, чтобы пойти

вспять. Ведь Москва заметно превосходит по уровню жизни любые другие места России. Даже северная столица – Санкт-Петербург – отстаёт по основным экономическим показателям (в расчёте на душу населения) едва ли не вдвое. А уж для глухих посёлков образ, видимый в телевизионном окошке, остаётся недостижимой мечтой.

Степень нашей централизации баснословна. Российское хозяйство разрушается оттоком в центр самых активных. Инфраструктура же Москвы столь перегружена, что за ростом города не поспевают самые радикальные реконструкции дорожной сети, электрохозяйства, канализации. С каждым днём осложняется взаимодействие людей и бизнесов – главное, что притягивает в мегаполисы. Того и гляди, легендарный рост столичной экономики заглохнет.

Единственный выход – не только для столицы, но и для страны в целом – децентрализация, пусть и вопреки российским традициям. Увы, децентрализационные шаги пока редки и робки. Зато сопротивление им чаще всего дружно и активно. Вспомните хотя бы массовое негодование по поводу переезда Конституционного суда к берегам Невы. А любые региональные налоговые льготы – не говоря уж о создании свободных экономических зон – с порога объявляются всего лишь инструментами казнокрадства. Хотя ясно: без таких льгот новые хозяйственные центры вряд ли сравняются по темпам развития с главным российским мегаполисом. Если пустить дело на самотёк, Москва никак не сможет избавиться от роли единственного центра российского экономического роста – пусть даже самим горожанам эта роль давно надоела.

Итак, основная часть превышения цены квартир над себестоимостью порождена стратегической причиной – централизацией российской экономики. Следовательно, в ближайшие годы радикальных улучшений не ожидается.

Но есть и причина тактическая – спекулятивная. В периоды неустойчивости экономики многие стараются вывести средства из производства и вложить в стабильные ценности. Уже более десятилетия неустойчивость проистекает в основном из-за океана. А при Обаме стало очевидно: мир поразил не просто кризис, а очередная Великая Депрессия. Доллар уже не самое надёжное прибежище горячих денег. Нужны другие резервы для долгосрочного хранения.

На мировом рынке главная инвестиционная ценность – нефть. По оценкам многих экспертов, реальный спрос уже давно определяет менее половины цены «чёрного золота» – остальное порождено спекулятивными вложениями свободных средств в надежде на то, что нефть и впредь будет дорожать. Даже вторжение в Ирак организовано – вопреки расхожему мнению – не ради доступа к тамошней дешёвой нефти, а как раз ради приостановки одного из мощнейших нефтепромыслов мира. Спрос на нефть вырос – и доллары отдавали за неё всё охотнее. Не зря основные капиталы семей организаторов вторжения – президента Буша и вице-президента Чейни – вложены в нефтеторговлю.

На внутрироссийском рынке биржевая торговля нефтью практически отсутствует. А уж рынок ценных бумаг у нас пока и подавно куда слабее уровня, соответствующего нынешнему изобилию свободных средств у частных инвесторов. Приходится искать деньгам менее организованные приложения.

По меньшей мере четверть новопостроенных московских квартир заселяют не их владельцы, а временные – чаще всего краткосрочные – наниматели. Ещё почти столько же, по некоторым оценкам, вовсе не заселяется по меньшей мере год после сдачи домов в эксплуатацию – то есть хозяева просто ждут их подорожания, чтобы перепродать повыгоднее. Выходит, значительная доля многолетнего ажиотажного спроса на столичное

жильё порождена не реальной потребностью в проживании, а стремлением выгодно пристроить деньги.

Даже эксперты пока не в состоянии определить, какая доля цены московской недвижимости порождена спекуляцией. По аналогии с неплохо исследованным нефтяным рынком можно лишь предположить: в отсутствие ажиотажа квартиры могли бы подешеветь по меньшей мере на четверть.

В ожидании этого счастливого момента лучше не сидеть сложа руки. Надо децентрализовать российскую экономику, улучшать порядок землеотвода, наращивать строительство – словом, делать всё, чтобы независимо от заокеанских политических передраг наше собственное хозяйство развивалось успешно и соответственно жильё дешевело. Но это уже задача для наших собственных президента, правительства и парламента.

Множество вер

Единственность религии логически недопустима

Сам я, как известно многим, атеист. Тем не менее часто поминаю бога, цитирую священные писания. Потому что совершенно независимо от того, как я отношусь к самой идее бога, священные писания всех родов во все времена пишут люди неглупые – к глупым просто никто не прислушается. Соответственно мысли там тоже, как правило, умные и интересные. А потому и цитировать эти мысли я могу, не особо опасаясь за их содержательность. По крайней мере, в тексте, прошедшем через много веков и привлекающем многие миллионы читателей, ошибок скорее всего никак не больше, чем в моём личном творчестве.

Но как атеист я могу себе позволить высказывать и вещи, которые люди религиозные не особо стремятся обдумывать. По разным причинам. Вряд ли здесь уместно эти причины обсуждать, а тем более осуждать: вера – дело тонкое, сложное и для многих необходимое.

Я же хочу сейчас сосредоточиться на одной подробности. Как вы только что слышали, я предпочитаю говорить не «священное писание», а «священные писания». Поскольку за историю человечества писаний, признанных священными, накоплено великое множество. Причём, невзирая на весь многотысячелетний опыт разнообразия учений, адепты почти каждой веры полагают именно её верной, а все остальные, мягко говоря, сомнительными.

Более того, едва ли не любой вероучитель вообще открытым текстом заявляет, что всё сказанное до него – бесспорная ложь или по крайней мере, как выразился пророк Мухаммад Абдуллахович Курейшин, далёкое заблуждение, а истину открывает только он. Тот же Мухаммад вообще провозгласил себя последним пророком – то есть не только всё сказанное до него содержит серьёзные ошибки, но и всё, что смогут сказать после него, тоже заведомо ошибочно.

Между тем само понятие бога включает в себя бесконечность. Даже если конечна сотворённая Вселенная, то бесконечен сам её творец и в состоянии, будь на то его воля, породить ещё множество иных вселенных. Например, в традиционной иудейской формуле «барух ато адонай элохейну мелех ха олам» – дословно «благословен господь бог наш, владыка вселенных». Правда, филологи полагают, что форма «олам» может всё-таки означать и единственную Вселенную. Но более традиционный перевод указывает на множественность.

Сам же божественный творец – в отличие от всех своих творений – бесконечен по определению. Даже в политеистических религиях, где каждый бог имеет ограниченную зону ответственности, не ограничиваются ни его возможности в избранной им специальности, ни число самих богов. И в совокупности они составляют всё ту же бесконечность.

Человек же заведомо конечен. Опять-таки это признают все религии. Даже если возможности развития человечества в целом бесконечны, каждый человек составляет лишь бесконечно малую долю этих возможностей.

Что же получается? Даже если бог раскроет перед человеком всю свою бесчисленную и бесконечную мудрость, человек в силу своей небожественной ограниченности постигнет лишь бесконечно малую долю этой мудрости. А это значит, что другой человек, перед которым бог также раскроет всю свою мудрость, тоже постигнет лишь бесконечно малую её долю.

Более того, постижения, доступные разным людям, могут вообще не перекрываться, а охватывать совершенно разные аспекты одного и того же бога. Как в известной притче о слепцах, пытавшихся на ощупь познать слона. Как вы помните, один из них счёл слона похожим на тумбу, другой – на верёвку, третий – на змею и так далее. Христианское понятие троицы отражает лишь бесконечно малую долю возможностей бесконечного разнообразия единого бога.

Итак, само определение бога приводит к логическому выводу: если бог действительно существует и действительно открывается людям, божественных откровений может быть бесконечно много. Все они в равной степени истинны, поскольку опираются на одного и того же бога. Но все они различны.

Соответственно выходит, что всякий серьёзно относящийся к понятию бога – такому, каким оно определено в религии – просто обязан признать неизбежность существования бесконечного множества религий – равно истинных, равно душеспасительных и вообще во всём равных друг другу.

При этом я, естественно, не могу утверждать, что все уже существующие религии равно истинны. Ведь нельзя гарантировать, что все их творцы без единого исключения восприняли божественное откровение пусть и не в полной мере, то хотя бы без существенных искажений.

Более того, невозможно даже быть уверенным, что истинна хоть одна религия. Даже если бог действительно существует, он вовсе не обязан открываться людям в какой бы то ни было форме, в каком бы то ни было виде и по каким бы то ни было соображениям. Соответственно теоретически может даже быть так, что бог один, а несмотря на это ни одной истинной религии нет вообще.

Это всё логически возможно. Более того, логика предоставляет каждому носителю каждой веры неограниченное право сомневаться в истинности других вер. Но никто не вправе однозначно утверждать, что все веры, кроме его собственной, ложны. И соответственно никто не вправе предпринимать против носителей других вер какие бы то ни было насильственные действия.

Терроризм под религиозными лозунгами – оскорбление самой идеи бога.

Пленных не брать

Зачем дифференцировать наказания

Приказ «Пленных не брать!» неизменно рассматривается как свидетельство наивысшей возможной степени ожесточения командира – да и самих бойцов: далеко не всякому под силу обрушить удар на руки, поднятые в общепонятном жесте безнадёжной сдачи на милость победителя. Но военная теория осуждает сие крайнее деяние не только за выход из рамок, сформированных тысячелетиями развития цивилизации (с тех самых пор, как производительность труда выросла настолько, что человек смог кормить не только себя самого, и стало выгодно не убивать поверженных врагов, а обращать их в рабство). Есть и простая прагматическая причина. Боец, попавший в безвыходное положение, может (а в некоторых армиях при определённых обстоятельствах даже должен) сдаться – и тем самым облегчит задачу победителей. Если же он знает, что при любом своём поведении будет убит – он будет драться с мужеством отчаяния, до последней капли своей (а если очень повезёт – то чужой) крови.

Угроза «в случае сопротивления в плен брать не будем» иной раз сама по себе способна побудить противника к полному отказу от сопротивления. В романе «Эра милосердия» и фильме «Место встречи изменить нельзя» Глеб Егорович Жеглов именно таким способом принудил банду «Чёрная кошка» сдаться. Но коль скоро пугающие слова не подействовали в нужном нападающему направлении – он может быть уверен, что встретит сопротивление куда более ожесточённое, нежели если бы сам не пытался ожесточить своё войско.

Верная смерть иной раз грозит не только воинам, чей противник решил пленных не брать. Первый документально известный афинский законодатель Драконт составил в шестьсот двадцать первом году до нашей эры кодекс, предусматривающий за любое преступление одно и то же наказание – смерть. По античной легенде, Драконт объяснил: «Я счёл даже малое нарушение закона достойным столь строгой кары, а для большего нарушения не нашёл кары ещё строжайшей».

Результат был предсказуемо логичен – но всё же превзошёл все ожидания. Дотоле мелкий воришка или уличный*~~censored~~*ган мог ожидать публичной порки, отсидки в тюрьме (даже лучшие камеры той эпохи пострашней любого нынешнего карцера) или в худшем случае чего-нибудь вроде доселе принятого мусульманским законодательством отсечения согрешившей руки. Теперь же – перед лицом неизбежной смерти – стало бессмысленно воздерживаться от деяний пострашнее, кои в старое время карались столь же сурово, как и по новому закону. Афины охватила невиданная дотоле волна насилия, разбоя, убийств.

Естественно, кодекс Драконта продержался недолго. Уже через двадцать семь лет Солон отменил большинство его законов, сохранив смертную казнь лишь за убийство. Нравы афинян резко пошли на поправку.

Увы, человечество издревле освоило нехитрое искусство многократно наступать на одни и те же грабли. Бессмысленно жестокие законы издавались ещё много раз. Одна из эпох драконствования оставила в английском фольклоре поговорку: «Если тебя повесят за овцу – почему бы не украсть ещё и ягнёнка?» Впрочем, за кражу ягнёнка тогда тоже вешали.

Смертная казнь ныне во всём мире понемногу выводится из употребления. Не в последнюю очередь потому, что преступнику, чьи деяния под неё попадают, терять уже нечего, и он готов убивать всякого, кто попытается его задержать, кто в принципе может на него донести, кто может его опознать...

Нынешняя замена смертной казни – пожизненное заключение – также не имеет промежуточных степеней. Хроника спецтюрем для исполнения этого наказания (вроде

печально знаменитого «Белого лебедя») изобилует жуткими кадрами: преступника водят по коридорам в уродливо неудобных позах, в них же удерживают во время обыска, даже обед в дверное окошечко передают лишь после того, как обитатель камеры отойдёт в дальний угол и станет враскоряку лицом к стене... Всё это – не дань жестокости тюремщиков, а необходимый элемент техники безопасности: пожизненнику терять нечего, а потому надо физически исключить всякую возможность его нападения на окружающих.

Возможностью казнить и миловать располагает не только государство. Нынче во многих коммерческих структурах возрождается практика, весьма популярная в девятнадцатом веке: штрафы за нарушения (от опоздания на работу до ошибки при раскладывании товара). Мало кто из управленцев задумывается, почему столь естественная – да ещё и весьма выгодная – мера наказания вышла из массового употребления. В лучшем случае вспоминают слышанные в советские времена рассказы о росте могучего влияния рабочего движения по мере формирования авангарда трудящихся – коммунистической партии. Между тем всё куда проще. Когда штрафы снижают реальную зарплату до уровня, не соответствующего психологически приемлемой норме, любой начнёт работать спустя рукава: ведь дальнейшее падение не приведёт к качественным изменениям благосостояния. А то и уволится с отчаяния: не пропадать же с голоду – лучше хоть на пособие по безработице сесть.

Наказание должно быть соразмерно вине, да ещё и стимулировать возврат к законопослушанию. И законодателю, и менеджеру тяжело даётся искусство верной дозировки. Но освоить его необходимо. А то и бизнес захиреет, и государство развалится.

Старший брат следит за тобой

Windows Vista не оставляет места для приватности

Полезно иной раз заглядывать в EULA (End User License Agreement – лицензионное соглашение с конечным пользователем). А ещё лучше – на сайт производителя. Например, в перечень компонентов новомодной операционной системы Windows Vista, регулярно доставляющих её разработчику – корпорации Microsoft – сведения не только о компьютере, на котором система работает, но и об информации, через него проходящей.

Некоторые из этих сведений необходимы по техническим причинам, несомненным для специалистов. А, скажем, полное имя и фактический адрес проживания – ключ ко множеству сведений, обычно признаваемых не подлежащими разглашению. Тем не менее при регистрации в сетевых службах Microsoft их приходится указывать. Но даже такое раскрытие личной тайны может пригодиться самому абоненту. Если уж хранишь в Интернете свою почту, фотоколлекции, многие другие сугубо личные данные – может понадобиться доказать, что они принадлежат именно тебе, а не какому-нибудь злоумышленнику, сумевшему подобрать, подсмотреть или узнать с помощью программы, засланной на твой компьютер, твой пароль.

Но некоторые поводы к корпоративному любопытству трудно оправдать даже при самом снисходительном подходе. Так, DRM (Digital Rights Management – цифровое управление правами), как и весь DMCA (Digital Millennium Copyright Act – закон о праве копирования в цифровую эпоху), лично я считаю преступлением против человечества. Ведь они нацелены против главного источника прогресса – права обучаться не только на

опыте ближних. Это – коммерческие извращения представления о праве вообще и собственности в частности. Они возникли и поддерживаются исключительно потому, что перепродавцы чужих идей, не заинтересованные в возникновении новых – не подконтрольных им – творений, сумели сплотиться в мощное политическое и юридическое лобби. Понятно, никакие технические средства поддержания преступных законов нельзя признать приемлемыми.

По счастью, столь откровенная агрессия против интересов потребителя – пока сравнительная редкость. Деятельность большей части цифровых шпионов, изобильно включённых в состав «крупнейшего в мире компьютерного вируса», на первый взгляд кажется почти благонамеренной.

Да и сама корпорация обещает не использовать собранные данные в ущерб их источнику. Она соорудила обещание о неразглашении – столь обширное, что не всякий доберётся до пункта, где – в переводе с юридического языка на человеческий – сказано: ничего не расскажем, пока это не заблагорассудится ни самой корпорации, ни какому-нибудь сутяге со стороны.

Вдобавок даже столь скромное ограничение не обеспечено ничем, кроме доброй воли самой Мелкой Мякоти. Тексты её программ засекречены (и DMCA сулит тюрьму каждому, кто попытается дешифровать текст по двоичному коду – работа нудная, но по моему опыту вполне осуществимая). Значит, обещание нельзя проверить. Кроме того, опубликованный список компонентов, собирающих и передающих информацию, объявлен не исчерпывающим – то есть под прикрытием официальных резидентов шпионить могут и нелегалы. А где возможен засекреченный поток сведений – там и отследить русло этого потока невозможно. Не говоря уж о том, что судиться с одной из богатейших деловых структур мира в стране, где пристойный юрист получает несколько сот долларов в час, вряд ли удастся в одиночку – и даже при явном нарушении собственных обязательств корпорация скорее всего окажется безнаказанной.

Каждый из добрых семи десятков официальных (и неведомого сонма неофициальных) сборщиков информации, устанавливаемых по единоличному решению Microsoft на почти каждый новый компьютер, опасен и сам по себе. Мозаика же, сложенная из собранных ими ключевых данных, просто устрашает. Корпорация по многим показателям превосходит Старшего Брата из «1984» Эрика Блэра (он публиковался под псевдонимом «Джордж Оруэлл»; кстати, кампания раскрытия псевдонимов в СССР незадолго до моего рождения, послужившая запалом к вспышке национализма и самоизоляции, тоже пример последствий разглашения конфиденциальных сведений).

Возможно, утрата личной тайны не спугнёт школьника, пользующегося компьютером для рисования, ведения сетевого дневника да переписки с десятком сверстников. Но как может доверять любой программе, чей исходный текст недоступен, человек, связанный со сколько-нибудь серьёзными коммерческими, научными или политическими делами?

А уж для крупных структур употребление таких программ – и подавно путь если не к самоубийству, то по меньшей мере к изрядным потерям. Не зря, невзирая на агрессивную рекламу Microsoft, серьёзные фирмы – вроде банков – до сих пор используют на серверах системы, чья родословная восходит к открытой и полностью документированной Unix.

Лично я ещё в две тысячи пятом перешёл на одну из таких систем – Linux. Она написана полностью с нуля и поэтому вовсе не содержит компонентов, чьи тексты закрыты от специалистов и не проверены от корки до корки.

Разработка программ с открытыми текстами не приносит баснословных прибылей,

какими прославилась Microsoft. Но и на них многие неплохо кормятся. А по мере роста спроса на Open Source Soft растёт и доход с них, и их качество.

Пользуйтесь открытыми программами – и благо вам будет.

Не убий?

Зелёные провоцируют уничтожение домашних животных

Шестую заповедь Моисея – «не убий» – зачастую считают абсолютной. В частности, ею обосновывают отмену смертной казни.

Я против казни: даже самые надёжные и многоступенчатые судебные системы не застрахованы от ошибок, а смерть пока не поддаётся кассации. Но Моисей тут ни при чём. В еврейском, как и в русском, убийство и казнь – слова разные. Сам же Моисей не только благословил завоевание Святой Земли, но и довольно подробно расписал различные виды казней, предписанные его последователям, и основания их применения.

Желающих быть святее папы римского хватало и до Рима, и даже до Моисея. Зелёные призывают распространить заповедь на животных. Для начала хотя бы отказаться от кожаной обуви и одежды, не говоря уж о натуральном мехе. А там и от животной пищи избавиться.

Всемирный фонд дикой природы призывает отказаться от икры ради спасения осетров. По меньшей мере девять нынешних осетров из десяти рождены не на естественных речных просторах. Нерестовые реки давно зарегулированы или загрязнены. Волга перекрыта столькими плотинами, что до родных нерестилищ рыбам просто не добраться. Всевозможные каскадные рыбоходы и даже рыбные лифты эффективны разве что в воображении разработчиков. Прикаспийские страны вынуждены содержать десятки рыбозаводов, где осетры не только выклёвываются из икринок, но и дорастиваются до размера, уже непосильного большинству хищников. Удовольствие не из дешёвых. Но торговля икрой, приносимой осетрами после вольного морского выпаса, окупает все затраты. Если икру отвергнут, рыбозаводы придётся закрыть. Разведение осетров прекратится. И в скором будущем каспийское стадо исчезнет. Пожелание защитить биологический вид обернётся его полным истреблением.

Сия напасть коснётся не одного осетра. Современные коровы, может быть, ещё способны прокормиться в вольной природе (если не помрут от мастита – мучения коровы, не выдоенной вовремя, трудно вообразить разве что добросердечным зелёным), – но уж от волков явно отвыкли защищаться (да и дикие их сородичи способны в лучшем случае поддерживать с хищниками шаткое равновесие). А уж соболя и норки, регулярно выпускаемые зелёными фанатиками из разгромленных звероферм, в лучшем случае пару недель держатся в живых – и уж подавно не успевают продлить свой род.

Моисей оставил куда больше десяти заповедей. Он, например, запретил своим последователям есть свинину. Общеизвестная причина запрета – быстрота порчи жирного мяса в жарком климате. Но глубокие знатоки иудейской традиции называют и другую причину. Если курица при жизни даёт яйца, овца – шерсть, а корова – молоко, то свинья может послужить человеку только после того, как будет убита. Разводить живое только ради смерти – аморально.

Рассуждение достойное нынешних зелёных. И следствие вполне зелёное. Иудеи (как и

мусульмане, принявшие тот же запрет) свиней не разводят. Если бы не другие народы, домашних свиней в природе просто не было бы. И кому от этого легче? Уж точно не свиньям: лучше погибнуть во цвете лет на бойне, чем вовсе не родиться.

Моисеев запрет касается не одной свиньи. Иудею можно потреблять только животных, жующих жвачку и обладающих раздвоенными копытами. Поэтому в Израиле проблемы не только со свининой, но и с крольчатинной. А вот жираф соответствует канону. Лакомство не из дешёвых, в традицию не вошло – но некоторые древние израильские цари себе позволяли. Того и гляди, Израиль жирафьими фермами обзаведётся. И поголовье грациозных красавцев умножится тысячекратно. Вопреки призывам зелёных.

Если же мы последуем высокоморальному пожеланию не вкушать и не носить убоины, человечество не слишком пострадает. Современные технологии – проклинаемые всё теми же зелёными – уже позволяют создавать неплохие заменители не только кожи и меха, но и мяса. А поскольку необходимость – мать изобретательности, можно надеяться на дальнейшее совершенствование технологий одевания и прокормления вплоть до полного равенства с природными достижениями. Может быть, даже опередим природу: годы напряжённой мысли сопоставимы с миллиардами лет случайной эволюции.

Зато тем, кого зелёные намерены защитить, придётся плохо.

Кому нужно кормить курицу, если ни яйца не съесть, ни белым мясом не полакомиться, ни даже полётом полюбоваться? Кто станет разводить хищных, капризных и прожорливых норок, если зелёные активисты грозятся все норковые шубы краской залить? Кто вытерпит специфический свиной или коровий аромат, если из шкуры сапог не сшить?

Человек альтруистичен, когда может это себе позволить. В обозримом будущем благосостояние человечества вряд ли поднимется до уровня, позволяющего содержать миллиарды голов всевозможного скота без ощутимой пользы от него. Идеал зелёных обернётся массовым истреблением живности – вплоть до утраты многих тысяч культурных пород (то есть необратимым сокращением биологического разнообразия, которое всё те же зелёные требуют неукоснительно хранить).

Необходимая часть разума – способность предвидеть. Последствия всех зелёных предложений очевидны. Если сами зелёные не в состоянии понять, к чему призывают – разума в них нет. А если поняли, но всё ещё манят нас в пропасть – нет в них не только разума, но и совести.

Полгода в строю

Оптимальная для России армия

В своё время, когда сокращение числа высших военных учебных заведений в России только намечалось, Российское информационное агентство «Новости» запросило моё экспертное мнение: как повлияет на боеготовность российской армии эта перемена. Я говорил по телефону минут пять – десять. Опубликовали, как обычно, всего пару абзацев. Сравнив публикации всех экспертов, я отметил: у нас до сих пор не сложилось единого мнения о целях нашей армии – а потому и об её организации.

Однозначно определить эти цели в принципе невозможно. Спектр угроз любой стране тем шире, чем больше сама эта страна. Поэтому мы просто не в состоянии предугадать все возможные случаи применения российской армии. Особенно если не ограничиваться

нынешним днём, а задумываться о перспективах. Ибо организация армии – дело весьма долгое.

Но всё-таки некоторые общие рекомендации дать можно.

Прежде всего, Россия – одна из очень немногих в мире ядерных держав. Значит, никто не рискнёт угрожать самому существованию нашей страны, поскольку никто не рискует гадать: согласятся ли наши руководители поднять руки и следовать в Гаагский трибунал – либо решат, что всё-таки терять им нечего, и нажмут на ту самую красную кнопку.<

> Соответственно против нас будут применять метод, ещё в эпоху «холодной войны» названный «стратегией салями». Как известно, твёрдые колбасы принято нарезать очень тонкими ломтиками.

Помню, в тысяча девятьсот восьмидесятом в Москву на Олимпийские игры завезли немало импортного продовольствия, чтобы иностранные зрители питались привычным образом. Финская салями продавалась в пятидесятиграммовых упаковках, нарезанная в этой упаковке на восемь ломтиков: сквозь эти ломтики действительно удавалось, смеху ради, читать крупный шрифт.

Так вот, «стратегия салями» сводится к тому, что ядерной державе надо каждый раз предъявлять претензии столь мелкие, чтобы её руководителям представлялось проще что-то уступить, чем затевать войну. Постепенно – тоненькими ломтиками, как салями – страна урезается до размеров, не представляющих серьёзной угрозы.

Естественно, против такой стратегии помогает только классическая армия с классическим же неядерным вооружением. Но как эту армию организовать?

На мой взгляд, лучший вариант такой организации из ныне существующих – принятый Швейцарией и Израилем. Конечно, там есть изрядные местные различия, связанные в основном с тем, что израильская армия непрерывно воюет, а швейцарская только готовится к отражению нападения, но реально отражать это нападение ей не приходилось уже полтора века. Но общий принцип один и тот же: каждый гражданин страны, за исключением явно не пригодных по состоянию здоровья, проходит краткосрочное военное обучение, после чего регулярно призывается на столь же краткосрочные сборы для освежения былых навыков и их совершенствования в связи с новейшими веяниями в военной теории и военной технике.

Конкретные сроки такого обучения разнообразны. Скажем, немцы в период между Первой и Второй мировыми войнами, когда им запрещено было иметь сколько-нибудь заметную армию, разработали методы скоростного военного обучения. Читал я мемуары одного немецкого офицера. Он начал свою службу с того, что на нём испытывали один из таких методов. За три недели удалось подготовить расчёт полевой пушки, действующий примерно с таким же качеством, как расчёты советской артиллерии после трёх-четырёх месяцев обучения. Естественно, сказалось и то, что он всё-таки прошёл лучшее школьное обучение, чем наши артиллеристы времён Великой Отечественной, но главное – эффективность самих методов подготовки.

Сейчас эти методы проработаны ещё лучше. Кроме того, можно предъявить к конструкторам оружия некоторые дополнительные требования, связанные с упрощением его использования и обслуживания. Ведь конструктор всегда ищет компромисс между разными требованиями – а заказчики определяют, какие требования считать первоочередными, а чем можно пожертвовать.

Если сейчас за три-четыре месяца занятий по вечерам готовят вполне терпимого водителя, способного по крайней мере не врезаться в другие автомобили на каждом углу,

то полугодом непрерывной военной учёбы в принципе хватит, чтобы подготовить человека, способного вести самостоятельную боевую деятельность и умеющего взаимодействовать в составе подразделения. А дальше, чтобы эти навыки не утрачивались, хватит пары недель сборов ежегодно.

Главное – при такой схеме обучать можно действительно всех пригодных. Ведь оторваться от повседневной жизни на полгода может практически любой юноша и даже любая девушка. В Израиле женщины служат в основном во вспомогательных подразделениях, но стрелять тоже вполне умеют.

Другое дело, что при этом надо именно учить молодёжь, а не использовать её на всяких хозяйственных работах. Но это уже несколько другая тема. Надеюсь когда-нибудь обсудить и её. В любом случае непрерывность боевой учёбы – вопрос денег и, как сейчас принято говорить, политической воли. А то и другое можно – и нужно! – найти. Потому что и в наши дни верна древняя истина: кто не хочет кормить свою армию – будет кормить чужую.

Орфографическая паника

Система языка совершенствуется постоянно

сентябре две тысячи девятого, в начале учебного года разразился изрядный скандал. Министерство образования и науки утвердило в качестве нормативных словари, где признаны некоторые просторечные формы произношения. Все негодовали: узаконена явная безграмотность. На мой же взгляд, недостаток этих форм не в том, что они безграмотные. Главное – они выпадают из общей структуры языка. Потому, собственно, и безграмотны.

В тысяча девятьсот пятьдесят шестом опубликован полный свод действовавших в тот момент орфографических правил. Он устранил некоторые разночтения, бытовавшие до того. Например, именно тогда слово «чёрт» окончательно стали писать через «ё», а не через «о».

Когда все правила оказались сведены вместе, появилась возможность осмотреть их единым взглядом и понять, что в них не в порядке. А не в порядке – не в соответствии с общим принципом – оказалось довольно многое.

В русском языке принят фонемный принцип правописания. Фонема – грубо говоря, звук в том виде, в каком он звучит в отсутствие помех от соседних звуков в слове. Скажем, слово «солнце» надо писать через «л», потому что в других формах – например, в слове «солнечный» – это «л» отчётливо слышно. Из этого примера, кстати, видно, каким образом выделить фонему. Надо изменять слово разными способами, смотреть, как звучат разные его формы. Отсюда и второе название фонемного принципа: морфологический.

Конечно, есть и исключения. Например, в слове «собака» первая гласная ни в каких формах не попадает в ударное положение, где звук не испытывает помех со стороны «соседей». То, что там должно писаться «о», а не «а», приходится просто запоминать. Ведь слово это заимствованное. Поэтому звук в нём должен быть таким же, что и в исходных языках – в данном случае тюркских.

Есть и многие другие тонкости, которые стали отчётливо видны именно в полном своде правил. Естественно, появились предложения, как устранить многие нарушения фонемного принципа, не вызванные ни внутренними закономерностями русского языка,

ни влияниями других языков.

Ещё когда я учился в младших классах, в тысяча девятьсот шестьдесят четвёртом лингвисты предложили внести некоторые поправки в принятую тогда русскую орфографию, чтобы последовательнее провести фонемный принцип.

И тут начался скандал. Мягко говоря, дикий и безобразный. Громадная часть советской интеллигенции восстала против изменения так, как если бы им предложили в одночасье вообще забыть о правилах грамматики.

Интеллигенцию надо понять. Во-первых, в те времена общественный протест был вообще неприемлем для власти, и вдруг нашёлся хоть какой-то законный повод выплеснуть массовое недовольство властью. Его, естественно, использовали многие и с огромной радостью. Во-вторых, как раз в тот момент снимали с высших постов Никиту Сергеевича Хрущёва. За десять лет властвования он успел надоесть очень многим. Но нелюбовь к нему было слишком опасно выражать применительно к его политическим решениям. И она выплеснулась в виде недовольства усовершенствованием правописания.

Дело доходило до смешного. Например, знаменитая писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян выступила с громадной негодующей статьёй, где практически дословно повторила свои же возражения против орфографической реформы, предложенной в тысяча девятьсот четвёртом и официально введенной в действие в тысяча девятьсот восемнадцатом. Той самой реформы, чьими плодами все мы пользуемся. Именно эта реформа отменила букву «ять», к тому времени в русском языке совершенно неотличимую от «е», отменила твёрдый знак в конце слов после согласных и так далее. Почтенная писательница просто вытащила из архива старую статью, отряхнула её и точно воспроизвела.

Дружный протест мастеров художественного слова возымел действие. Реформу похоронили. Образованным не пришлось переучиваться. Дети, как и прежде, зазубривают избыточные исключения из простых и ясных правил.

Между тем язык развивается, противоречия в правописании накапливаются. Если и впредь будем пользоваться традиционной орфографией в тех местах, где она отступает от ключевого, основополагающего принципа нашей орфографии, мы рискуем, что у нас, как в английском языке, слова превратятся в иероглифы, чьё написание не имеет со звучанием практически ничего общего.

Несколько лет назад виднейшие наши лингвисты снова предложили воспользоваться хотя бы некоторыми очевиднейшими предложениями реформы шестьдесят четвёртого года. И снова поднялся такой же негодующий крик людей, понимающих в лингвистике, честное слово, ещё намного меньше меня.

Конечно, обществу нужна стабильность. Но не любой ценой. И стабильность не должна использоваться как аргумент против перемен в тех случаях, когда эти перемены назрели, когда они очевидным образом необходимы. Потому что чем дольше мы сопротивляемся переменам, тем больше нам придётся ломать, когда необходимость в них станет очевидной всем и каждому. Негодующие крики противников реформы так же нелепы, как радостные лозунги борцов за преобразования в любом направлении и любой ценой. Общество болезненно переживает революции. Но именно чтобы не испытывать эту боль, мы должны не противодействовать эволюционным изменениям.

Оплаченные дети

Государству придётся заботиться об обществе

Осенью две тысячи девятого внезапно сразу во многих местах активных дискуссий началось обсуждение идеи: оплачивать из государственных средств рождение и воспитание детей.

Уже рассмотрено немало вариантов этой идеи. Например, дальнейшее развитие концепции материнского капитала плавно переходит в пособие по уходу за ребёнком в сумме, примерно соответствующей затратам на полноценного наёмного воспитателя. Есть и предложения радикальнее. Скажем, женщины, желающие сделать аборт по социальным причинам, вместо этого могут получать от государства регулярную зарплату на время беременности, а потом, если социальная причина для отказа от ребёнка не исчезнет, в компенсацию полученного сдадут ребёнка тем, кто желает за ним ухаживать и его выращивать.

На первый взгляд эти идеи выглядят очень странными. Мы привыкли считать, что дети нужны прежде всего самому человеку. А ведь смешно поощрять к тому, что самому нужно. Но к сожалению, некоторый смысл в поощрении есть. Развитие общества изрядно заглушило многие естественные потребности. Причём естественная потребность в деторождении заглушена куда серьёзнее большинства других. Ибо причин к сокращению деторождения очень много.

Я уже не раз упоминал одну из серьёзных чисто экономических причин – государственное пенсионное обеспечение, позволяющее надеяться не на своих детей, а на чужих. Но эта причина явно не единственная. Скорее всего, даже далеко не главная. Куда важнее то, что потребность в самореализации человека непрерывно возрастает по мере того, как общество предоставляет для неё всё новые возможности. Рано или поздно потребность в самореализации вступает в противоречие с потребностью деторождения, поскольку, очевидно, человеку под силу реализовать далеко не все свои возможности одновременно.

Поэтому обществу рано или поздно придётся возмещать общественные же воздействия, приводящие к спаду рождаемости. Более того, желательно делать это как можно скорей, поскольку существует некая критическая масса населения, необходимая для развития и инноваций. Как я уже не раз говорил, население СССР в целом ещё было выше порога, необходимого для инноваций. Население любой из постсоветских республик в отдельности уже намного ниже – поэтому без воссоединения Союза промышленности не выжить. А при теперешних темпах развития науки через несколько десятилетий население не то что бывшего Союза, но и нынешней объединённой Европы окажется ниже порога инноваций. То есть обществу просто ради самосохранения, ради сохранения способности к развитию придётся так или иначе поощрять рождаемость.

Но также понятно, что при этом возникает множество опасностей.

Например, далеко не худшая из них – профессиональное деторождение. Может статься, что какие-то люди полностью сосредоточатся на деторождении и вообще выпадут из других общественно полезных занятий. Это кое-где наблюдается уже сейчас. Скажем, многие граждане Соединённых Государств Америки обвиняют жителей бедных негритянских кварталов в том, что те ничего не делают, а только рожают детей и живут на пособие, выделяемое государством на этих детей из средств более богатых налогоплательщиков. Понятно, при этом обстановка в семье такая, что ни о каком

воспитании детей – поводов для пособия – даже речи нет: их в лучшем случае понемногу кормят.

Но опасные последствия такой узкой специализации можно преодолеть несколькими разными способами – начиная от финансирования не только деторождения, но и воспитания и кончая передачей детей, рождённых за казённый счёт, на усыновление в более благополучные семьи.

Думаю, люди более сведущие в педагогике и в семейной жизни, нежели я, предложат и куда более эффективные способы преодоления негативных последствий такого хода событий. Но скорее всего эти же люди предложат и многие другие возможные сценарии развития угроз. Так что взвешивать все плюсы и минусы предложения о финансировании деторождения предстоит, похоже, ещё довольно долго.

В частности, мировой опыт использованных форм материального поощрения пока, насколько я могу судить, исследован далеко не в полной мере. Да и наш собственный опыт материнских пособий ещё придётся серьёзно анализировать, чтобы решить: продолжать ли эту практику и совершенствовать ли её.

Исследование мирового опыта поощрения рождаемости пока не проведено, кажется, нигде в мире. Возможно, именно поэтому вопрос пытаются каждый раз и в каждой стране решать с нуля, не опираясь на уже существующий опыт.

Такое исследование само по себе – достаточно сложная и серьёзная задача. Но уже понятно, что решать её необходимо.

Пока, по сути дела, ясно только одно: что современное общество уже испытывает острый дефицит детей; что этот дефицит заведомо необходимо преодолевать; и что какие-нибудь сильнодействующие средства для этого употребить придётся. Но какие именно?

Пока мне кажется, что идея платить за деторождение – далеко не худший из уже рассмотренных обществом вариантов. Хотя, наверное, и далеко не лучший из тех, какие ещё могут быть в дальнейшем придуманы и испытаны. Но пока они ещё будут испытаны – много воды утечёт. А этот путь уже есть. И, похоже, к нему уже в ближайшем будущем придётся привыкать.

Перламутровое мясо

Необоснованно бояться можно даже регулярной структуры

Мои родители заглядывают в продмаг рядом с домом при каждом выходе на улицу, дабы всегда есть свежее. Вот и мясо они обычно берут в небольших уже расфасованных нарезках. Когда я в очередной раз гостил в Одессе, мама показала мне свежеекупленную нарезанную говядину по-баварски. И беспокоило спросила: не указывает ли перламутровый блеск среза на какую-нибудь недоброкачественность – вроде, например, особого вида плесени?

Блеск перламутра порождён тонкослойной структурой. Полупрозрачные слои кальцита с органическими добавками, слагающие раковину моллюска, сопоставимы по толщине с длинами световых волн. Свет, отражающийся от межслоевых границ, интерферирует – взаимовлияет: складывается на тех направлениях, куда разные отражения приходят в согласованной фазе, и гасится на всех остальных. По разным направлениям согласование разное, так что видны разные длины волн – цвета. Малейший поворот самой раковины меняет условия отражения – и цветовая картина в целом играет.

Жемчуг тоже из слоёв перламутра (само это слово – немецкое «мать жемчуга» во французском произношении). Моллюск изолирует попавшее в раковину инородное тело (или – на плантациях – искусственно внесённую затравку). Кривизна же слоёв в жемчуге заметно больше, чем в стенке раковины. Соответственно и направления предпочтительного отражения разных цветов образуют более сложную картину. Игра цвета жемчуга несравненно изящнее, нежели поделочного – почти плоского – перламутра.

Мышечные волокна потолще световых волн. Но если на плоский срез, сделанный поперёк волокон, посмотреть под малым углом, размеры видимых проекций клеток сопоставимы с нужными длинами. Значит, регулярная структура мяса тоже может давать эффекты интерференции света, отражённого или хотя бы дифрагированного – рассеянного благодаря волновым свойствам – от разных участков. В частности, можно наблюдать и перламутровый блеск.

Сходным образом играют оптические диски. На них неоднородности с различной способностью к светоотражению нерегулярны: их расположением кодируется информация. Но поверхность диска содержит направляющую спираль – по ней ориентируется оптика. Спираль с постоянным шагом образует правильную дифракционную решётку. Интерференция света на ней столь эффектна, что бракованные диски зачастую служат украшениями.

Одно время модно было надеяться на ослепление дисками милицейских радаров: мол, металлическая поверхность даёт дополнительные отражения. Между тем тиражируемые на штамповочных станках диски слишком малы по сравнению с характерной длиной волны радара, и отражение не создаёт значимой помехи: даже обычные зеркала заднего вида отражают куда больше, а замеру скорости не мешают. А уж покрытие записываемых оптических дисков и вовсе неметаллическое: органика, распадающаяся при лазерной концентрации света нужной длины. Основная же масса украшений – именно записываемые диски: очень уж много причин для сбоя в процессе компьютерной записи, так что брак неизбежен. Блестяшки, болтающиеся на леске в оконных проёмах, лишь указывают ГАИшнику: перед ним – потенциальный нарушитель, намеренный обмануть закон. По счастью, попытка скрыть превышение скорости оптическими дисками – как говорят юристы, покушение с негодными средствами.

Подобных – редко преступных, но неизменно нелепых – следствий массовой неграмотности всегда было немало. И, как правило, за любым поверьем при глубоких раскопках обнаруживаются чьи-то деньги.

Вспомним моду на кактусы около компьютерных мониторов – якобы ради защиты от вредоносного электромагнитного излучения. Ранние конструкции электронно-лучевых трубок и впрямь изрядно фонят, а массовому сознанию свойственно преувеличивать невидимые опасности – но уж кактус-то никоим образом не защищает от частот, соответствующих многокилометровым волнам! Да и организм поглощает лишь ничтожно малую долю столь длинных колебаний – то есть защищаться фактически незачем. Зато кактусоводы изрядно обогатились (и, возможно, сами охотно поддерживают слухи о чудодейственной защитной силе своего колючего товара).

Увы, когда кому-то удаётся придумать угрозу – механизм критики в нашем сознании зачастую отказывает. Более того, чужая критика – сколь угодно обоснованная – зачастую воспринимается как подлый замысел заговорщика. Что раскрывает простор для подлинных заговоров. В наш меркантильный век – чаще всего против наших кошельков.

Многие наши опасения пока не поддаются монетизации. Например, перламутровый

блеск мясного среза, помянутый мною в начале, вроде бы ещё не коммерциализирован. Так что владельцы продовольственных магазинов могут заранее подготовиться к возможным обвинениям в торговле бракованной – судя по внешнему виду, заплесневевшей – нарезкой. А жуликам, уже радостно составляющим планы использования описанного мною факта для шантажа коммерсантов, лучше поискать иную кормушку.

Вовсе без кормушки махинаторы не останутся. Ибо никто не знает всего. А бесстрашие неведения – дело редкое: в естественных условиях, где шла наша эволюция, полезнее перестраховка. Обычно незнание порождает не просто осторожность, а страх. Умельцы же, способные превратить общественное беспокойство в личный доход, найдутся всегда и везде. По старой немецкой поговорке, нет такого свинства, откуда нельзя выкроить кусок ветчины.

Полицейские и пираты

Форма не должна препятствовать содержанию

Тему для этого монолога мне дал мой брат. Он по работе связан с морскими перевозками. Прежде всего – перевозками нефти. Раньше он занимался и многими другими ценными грузами, но уже довольно давно сосредоточился на нефтепродуктах. Естественно, он внимательнее меня следит за обстановкой на море. Поэтому именно он сообщил мне о решении германского правительства использовать военный флот для защиты судоходства от сомалийских пиратов.

И он же обратил внимание на изобретательный обход ограничений германского законодательства. По закону вооружённые силы не вправе противодействовать уголовной преступности. Они предназначены только для защиты от внешнего врага – так сказать, законно действующего. Поэтому на германский боевой корабль, патрулирующий у северо-восточного побережья Африки, отряжается наряд полиции. Этим полицейским надлежит при обнаружении пиратов проводить законную процедуру их ареста на месте преступления. После чего доставлять в Гамбург, ибо именно в Гамбурге находится общегерманский суд по делам о преступлениях на море. Как вы понимаете не хуже меня – конструкция получается хотя и законная, но крайне малоэффективная. Может быть, именно из-за этих сложностей юридической технологии германские военные моряки пока в боях с пиратами не особо отличились.

Между тем уже на протяжении двух веков действует конвенция о борьбе с пиратством. Она позволяет любым законопослушным гражданам, в том числе – военным, и даже в первую очередь – военным любой страны, захватывать пиратов, судить их на месте и на месте же приводить в исполнение приговор. Ибо фактически единственный приговор, предусмотренный этой конвенцией, – смертная казнь через повешение. Благо на любом корабле достаточно возвышающихся конструкций. Там именно эту смертную казнь можно привести в исполнение немедленно и со всеми удобствами.

Когда германским юристам напомнили о существовании такой конвенции, они ответили: территории германских кораблей и судов – часть территории Германии; соответственно на них действует не международное право, а исключительно германское.

Это – мягко говоря – отмазка. Любой международный договор, принятый надлежащим

образом в конкретной стране, тем самым становится частью её внутреннего законодательства. Более того, по общему правилу международный договор, к которому страна присоединилась, имеет в ней бóльшую силу, чем всё ранее принятое внутреннее законодательство. Поскольку – опять же по общему правилу – более поздний закон отменяет все более ранние законы в той части, в какой они с ним не согласуются. Конкретный формат отмены может быть различным. В некоторых странах издаются специальные предписания о том, что такие-то законоположения впредь считаются недействительными. В некоторых – предполагается, что отмена произошла автоматически, а в сомнительных случаях – суд разбирается, какой закон принят позже и соответственно действителен на данный момент, и в какой части он отменяет предыдущий. Но в целом таково практически во всём мире, включая Германию, соотношение международных и внутренних законов и обычаев.

Как видно, действия германских юристов в данном случае, насколько я могу судить, прямо противоречат как международному праву, так и внутреннему законодательству самой Германии. На мой взгляд, эти действия свидетельствуют прежде всего о глубоком страхе, пронизавшем германское общество в целом. Страхе перед собственной активностью.

Страх этот в какой-то мере оправдан. Германия в двадцатом веке дважды выходила на мировую арену силовым путём. Последствия оба раза оказывались катастрофичны не только для остального мира, но и для самой Германии. Достаточно напомнить, что Австрия всё ещё считается отдельным государством. А ещё недавно по историческим меркам и собственно Германия – в границах, сложившихся после Второй Мировой войны – была разделена на два государства, да ещё с совершенно разным внутренним укладом жизни.

Не удивительно, что сейчас – после столь разнообразного и болезненного опыта – страна старается воздерживаться от соучастия в каких бы то ни было международных акциях, предусматривающих хоть малейшие намёки на применение силы. Более того, недавно она поддалась давлению партнёров по Организации Северо-Атлантического Договора и один раз не воздержалась от поддержки такой акции – участвовала в бомбардировках Сербии силами НАТО. Это, естественно, породило новый всплеск неприятных воспоминаний. Причём не только в самой Германии, но и среди тех же партнёров, что на неё давили. Обжёгшись на молоке, не то что на воду – на капли дождя дуть будешь.

Но прямая служебная обязанность грамотных юристов и грамотных политиков в том, чтобы чётко различать: в каких случаях какие действия уместны и даже необходимы. А не в том, чтобы искать оправдания бездействию.

В старой сказке дурак услышал, что людей, несущих груз, надобно приветствовать словами «таскать вам не перетаскать». И в следующий раз обратился таким образом не к жнецам, таскавшим снопы с поля, а к безутешным родственникам, несущим гроб на кладбище. Немецкие юристы в данном случае выступили в роли дурака из старой сказки. Очень надеюсь, что у нас желающих уподобиться немецким юристам будет немного.

Прислуга выгодна обществу

Разделение труда рентабельно даже в быту

Этот мой монолог вырос из беседы с моим постоянным партнёром по старейшей команде спортивного «Что? Где? Когда?», замечательным психотерапевтом Ириной Борисовной Морозовской. По ходу разговора её изрядно удивило, что я в своих экономических рассуждениях не различаю прислугу и домашних работников. Ведь разница между ними весьма заметна. Прислуга исполняет обязанности личного плана – вплоть до того, чтобы личико барчуку вымыть, дабы он свои ручки не утрудил. На домашних же работников возлагают довольно чётко определённые хозяйственные функции: уборщица, полотёр, кухарка...

Но Морозовская – как психолог – профессионально ориентируется на личностные исследования. Для неё это различие существенно. Я же – как политик – ко всему подхожу с экономической стороны. Для меня важно, что все эти люди – и личная прислуга, и домашние работники – за какую-то форму оплаты делают то, что клиент в состоянии сделать самостоятельно.

Правда, качество самостоятельной работы иной раз желает лучшего. Скажем, мою собственноручную стряпню практически никто, кроме меня самого, не рискует есть. Но я её потребляю уже не первое десятилетие – и пока вроде бы даже здоровья не потерял, разве что разжирел до безобразия, ибо для меня это вкусно. А, например, то, что я вместо швейных ниток использую тонкую леску, не придаёт одежде, отремонтированной мною, особого изящества – зато прочность отменная, а внешний вид меня не беспокоит.

Но далеко не у всех такие же кривые руки, как у меня. Прислуга делает то, что человек может сделать и сам. Спрашивается, зачем же она нужна?

Зачем баловать того же барчука? Ведь праздность – мать всех пороков. Многие дворяне – даже самые высокопоставленные – обучали своих детей наукам и ремёслам просто ради того, чтобы те всегда имели чем заняться.

Или, скажем, зачем приставлять к каждому офицеру рядового в качестве денщика? Это, судя по всему, не самая приятная в армии обязанность. Вспомните: бравый солдат Швейк на протяжении большей части своих армейских походов был именно денщиком у разных офицеров. И это, мягко говоря, не прибавило ни ему, ни тем более читателям любви к офицерскому корпусу.

После революции у нас денщиков отменили – ради всеобщего равенства. Офицерам (в том числе новым красным командирам – выходцам из народных низов и солдатских масс) какое-то время приходилось собственноручно и гимнастёрки стирать, и подворотнички подшивать.

Кстати, насчёт подворотничка. Эту деталь армейской одежды иной раз считают нелепостью, а уж её регулярное пришивание и вовсе возмущает едва ли не любого, кто полагает армию нелепым пережитком прошлого. Между тем регулярная смена подворотничка в высшей степени полезна. Подкладка из тонкой гладкой ткани на шее защищает эту самую шею от потёртостей, опрелостей и множества иных неприятностей, неизбежных, когда жизнь заставляет иной раз по несколько суток выполнять тяжёлую физическую работу, не переодеваясь. А подшить новый подворотничок и постирать старый несравненно быстрее и проще, чем приводить в порядок всю одежду.

Подобным же образом и портянки в армейском быту надёжнее носков. Их и сменить проще: годится едва ли не любая льняная или хлопковая ткань. И протираются они медленнее. А правильно намотанная портянка даже сбивается куда медленнее, нежели носок. Научиться же наматывать правильно можно за считанные часы. Надеюсь, наша армия скоро вернётся к портянкам.

Но дело не в одних подворотничках. После нескольких лет боевого опыта опять пришлось вводить денщиков. По очень простой причине. Офицеру надо тратить время не на работу по уходу за собою, а на размышление о том, как должны действовать вверенные ему военнослужащие рангом пониже. Отведём из боевого строя одного бойца, назначим его денщиком – и правильное управление остальными более чем возместит эту потерю.

Биллу Гейтсу невыгодно нагибаться за столлларовой купюрой. За то время, пока он её подберёт, он может заработать куда больше – очередными размышлениями о том, какие ещё функции впихнуть в изделия своей фирмы. Мне многие из них не нравятся – но судя по общему мнению, Гейтс знает о типичном пользователе компьютера куда больше меня. А потому его заработки с точки зрения общества оправданы. Значит, обществу в целом выгодно, если он обзаведётся домашней прислугой. Хотя в его доме основную часть обязанностей прислуги выполняет техника, созданная опять же при его прямом участии. По мере дальнейшей разработки эта техника заменит изрядную часть прислуги во всех домах. А люди, занятые сейчас этой работой, найдут что-то поинтереснее – и полезнее для других.

У каждого человека есть в общем строю общества своё место. Если он все свои силы и всё своё время отдаст наилучшему исполнению того, к чему лучше приспособлен – это значит, что и общество в целом будет развиваться эффективнее. Разделение труда экономически выгодно. Поэтому оно в той или иной форме пронизывает всё наше общество во всех его проявлениях – в том числе и в хозяйственных, и в чисто бытовых. И даже если необходимость каких-то форм разделения труда – вроде прислуги – не очевидна с первого взгляда, углублённый экономический анализ чаще всего доказывает их полезность.

Прусские орденосцы

Для нормальной работы рынка каждый должен куда-то тянуться

Большинство черт нашего представления о немецком национальном характере присуще далеко не всему народу. Говоря о типичном немце, мы чаще всего воображаем представителя Пруссии.

Вторая Германская империя собрана из множества мелких государств в тысяча восемьсот семидесятом Пруссией. До того несколько веков главным германским государством была Австрия. Но в тысяча восемьсот шестьдесят шестом она проиграла Пруссии войну. И осталась вообще за пределами империи: поглотить её Пруссия не могла, а конкуренции с нею не хотела – в империи, по мнению её создателей, должен быть единственный образец для подражания.

Многие прусские правила распространил на империю закон. А один обычай, не закреплённый законом, стал общегерманским просто потому, что логичен. Как только кому-то в стране доставались все высшие награды, сразу учреждалась новая – или хотя бы придумывались дополнительные отличия к существующей (вроде дубовых листьев к железному кресту) – дабы каждому, включая только что награждённого, и впредь было ради чего стараться.

У нас пару раз объявляли какую-нибудь награду высшей из возможных. Тем самым люди, удостоенные этой награды, формально теряли шансы получить поощрение за грядущие – может быть, ещё более возвышенные – достижения. Но смекалка позволяла

выбраться из собственноручно созданного тупика.

Первый наш орден – Красного Знамени РСФСР – стал основой почётного революционного оружия – его крепили к эфесу шашки либо рукоятке пистолета. А при создании Союза в статут соответствующего союзного ордена просто не включили оговорку о верховенстве.

Высшим был и орден Ленина. Поэтому, учреждая звание Героя Советского Союза, решили вручать героям именно его – вместе с соответствующей грамотой. Золотая Звезда появилась позже – но её тоже вручали вместе с орденом Ленина и носили вместе с орденом (или хотя бы орденской лентой).

Орден Победы объявили не высшим вообще, а высшим полководческим. Поэтому к нему орден Ленина не прилагался. Впоследствии это помогло избежать конфуза при награждении Михая фон Хохенцоллерн-Зигмаринен: король Румынии удостоился почёта за отстранение от власти маршала Иона Виктора Антонеску и поворот войск против Германии.

«Даже самая красивая девушка Франции не может дать больше, чем имеет – но может повторить». Василевский, Джугашвили, Жуков награждены орденом Победы дважды (в первый раз – за Курскую дугу). Для дважды Героев Советского Союза и Социалистического Труда (а также для кавалеров обеих наград) установлено дополнительное отличие – бронзовый бюст на родине. Среди кавалеров орденов Красного Знамени и Ленина были и восьмикратные.

И всё же прусская – а потом германская – наградная система продумана лучше советской. В целом же обе соответствовали главной цели – максимально мобилизовать людей на выполнение задач, поставленных государством.

Но общество – даже социалистическое – не сводится к государству. Потому и стимулами в нём должны быть не только казённые награды.

Правда, и они котируются во внесударственных делах. Звание поставщика двора его императорского величества не только давало стабильный госзаказ, но и привлекало множество клиентов, ибо удостоверяло качество продукции. Люди, удостоенные наград СССР (в том числе специальных наград за труд), пользовались искренним уважением (а заодно обретали дополнительный вес в советской системе распределения материальных благ и услуг).

Очевидно, награды за труд полезны ещё и тем, что обретают некое материальное выражение. А уж главная оценка труда – деньги – и подавно нужна для превращения в житейские блага.

Потребление же благ физически ограничено: попробуйте-ка посетить за день два десятка ателье да магазинов или хотя бы съесть пару кило чёрной икры в один присест! Если работаешь только ради достатка – рано или поздно дойдёшь до предела, где материальный стимул просто исчезает.

Человеку обычно приятен заслуженный отдых на приемлемом для него уровне благосостояния. Активнее и удачливее действуешь – скорее обеспечишь себе благополучие, не полагаясь на официальную пенсию. Выходит, из экономики первыми уходят как раз те, кто мог бы в дальнейшем обеспечить ей наибольшее развитие. Для общества в целом это несомненно вредно.

Рынок в основном самоуправляется. Зачастую решения возникающих в нём проблем формируются сами собою ещё до того, как проблема осознана.

Рьяных речей против роскоши во все эпохи было немало. Наши дни – не исключение.

Добрая половина Африки вымирает с голоду – а в Западной Европе и Северной Америке охотно покупают сверхкомфортные лимузины «Майбах» и бюстгальтеры из сплошного слоя бриллиантов. Новомодные автоматизированные дома не только весьма недёшевы, но ещё и оставляют без куска хлеба многих, кто может пристойно зарабатывать в качестве домашней прислуги.

Но роскошь открывает возможности потребления, не ограниченные физическими способностями тела. То есть создаёт мощный стимул для продолжения работы как раз теми, кто уже может уйти от дел.

Пока создаётся всё новая роскошь, деловые люди, организаторы производственных процессов, изобретатели, актёры, художники знают: сколько бы они ни нажили, им всё равно есть чего желать – значит, есть ради чего и впредь напрягать все свои творческие силы.

Реабилитация палачей

Судебное нарушение буквы закона подрывает его дух

Надо заметить, что в нашем языке правосудие связано с правом, то есть, грубо говоря, с писаной совокупностью неких правил, тогда как в большинстве западноевропейских языков термин, соответствующий нашему правосудию, производится от корня, близкого к справедливости. И это отражает очень глубокое психологическое отличие. Для нас в общем привычна мысль, что право может быть несправедливым, а справедливость может не находить поддержки со стороны права. Западное общественное мнение в целом противоположно.

Последствия этого весьма разнообразны.

Например, мы дивимся немецкой законопослушности, тогда как немцы дивятся нашей привычке пренебрегать законами. Как сказал ещё вице-губернатор нескольких разных губерний Михаил Евграфович Салтыков, более известный нам как сатирик Щедрин, свирепость законов российских умягчается единственно необязательностью соблюдения оных. В Германии же сама мысль о несоблюдении закона представляется, мягко говоря, странной. Хотя бы потому, что основная масса тех, кто рисковал не подчиняться закону, там истреблена ещё во время Тридцатилетней войны и последовавшего за нею наведения элементарного порядка. Но с другой стороны, это значит, что закон, не соответствующий реалиям жизни, в Германии продержится намного меньше, чем у нас. Поскольку его будут строго соблюдать, он будет всем мешать, и значит, скоро накопится множество стимулов к его отмене.

Эта разница выражается иной раз не только в общественном мнении, но и на уровне инстанций, призванных как раз соблюдать именно закон.

Не так давно президиум Верховного суда Российской Федерации реабилитировал Николая Александровича Романова и всю его семью. Лично для меня это решение было, мягко говоря, странно. Поскольку этой проблемой ранее уже занималась Генеральная прокуратура Российской Федерации – то есть опять же орган, предназначенный для слежения за соблюдением закона.

Прокуратура сообщила, что семья Романовых убита без решения суда или хоть какого бы то ни было органа, имеющего право на исполнение хотя бы части судебных функций. Это убийство лежит вне правового поля, не порождает правовых последствий.

Следовательно, реабилитация – то есть восстановление прав, нарушенных какими-то властными решениями – в данном случае попросту неприменима, ибо нет решения, которое бы эти права ограничило.

Понятно, решением Генеральной прокуратуры были изрядно потрясены не только адвокаты семьи Романовых, но и многие люди, по самым разным причинам уважающие последнего императора, его родных и близких. Между тем в основе своей оно представляется мне ещё не только формально точнее, но и справедливее решения президиума Верховного суда.

Ведь Генеральная прокуратура признала убийство семьи Романовых преступлением. Не реабилитируем же мы, в самом деле, жертв какого-нибудь маньяка-поджигателя, маньяка-убийцы или просто уличного грабителя, не рассчитавшего силы при ударе сзади по голове. А из решения президиума Верховного суда следует, что решение Уральского совета о расстреле семьи Романовых имело правовые последствия, которые сейчас подлежат отмене, и, стало быть, само это деяние лежало в пределах хотя бы тогдашнего правового поля.

В эпоху перестройки высшая законодательная власть Советского Союза специальным законом отменила все ранее принятые распоряжения о наделении судебными полномочиями так называемых особых совещаний, особых троек и прочих внесудебных органов, принимавших решения о поражении в правах, заключении и расстреле. Тем самым автоматически отменены все их приговоры. Но до принятия этого закона отменённые им законы действовали. Все особые органы считались легитимными носителями части судебных полномочий. Каждого осуждённого ими полагалось реабилитировать отдельным рассмотрением дела. На практике рассмотрение дела чаще всего сводилось к его перелистыванию. Тем не менее сам факт реабилитации в порядке судебного решения означал признание полномочий этих самых совещаний и троек.

Решение президиума Верховного суда фактически – независимо от намерений самих судей – признаёт за Уральским советом законные полномочия на отдание приказа о расстреле и только полагает, что в данном конкретном случае надлежащие полномочия употреблены ненадлежащим образом. Выходит, судебное решение не только формально нарушает уголовно-процессуальный кодекс, но и не соответствует именно тем представлениям о справедливости, коими вроде бы обосновано в массовом сознании.

Я ни в коей мере не претендую на то, что моя точка зрения юридически абсолютно верна. Хотя бы потому, что два юриста – это уже три мнения. И уж подавно я далёк от мысли об оспаривании решения президиума Верховного суда – тем более что оспаривать его некуда. Я только полагаю, что за этим решением судебной власти должно последовать решение власти законодательной, признающее действия Уральского совета неправомочными с самого начала. А до тех пор, пока законодатель не вмешается в проблему, созданную нарушением буквы закона ради странной для меня трактовки его духа, будут основания считать, что президиум Верховного суда реабилитировал не только жертв, но и их палачей, признав, что палачи имели право на палачество.

Несовместимость

Пожелания надо отбирать осмотрительно

На первой странице одного из антимэрских сайтов однажды появились сразу две возмущённые заметки – об уплотнении городской застройки и о возможности выселения москвичей в область (на время капитального ремонта или замены их домов – но по мнению авторов сайта, навсегда). В то же время многие недовольны попытками правительства Москвы ограничить приток в столичный мегаполис новых жителей из других городов и стран.

Каждая претензия сама по себе осмысленна: можно обсуждать возможность (и последствия) её исполнения. Но вместе они образуют заведомо неосуществимую конструкцию.

Правда, можно отменить санитарные нормы жилья и смириться с бытом в духе коммунальных квартир советских времён или даже ночлежек имперской эпохи. Но в рамках современных представлений о нормальных условиях требования оппозиции неисполнимы. Невозможно одновременно наращивать население и не строить для него нового жилья ни в самом городе, ни за его чертой.

Слишком часто мы, как Агафья Тихоновна из гоголевской «Женитьбы», мечтаем: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому ещё дородности Ивана Павловича». И слишком редко задумываемся: а будет ли полученный гибрид не то что симпатичен, но хотя бы жизнеспособен?

Европейская Комиссия раз за разом ужесточает нормативы вредных выбросов от автомобильных двигателей. Ведь копоть и агрессивные газы на городских улицах никому не на пользу. Только ради каждого улучшения экологической обстановки приходится не только радикально менять сами двигатели, но и повышать качество бензина и порою даже снижать степень сжатия – а с нею и мощность. Всё это – деньги столь изрядные, что во многих мегаполисах дешевле было бы принудительно вентилировать центральные улицы. Деньги – лишь отражение реальных усилий, а производство тоже не без экологического греха. Чистота европейских улиц куплена несоразмерным ростом загрязнений воздуха в иных местах планеты. То есть в конечном счёте противоречие не технологическое – между желаниями быстро ехать и хорошо дышать – а логическое – между локальным улучшением и глобальным ухудшением.

Если от редких экологических позывов вменяемых политиков перейти к чистому экологизму в духе «Зелёного мира», становится очевидно главное противоречие, неотделимое от искренних адептов этой веры. Их требования выполнимы только при условии отказа от всего, что отличает человека от прочих животных, и возврата на обезьяний уровень. Не только по качеству жизни, но и по неотделимому от него количеству живущих. Экологичное желание жить безвредно вступает в противоречие с самой возможностью жить.

Бывают и противоречия диалектические. Скажем, интересы покупателя и продавца противоположны. Но их противоборство движет вперёд производство, а через его потребности – и науку.

Противоречие между экологистами и остальным человечеством или между жителями и строителями Москвы тоже можно счесть диалектическим. Все мы нуждаемся и в чистом воздухе, и в уютной тишине дворовых сквериков. Поэтому поиск решений, сохраняющих хотя бы часть этих ценностей, нужно стимулировать всеми доступными средствами – вплоть до экологических истерик.

Беда только в том, что подобные противостояния, единожды начавшись, обретают собственную логику. Скромную Рэчел Карсон сменяет пламенный Пол Эрлих, а ему наследует вовсе неистовый Роберт Хантер. Градостроительным планам мэрии оппонирует уже не тонкий знаток жизни мегаполисов Вячеслав Глазычев, а банкир Александр Лебедев, чьи предложения сводятся к выселению за пределы столицы всех её жителей (да ещё к лоббированию малоэтажного строительства, где он прикупил хорошие технологии).

Жёсткая логика противостояния неминуемо перенацеливает с поиска компромиссов на поиск путей истребления противника. А такие пути чаще всего самоубийственны. На них теряется соизмеримость поставленных целей даже с собственными интересами. Рано или поздно цели выстраиваются в логическое противоречие – вроде описанного в начале заметки.

Несовместимости возникают и без сознательного противостояния. Например, инженеру постоянно приходится сталкиваться с оппозициями, вытекающими из самой природы вещей. Прочность – при прочих равных условиях – противоречит лёгкости, мощность – экономичности...

Великий изобретатель Генрих Саулович Альтшуллер определил изобретение как устранение подобных противоречий. В своей теории решения изобретательских задач он выстроил методику вычленения противоречий, представления их в явном виде. А заодно – из опыта многих тысяч изобретателей – выяснил типовые приёмы преодоления каждого противоречия. Сейчас многие технические задачи, ещё недавно требовавшие напряжённого поиска и творческих озарений, решаются вполне рутинно.

Увы, пока никто не обобщил теорию Альтшуллера на противоречия экономические, организационные, политические... Приходится каждое решение искать чуть ли не с нуля. Или просто отбрасывать часть несовместимых целей – в духе анекдота, уже перекочевавшего на рекламные плакаты: «Делаем быстро, хорошо, дёшево – любые две опции на выбор».

Имитация самообороны

Спаси может только способное убить

Об имитаторах говорю сознательно. Ведь нынешний так называемый резинострел, насколько я могу судить, может обеспечить очень многое, но ни в малейшей степени не способен обеспечить самооборону.

Резинострел уже обеспечил очередной пункт скандальной хроники. Вспомните, как часто нынче появляются в сводках происшествий сообщения о том, что очередной отморозок выстрелил из травматического пистолета в водителя, не уступившего дорогу, или в очередь к вокзальной кассе, где не согласились продавать ему билет вне очереди, и так далее.

Недаром правила продажи резинострела несколько раз ужесточались. Ведь происшествий с его неправомерным употреблением, к сожалению, немало.

Причём происшествия эти зачастую даже не относятся к категории, так сказать, «изменения статистики». Когда мы слышим, что человек в состоянии опьянения застрелил жену из охотничьего ружья, мы знаем: не будь у него под рукой ружья, он, скорее всего, то же самое проделал бы кухонным ножом. А вот отморозок, выстреливший в отместку за то, что его не пустили к кассе, в случае отсутствия резинострела в кармане, конечно же, не

полез бы на очередь с кулаками. Ибо как он ни глуп, он скорее всего догадался бы: скорее очередь намет ему бока, чем он – очереди.

Но именно из этого эпизода можно усмотреть, в чём неэффективность резинострела в качестве оружия обороны: как ни печально, в том, что он чаще всего не убивает. Более того, он и из строя выводит на очень ограниченное время, и только при благоприятном стечении условий.

Если мы проектируем резинострел так, чтобы он не нанёс человеку тяжкие телесные повреждения, скажем, не сломал ему ребро летом сквозь тонкую маечку, то совершенно понятно: тот же самый резиновый шарик, выпущенный из точно такого же оружия, зимой – сквозь свитер и тёплое пальто – вообще никак не подействует. В лучшем случае придётся стрелять по ногам, куда довольно сложно попасть, и далеко не единожды.

Кроме того, обороняться довольно часто приходится не от одиночного нападающего, а от целой группы. И что будете делать, если на Вас нападают три-четыре человека? Пока будете пытаться свалить с ног одного выстрелом из резинострела, второй, кого вам даже удалось двумя-тремя выстрелами свалить, поднимется, придёт в себя и опять полезет на Вас.

Конечно, некоторые образцы травматического оружия перезаряжаются немногим дольше, чем боевое оружие, тем более что и делают их зачастую на боевой основе. Но всё-таки даже за пару секунд, нужных, чтобы сменить магазин, до Вас дотянутся, и в лучшем случае отберут «Осу» или «Макарыч».

К сожалению, среди людей, не проявляющих должного уважения к ближнему, весьма велика доля тех, кто и к своему собственному ушибу тоже не то чтобы совсем равнодушен, но по крайней мере способен пережить его, сохраняя прежнюю боевую активность. Единственное, что может серьёзно остановить – мысль о том, что расстаться можно с собственной жизнью: ею чаще всего дорожит даже отморозок.

По эффективности для остановки нападающего резинострел существенно уступает обычному перцовому баллончику. Свидетельства этому столь изобильны, что даже пресса уже не в состоянии вовсе их не замечать. Я же ношу с собою именно такой баллончик.

В то же время, раз резинострел рекламируют как несмертельное оружие, его и в ход пускают так же легко и бездумно, как кулаки. Но удар, способный остановить довольно многих, кое-кого и убить может.

Насколько я могу судить, популярность резинострела в нынешней России поддерживается сочетанием интересов двух группировок.

Первая – официальные правоохранительные органы. Они не желают терять монополию на защиту. Даже легальные охранные предприятия резко ограничены в вооружении. А некоторые кошки слишком хорошо знают, чьё мясо съели.

Вторая – наши оружейники. Они сейчас осваивают и заполняют очередную рыночную нишу, как ещё буквально года три-четыре назад – нишу газовых пистолетов. Кстати, должен заметить: смеси, способные выдержать температуру выстрела, в плане самообороны значительно менее эффективны, чем всё тот же перец. Но это был новый и довольно выгодный рынок. Только когда он насытился, когда люди разобрались в реальной эффективности газовых пистолетов и перестали их покупать, оружейники разработали новый суррогат защиты. Думаю, только когда насытится и эта ниша, оружейники наконец-то примутся лоббировать то, что жизненно нужно нам всем – оружие, действительно способное напугать нападающего настолько, что нападать он вовсе не рискнёт.

Весь мировой опыт доказывает: эффективно защищает только оружие, в принципе способное убить. Только оно может не только спасти, но и предотвратить нападение. А к такому оружию серьёзно относятся по обе стороны от мушки. Мировая статистика однозначна: там, где закон и общественное мнение допускают вооружённую гражданскую самооборону при помощи пулевого короткоствольного оружия, пригодного для скрытого ношения, не только число насильственных преступлений резко падает. Такое оружие ещё и пускают в ход несравненно реже, нежели нелетальные средства самозащиты вроде моих любимых перцовых баллончиков или суррогаты защиты вроде резинострела.

Синтаксическое единство

Создателям белорусского и украинского языков не хватило материала

Лингвисты насчитывают в нынешнем мире порядка пяти тысяч языков. Но на чём основан сам расчёт? По каким признакам устанавливается языковое единство и/или различие?

Разница произношений – мелочь. Дразнилка «с Масквы, с пасада, с калашнава ряда» утрирует особенности среднерусского аканья, но вовсе не намекает, что окающие волгари говорят на ином языке.

Почти столь же явное отличие – набор слов – куда важнее: русское «стол» трудно спутать с французским «table». Но на английском это слово пишется так же, как на французском – хотя и произносится иначе. А немецкое «Stuhl» соответствует русскому «стул» и по звучанию «штуль», и по значению. Что в очередной раз напоминает о близком родстве языков индоевропейской семьи.

Словарное родство создаётся и заимствованием. Так, добрая половина корейских слов почерпнута из соседнего Китая. Но это не сделало корейский язык диалектом китайского. Так же как обилие тюркских корней в русском не перевело язык из индоевропейской семьи в алтайскую. А множество романских и германских пришельцев не вывело русский и польский из славянской группы.

Различие же словарей – ещё не различие языков. Офени – бродячие торговцы – создали особый жаргон, где даже числа обозначались не русскими словами, дабы покупатели не могли по переговорам продавцов отследить реальную цену товара. Но ни офенский, ни родившаяся на его основе речь преступников – блатная феня – не выходят за пределы русского языка.

Язык опознают по синтаксису – способам построения форм слов, их связывания в цельные предложения.

Поляки ставят определяющее прилагательное не перед определяемым существительным, как русские, а после. Иная последовательность допустима разве что в художественном тексте и воспринимается как нарушение правил. Этого достаточно, чтобы признать польский и русский разными языками.

Англичане пользуются многими французскими словами, корейцы – китайскими. Но правила обращения с этими словами – специфически английские или корейские. Офени или профессиональные уголовники комбинируют придуманные слова по легко узнаваемым русским нормам – поэтому остаются в пределах русского языка.

У архангелогородцев и курян, чалдонов и смоляков, донцов и уральцев наборы слов ощутимо разные. Это легко увидит каждый, кто сравнит книги Шолохова и Бажова,

Лескова и Шергина. Но синтаксические правила всех этих местных говоров едины. Значит, и язык единый – русский.

В тысяча восемьсот шестидесятые политические противники России начали монтировать для русских новые словари. Если хоть в одном диалекте, бытующем на землях бывшей Жечи Пospолитей, какое-то понятие обозначалось словом, отсутствующим в литературном русском, это слово объявляли исконно белоили малорусским. Если ничего подобного не было – искали хотя бы нелитературное произношение. Сегодня тем же способом собирают сибирский язык.

Так набрали только бытовую да сельскохозяйственную лексику: прочие дела обсуждались в городах, где речь куда ближе к литературной норме. Но этого хватило, чтобы создать у людей, не знакомых с языкознанием, впечатление существования трёх – велико-, малои белорусской – ветвей русского языка.

Дополнить словарь столь же «самобытным» синтаксисом не удалось даже самым заинтересованным языкотворцам. Любая синтаксическая конструкция, объявленная исконно белоили малорусской, находит точное соответствие не только во многих диалектах, неопровержимо входящих в спектр русского языка, но и в литературной норме. Так, профессиональные украинцы гордятся звательным падежом. Орфографическая реформа тысяча девятьсот четвёртого, введенная в действие в восемнадцатом, официально исключила его из русской грамматики. Но в реальной речи он бытует. С «нулевым» окончанием: «Гриш! Обедать пора!»

Политика не считается с лингвистикой. Так, в Галичине – на восточном склоне Карпат – после Первой Мировой войны остались лишь те русские, кто согласился признать себя частью свежепридуманного украинского народа: остальные ушли вместе с российской армией, когда Галичина по ходу войны несколько раз переходила из рук в руки, либо погибли в австрийских концлагерях (изданный в тысяча девятьсот двадцать четвёртом четырёхтомник свидетельских показаний «Таллергофский альманах» впечатляет даже после ужасов Освенцима и Бухенвальда). Большевики, доказывая миру свою приверженность дружбе народов, также создавали народы искусственно: за употребление литературного русского языка в учреждениях Белорусской и Украинской ССР в тысяча девятьсот двадцатые можно было утратить партбилет, попасть под увольнение или даже под суд.

Но все эти строгости не втиснули ни в белорусскую, ни в украинскую речевую норму ни один синтаксический элемент, качественно отличный от русской нормы. Нынешние попытки подменить украинский диалект галицким, впитавшим немало немецких, польских и даже венгерских речевых конструкций, сами жители Украины воспринимают как насильственное внедрение инородного тела.

Значит, белои малорусский – всё ещё диалекты русского языка. А живая бытовая речь – даже в самых заброшенных деревнях – ещё ближе к русской норме. И сами жители нынешних Украины и Белоруссии в подавляющем большинстве – русские, что бы ни думали по этому поводу их властители.

**Тоталитаризм – это борьба
Не путайте форму с содержанием**

По меньшей мере с эпохи Возрождения высшей ценностью признана свобода. Карл Генрихович Маркс (с недавних пор названный едва ли не главным проповедником принуждения) предлагал измерять благосостояние человека свободным временем, остающимся у него по удовлетворении всех безотлагательных личных и общественных потребностей.

Соответственно эталоном пренебрежения природой и нуждами человека уже давно положено считать тоталитаризм – желание государства контролировать все стороны жизни каждого человека. Да и подобное же стремление общества, не опирающееся на государственную мощь, нынче столь же предосудительно. Так, в числе главных претензий к религиям – их желание предписывать каждому адепту многие особенности форм поведения – вроде иудейской кипы, исламского хиджаба или христианского крестного знамения.

Между тем на протяжении всей истории общество налагает на каждого своего члена несметное множество ограничений. И почти каждый член общества подчиняется этим ограничениям даже в тех случаях, когда может нарушить многие из них. Потому что (как сформулировал ещё Аристотель Никомахович Стагирский) человек – животное общественное.

Наша жизнь с незапамятных времён подчинена одному из основных принципов экономики: чем глубже разделение труда, тем выше его производительность. В обществе каждому жить выгоднее: сосредоточившись на своей узкой специальности, получаешь от других – также сосредоточенных на своём – куда больше, нежели смог бы сделать в одиночку, в режиме полного автономного самообеспечения.

Но чем глубже разделение труда – тем сложнее механизмы, обеспечивающие взаимодействие между хозяйствующими субъектами. Соответственно сложнее поддержание работоспособности этих механизмов.

Вдобавок сама структура экономики стала хоть немного понятна лишь в последние пару веков. До того приходилось лишь гадать, какие именно особенности поведения каждого из нас могут сказаться на общем благополучии. Ещё в конце семнадцатого века добропорядочные жители городка Салем в британской колонии Массачусетс на западном побережье Атлантики искренне веровали в способность вызывать заболевания и непогоду колдовскими манипуляциями: печально памятная охота на ведьм убила пару десятков человек и сломала ещё многие десятки судеб. Религиозная регламентация поведения, ныне именуемая тоталитарной, тысячелетиями представлялась единственным надёжным способом обеспечить стабильность общества и тем самым поддержать возможность взаимодействия звеньев разделённого труда.

Чем производительнее труд – тем больше накапливается излишков по сравнению с потребностями жизнеобеспечения, тем меньше внимания можно уделять общей эффективности. По мере развития общества его нравы становятся свободнее. Первой ощущает эту свободу верхушка, где скапливается преобладающая масса жизненных благ. Возмущение рядовых граждан расточительностью и развратом правителей и богачей – постоянный лейтмотив едва ли не всей известной нам истории. Но со временем и вся народная масса обретает достаточно, чтобы не слишком беспокоиться о каждой дисциплинарной мелочи. Даже самое скромное по нынешним западноевропейским меркам поведение представляется недопустимо вольным и непристойным любому привыкшему к африканскому или арабскому уровню достатка с соответствующим уровнем жёсткости унификации поведения. А западноевропейец в свою очередь считает

такую унификацию варварски тоталитарной.

Чем сложнее стоящие перед обществом задачи, чем больше требуемая для их решения доля доступных в данный момент ресурсов – тем строже регламентация всех сторон жизни. В дни наивысшего напряжения общество подобно спортсмену, готовящемуся к ответственным соревнованиям. Жёсткая диета. Чётко дозированная нагрузка. Некоторыми мускулами приходится вовсе жертвовать: для решения поставленной задачи они не нужны – пусть и не развиваются, не оттягивают на себя кровь и питательные вещества. Незнакомому со спортом – и даже болельщику, не имеющему личного опыта высоких нагрузок, – такое поведение кажется тоталитарным. А уж любой тренер при взгляде с комфортного дивана и подавно заслуживает по меньшей мере Гаагского трибунала: вспомним хотя бы любимые журналистами легенды о свирепости нрава Станислава Алексеевича Жука – и слёзы благодарности фигуристов, завоевавших под его руководством десятки золотых медалей. Да и солдаты, поминающие злого как чёрт сержанта, не всегда достаточно знакомы с военным делом, чтобы подсчитать, сколько раз его строгость спасала им жизнь.

Само по себе повышенное внимание к собственным возможностям – ни в коей мере не криминал. Стрельбе учиться и охотник, и киллер. Качают мускулы на тренажёрах и бодибилдеры, и уличные грабители. Даже если мы наблюдаем в какой-то стране все признаки тоталитаризма, трудолюбиво собранные Ханной Паулевной Арендт, – это ещё ни в коей мере не доказывает преступные намерения государственного руководства. Так же как сходная острота зубов и мощь челюстей не стирают различие, отмеченное Александром Исаевичем Солженицыным: «Волкодав – прав, людоед – нет!»

Тоталитаризм – форма существования общества. Не всегда лучшая. Но порою жизненно необходимая. Не будем путать форму с содержанием.

Все свои

Личные впечатления от коллективного действия

последние годы я оказался востребован молодёжным движением «Наши». Это вызвало изрядное негодование прогрессивной общественности. Но лично мне молодёжный оптимизм изрядно поднимает дух. Так, акция «Все свои» молодёжного движения «Наши» в День народного единства четвёртого октября две тысячи девятого охватила только в Москве два десятка тысяч радостных молодых людей, гармонично сочетающих веселье с соблюдением порядка.

День народного единства имеет скромную историю празднования, но давнюю предысторию. Почти четыре века назад наш народ показал, как умеет объединяться против тех, кто его не уважает. Польский король Сигизмунд Ваза – швед по происхождению, как и основоположник династии, сплотившей Русь воедино – Рюрик. Но в отличие от Рюрика и его потомков, Сигизмунд не пожелал считаться с обычаями народа, отказался сохранить на Руси православие, да и со здешним исламом пообещал расправиться. Поэтому наши предки собственноручно расправились с теми, кто пытался силой отдать русский народ под польско-шведское владычество.

Но неправы те, кто считает давний подвиг примером общего неприятия всего иноземного. Наоборот – и до, и после Смутного времени Россия открыта влияниям всего мира.

Пётр I Алексеевич Романов лишь вынужденно ускорил усвоение нашей страной некоторых западных обычаев, достаточно популярных ещё при его отце Алексее Михайловиче. Россия при каждом выходе на общеевропейскую арену оказывалась запутана в международных интригах и принуждена в чьих-то интересах воевать. Пётр не хотел повторять ошибку Ивана IV Васильевича Рюрика, истратившего на Ливонскую – прибалтийскую – войну ресурсы всей страны, но в конечном счёте оттеснённого и от прежних границ. Пётр использовал новейшую тогда западноевропейскую организацию вооружённых сил – и оказался вынужден приучать своих дворян к западноевропейским же бытовым обычаям: без них армейские порядки казались неестественными.

Люди с новоевропейскими взглядами и привычками в России уже были. Так, до совершеннолетия Петра страной правили его старшая сестра Софья и её любовник Василий Васильевич Голицын. Если бы не внутрисемейные распри, мы скорее всего сейчас говорили бы не о петровых, а о софьиных реформах. Но для ускоренного формирования полноценной массовой армии потребовалась столь же массовая ускоренная европеизация.

Пётр провёл её с таким напором, что добрый век после него правящая верхушка и остальной народ буквально не понимали друг друга. Не зря через шесть десятилетий после смерти Петра князь Михаил Михайлович Щербатов назвал свой главный публицистический труд «О повреждении нравов в России» – и прямо обвинил первого нашего императора в этом повреждении.

Но наш народ в полной мере проявил ту силу, которая и делает народы великими. Величие – не в том, чтобы навязывать всем, до кого можешь дотянуться, собственные взгляды, порядки, обычаи. Подлинное величие – в том, чтобы по всему миру находить то, что может тебе пригодиться, объединять даже самые разнородные чужие творения и уже на их основе творить своё. Да так творить, чтобы все остальные народы восхищались не только загадочной русской душой, но и общечеловеческим величием наших творцов. Русские гении Лев Николаевич Толстой и Пётр Ильич Чайковский признаны всемирно.

Всемирную культуру – всем миром и создавать. Среди лучших русских драматургов – немец фон Визен. Словарь живого великорусского языка собрал датчанин Даль. Русские крепости на землях, отвоёванных Петром Великим, строил эфиоп Ганнибал – а его правнук создал современную норму русского литературного языка, используемую нами по сей день почти без изменений.

Русский народ – не единственный, вбирающий в себя достижения отовсюду. Классик французской поэзии Гийом Аполлинер – поляк Вильгельм Альберт Владимир Александр Аполлинарий ВонжКостровицкий. Классик английской прозы Джозеф Конрад – поляк Юзеф Теодор Конрад Аполлонович Коженёвский. Но именно в нашей стране наиболее очевидно общее правило: велик может быть лишь тот народ, что не варится в собственном соку.

Те, кто два десятилетия назад призвали отделить Российскую Федерацию от остальных республик Союза и даже создали внутри правившей тогда союзной коммунистической партии отдельную КПРФ, подорвали экономическую и политическую мощь не только других республик, но прежде всего самой России.

Даже по официальному подсчёту за пределами республики оказалось двадцать пять миллионов русских. По родному же языку – а не по записям в паспорте – на территории бывшего Союза внероссийских русских лишь немногим меньше, чем внутрироссийских.

Но куда страшнее, что механизм культурного и экономического взаимообогащения,

выстроенный веками, сейчас замкнут в куда более жёстких границах, нежели ещё четверть века назад. Вдобавок даже внутри нынешней России кое-кто пытается остановить его, провозглашая «Россия для русских» и называя русскими только тех, кто соответствует их собственным представлениям о народе. Хотя сами эти представления то ли устарели на добрую тысячу лет, то ли вовсе никогда не имели отношения к действительности.

Остаётся лишь порадоваться, что в родной стране так много желающих поддержать главный источник нашего величия.

Кому много дано...

Диалектика прав и обязанностей

Целый квартал между московскими улицами – Первой Останкинской и академика Королёва, Останкинским проездом и Шестым Останкинским переулком – занимает обнесённый высоким забором парк. В центре парка – особняк Сергея Павловича Королёва. Весь гектар (по московским меркам – фантастически дорого), ныне ставший музеем великого конструктора, подарен ему правительством в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом – после запуска первого искусственного спутника Земли.

В то время даже сами члены правительства не располагали подобными дачами в Москве. Но подарок никого не удивил. Королёву надо было то и дело ездить не только в свой институт в подмосковных Подлипках (в ту пору – Калининград, а теперь Королёв), но и на совещания с другими главными конструкторами, и в министерство обороны, и в тот же Кремль. Ведь основу сооружаемого тогда ракетного щита Родины составляли его разработки. Да и сегодня почти все наши боевые ракеты созданы его соратниками и учениками.

Дачи, автомобили, спецсвязь, спецпитание директоров крупных предприятий, конструкторов, академиков никого не злили даже в эпоху всеобщего бурного возмущения номенклатурными привилегиями. Хотя точно такие же льготы чиновников государственного и партийного аппарата стали точкой приложения народного гнева, изрядно поспособствовавшей смене строя. Но в эпоху индустриализации, военное лихолетье, годы послевоенного восстановления подобные же упрёки в адрес «комиссаров, жирующих на спине народа» вызывали разве что желание набить злословящую морду.

А ведь привилегии советских управленцев не особо менялись добрых полвека: вскоре после Гражданской войны они уже располагали практически теми же дачами, автомобилями, специальными пайками и больницами. Технический прогресс больше помог рядовым гражданам. Легендарные сталинские наркомы отрывались от среднего уровня куда выше, чем баснословные горбачёвские министры. Но тогдашнее процветание хозяйственных командиров народ воспринимал спокойно, ибо знал об их ответственности за срывы. Иосиф Виссарионович Джугашвили – в отличие от легендарного Сталина – зря на Лубянку не отправлял, но за слабую работу увольнял без лишних проволочек, а за попытку скрыть ошибки мог и впрямь отдать под суд по весьма серьёзным статьям. Зато Леонид Ильич Брежнев прощал едва ли не всё, кроме попыток подсидеть себя, любимого. А Михаил Сергеевич Горбачёв хотя и устроил зачистку управленцев – но не по результативности.

Устранять руководителей не всегда возможно: накопленный ими опыт зачастую нечем заменить. Не зря тот же Джугашвили в войну прощал генералам многие провалы. Когда

Лев Захарович Мехлис, будучи комиссаром Крымского фронта, потребовал заменить командующего фронтом генерал-лейтенанта Дмитрия Тимофеевича Козлова, Джугашвили резонно ответил: «У нас нет в резерве Гинденбургов». Даже после керченского разгрома Козлов всего лишь разжалован в генерал-майоры и дальше командовал армиями, был заместителем командующего фронтом...

Но когда острого кадрового голода нет, наказания должны следовать неотвратимо. Иной раз судят даже победителей. В тысяча девятьсот сорок шестом народный комиссар авиационной промышленности Алексей Иванович Шахурин осуждён на шесть лет, а главный маршал авиации Александр Александрович Новиков на пять за то, что во время войны заводы выпускали самолёты со множеством производственных дефектов, а военная приёмка, подчинённая Новикову, соглашалась их использовать. Причины большинства дефектов – объективные: дефицит сырья, квалифицированной рабочей силы, частая модернизация конструкций... Но была и доля вины Шахурина и Новикова: многие сложности военной поры поддаются компенсации организационными мерами.

Военачальников после войны осуждали, помимо прочего, за вывезенные из Германии вагоны трофейных ценностей. Но зачем, к примеру, маршалу Георгию Константиновичу Жукову или министру государственной безопасности Виктору Семёновичу Абакумову десятки баянов и столовых сервизов? Высокие начальники запасались подарками для подчинённых: в пору послевоенного дефицита вещевая премия несравненно ценнее денежной. А вот если возникало действительно серьёзное обвинение – коллекцию трофеев считали отягчающим обстоятельством.

Ныне чиновники предпочитают накапливать деньги, акции доходных предприятий и прочие приятности, ценные в условиях рыночной полноты магазинов. Но им бы это охотно простили, если бы скорость развития подведомственных им отраслей хозяйства была сопоставимой с эпохой Джугашвили. Увы, куда чаще они проваливаются поглубже Горбачёва.

Привилегии дворян в России не вызывали особой неприязни, когда каждый представитель высшего сословия был обязан решать серьёзнейшие задачи – от воинской службы до управления всей страной. Но восемнадцатого февраля тысяча семьсот шестьдесят второго Пётр Третий Фёдорович Романов даровал дворянству вольность. Имена, ранее обеспечивавшие материальную базу для служения, стали только источником личного благополучия. Революция оказалась неизбежна.

Нынче наше общество ищет идеалы в прошлом. И рискует откатиться до новых поводов к революции. Если сильные мира сего забудут старую истину: кому много дано – с того много спросится.

Нурали Латыпов

Два Ивана, и оба Грозные

Сколько ни оглядываюсь на историю России, а ведь, пожалуй, величайшим российским стратегом был Иван III Васильевич – по сути дела, создатель государства.

Чего стоит хотя бы одно Стояние на Угре! Точно выбрав для своих войск стратегически важную позицию, Иван без единого выстрела не позволил Ахмату – Великому хану Золотой Орды – перейти крошечную реку Угру. Он дождался предугаданного им ухода Ахмата с изголодавшимися воинами обратно в Орду, на подавление почуявших его слабость родственников. Именно этот исторический момент принято считать бесповоротным и окончательным освобождением от многовекового ига Орды.

Внутренняя политика Ивана тоже отличается стратегической глубиной. Так, именно он стал целенаправленно приглашать иностранных специалистов по тем направлениям, где Россия отставала.

Например, Аристотель Фиораванти вместе с группой менее именитых соотечественников, вошедших в летописи под общим прозвищем Фрязин (т. е. итальянец), не просто перестроил Московский Кремль, но ещё и научил российских зодчих новым технологиям. Тут и лебёдки, и железные связки, и новейшие методы фортификации, и современные виды артиллерии...

Победы Ивана неторопливы, умеренны и относительно бескровны. Например, он поэтапно покорял Господин Великий Новгород на протяжении десятилетия. Но при этом из крупных человеческих жертв вспоминается разве что в битве на реке Шелонь, когда погибло до двенадцати тысяч новгородцев.

Было массовое – до трети жителей – переселение в другие регионы страны. Был и поджог Иваном московского посада, в ожидании прихода Орды незадолго до стояния на Угре. Но было и постепенное, год за годом, собиранье прочих земель, доставшихся московскому государю не мытьём, так катаньем – от братьев, матери, прочих родичей, где целиком, где частью, где в наследство, где в итоге дипломатической игры. Чего стоит один союз с Крымским ханством, благодаря которому Иван провёл успешные войны против общих врагов – Литвы и Большой Орды, а Москва приросла землями...

Увы, массовому сознанию умеренность не нравится. Обыватель почти ничего не знает об Иване Третьем. Ему куда больше запомнился внук великого стратега – Иван Четвёртый... Васильевич. И даже эпитет деда «Грозный» перешёл на внука.

Хотя собственными деяниями этот Иван куда больше заслужил титул «Кровавый». И Новгород он по вздорному подозрению вырезал по меньшей мере наполовину, и в родной Москве бесчётно истреблял не только знать, но и рядовых обитателей, явно не способных к соучастию в заговорах.

Крупных государственных успехов за Иваном IV Грозным не числится. Была, правда, в молодые годы завоёвана Казань – но в ту пору вокруг были ещё и мудрые советники. А к завоеванию Сибири этот царь причастен косвенно. Что называется от противного. Основную часть отряда Ермака составляли люди, по разным причинам, но в равной степени не заинтересованные в контактах с прославленным государевым правосудием.

Ливонскую войну Иван безнадёжно проиграл. Именно стратегически: не предполагал, что у прибалтийских рыцарей найдётся столько союзников. Его дед сперва-то рассорил Новгород с партнёрами по ганзейской торговле. И только добившись дипломатической изоляции противника, перешёл к активным действиям. Внуку же пришлось после безрезультатной войны смириться с потерей не только ранее завоёванных территорий, но и выхода к Балтике, с незапамятных времён обеспеченного всё тем же Новгородом.

А вот тактические ходы Ивана Четвёртого достойны трикстера. Чего стоит хотя бы его демонстративная отставка с последующим введением опричнины – официальным расколом страны на два государства! Замечательно и возведение на земский, формально

не подчинённый Ивану, престол марионетки – касимовского хана Симеона Бекбулатовича. После этого управление земской половиной страны стало так же безалаберно, как и опричной.

Да и систематическое истребление бывших соратников давало Ивану немалый тактический выигрыш. В конечном счёте возражать ему решался разве что бежавший за границу князь Андрей Курбский. В результате стратегические ошибки Ивана развёртывались в полную ширь – и получали отпор не словом (от близких оппонентов), а делом (от врагов).

Стратегическая бездарность Ивана Грозного проявилась даже в отношении к наследникам. Иван Иванович попытался вступить за беременную жену, избитую царём за небрежность в украшениях (не правда ли, основательный повод!) и через десять дней умер от последствий перелома бедра. Сыну, избитому отцом, никто не рискнул помочь.

Между тем царь знал, другой его сын – Фёдор Иоанович – слишком слабovolен, чтобы стать серьёзным правителем. Правда, Иван завёл ещё одного наследника. Но уже после его смерти царевич Дмитрий погиб от несчастного случая: от деда он унаследовал столь крутой нрав, что никто не рискнул запретить девятилетнему эпилептику играть с острым колышком.

Посмертным итогом деятельности Ивана Четвёртого стало Смутное время. Кто знает, как развивались бы события, если бы на престол взойшёл разумный и здоровый Иван Иванович Пятый? А уж если бы остались живы многие сотни достойных государственных деятелей, если бы страна не подверглась многолетнему отрицательному отбору, даже смена династий не вылилась бы в многолетнюю смуту. Но, увы, история не знает сослагательного наклонения.

Тишайший и Великий

Продолжая размышления на тему общей стратегической недостаточности [1 - См. Латыпов Н.Н., Вассерман А.А. Острая стратегическая недостаточность. Россия на переПутье. – М.: Астрель; Полиграфиздат, 2012. – 448 с.], хотел бы обратиться сегодня к личности Петра I и его «тишайшего» отца.

Алексей Михайлович! Этот правитель как раз многократно являл стратегический талант. Но ни современники, ни потомки до сих пор не оценили его заслуг перед страной по достоинству.

Алексей, как задолго до него и Иван III, был очень осторожен. Например, он много лет гостеприимно размещал в России многочисленных беженцев с Украины после тамошних антипольских выступлений – и в то же время решительно отказывался принять Украину под свою власть. Только достаточно окрепнув, он пошел на это.

Очередное восстание под предводительством Богдана Хмельницкого, если бы его подавили поляки, могло привести к поголовному истреблению православных жителей Речи Посполитой. В этих условиях Алексей, наконец, согласился на очередную просьбу «мятежников». Согласитесь, мало в российской истории примеров более стратегических событий!

Стране пришлось изрядно повоевать, защищая народ новообретённых земель от бывших властителей. Но, в конечном счёте, Алексей Михайлович сумел уладить отношения с поляками, заключил мирный договор, после чего Россия постепенно, но планомерно

наращивала влияние в Польше.

Именно при Алексее Михайловиче началась европеизация России. Правда, внешний облик страны менялся мало. Одежды, бороды и причёски не подражали европейским фасонам. Зато отношения в обществе менялись к лучшему. Всё больше становилось людей, ни от кого не зависящих формально и никем формально не управляющих. Именно личная самостоятельность – главное содержание, главное отличие, главная движущая сила европейской культуры. К ней и устремились в эпоху Алексея все слои русского общества.

Увы, его сын – Пётр, царь, а после и государь-император – как раз личной самостоятельности своих подданных не признавал. Он свёл всё многообразие, сформировавшееся при отце, к двум категориям – служилой и тяглою. В его глазах священники не отличались от военных, а купцы – от крестьян.

Стратегических планов Пётр – вопреки распространённому мнению – не строил. Практически все его действия, за исключением, быть может, только «Великого посольства» и строительства флота – всего лишь реакция на сиюминутные обстоятельства. Особенно видно это при чтении многих тысяч указов, посвящённых сущим мелочам вроде фасона одежды на очередном увеселении.

В Северную войну, а она продолжалась двадцать один год, Пётр попал не столько из-за разумного желания вернуть выход к Балтике, сколько из-за выбора союзников. Дания и Саксония – даже вместе – в ту пору были явно слабее Швеции, а большей антишведской коалиции Пётр сколотить не сумел. А ведь при должном стратегическом искусстве можно было временно сгруппировать вокруг России такие силы, перед которыми бы отступил даже сам Карл Двенадцатый, отчаянный король и искусный полководец.

Прутский поход Петра – явное следствие чисто тактического мышления. В погоне за Карлом Пётр нарушил мирный договор с Турцией, хотя еще в тысяча семисотом сам добился его с немалым трудом. Шедших с ним войск заведомо не хватало не то что на полномасштабную войну, но даже на пограничный конфликт. Из окружения он выбрался только массовым подкупом турецких чиновников (его жена Екатерина раздала на взятки все свои драгоценности) и ценой отказа от черноморских портов, завоёванных ранее. Карл же, оставаясь в Турции пять лет, вернулся на родину, лишь когда его верные подчинённые подготовили в Швеции – без помех со стороны Петра – новую армию для очередного раунда войны.

Западные обычаи Пётр заимствовал разборчиво. Европейскую традицию свободы личного выбора он не только отвергал, но и старательно искоренял её ростки, поднявшиеся в России при Алексее Михайловиче. Зато без особых размышлений насаждались курение, парики, короткие штаны (в северном климате России малоприспособленные) и прочие внешние приметы иностранного образа жизни. Алексей Михайлович думал о содержании, а Пётр Алексеевич, не приемля содержания, заботился больше о форме.

Реформы Петра затронули, по сути, только верхушку общества. Основная же масса населения – крестьянство – не только не втягивалась в преобразования, но, напротив, принудительно изолировалась от большинства перемен. Даже изменения, уже прошедшие при Алексее, отменялись: так, значительная часть лично свободных крестьян вновь оказалась закрепощена.

Главным результатом петровской эпохи стал раскол русского народа на две части, не только не имеющие между собою почти ничего общего (даже язык у них изрядно различался), но и видящие друг в друге едва ли не главных врагов.

Тем не менее в народном сознании Пётр удостоен титула Великий. А вот его отец назван всего лишь Тишайшим. Хотя при нём Россия приросла и территориально, и экономически, и численно. А Пётр заплатил за явно меньшие земли на южном берегу Балтики – да за клочок приневских болот – жизнями более трети своих подданных и всеобщим разорением.

Миф о Великом Петре культивировался триста лет, хотя в значительной степени именно Петру русский народ и обязан потерей самобытности. Именно с той поры и до сих пор мы так и норовим пролезть в окно там, где все проходят через дверь.

И я сомневаюсь, что одна только лишь реставрация дворца Алексея Михайловича в Коломенском заповедном парке сильно изменит эту традицию.

Ещё раз о Дзержинском

Большое видится на расстоянии, даже если оно меньше, чем человеческий век.

Несколько лет назад предложение о возвращении памятника Дзержинскому на прежнее место – в центр Москвы на Лубянскую площадь – вызвало бурную реакцию. Хотя и далеко не однозначную. Так, на самом высоком уровне идею не отвергли безоговорочно, а лишь сочли несвоевременной.

Напряжённость спора вполне понятна. Ведь предложено, в сущности, вернуть и саму личность Дзержинского на заслуженное место в российской истории.

Место в высшей степени значимое. Это очевидно, если вспомнить ключевые моменты деятельности другой исторической личности той эпохи – Ленина. Тот относился к стране и её народу куда безжалостнее Дзержинского. Именно по его инициативе в России начали расстреливать офицеров, высылать интеллигенцию, создавать концлагеря... [2 - Справедливости ради заметим, что идея концентрационных лагерей принадлежит англичанам, опробовавшим её в войне с бурами. А первый концлагерь на территории России создали «белые» – в период Интервенции – на Соловках.]

Но вместе с этой бесспорно грязной водой мы – кто бессознательно, а кто и вполне расчётливо – выплёскиваем и ребёнка.

Ленин приложил для взятия власти усилия куда меньшие, чем принято было утверждать в позднейшей историографии. Фактически он подобрал власть, выпавшую из рук предыдущего режима. Так же, как и так называемые «демократы» всего лишь подобрали власть, уроненную КПСС в начале девяностых.

Последующая жестокость Ленина и его соратников в значительной степени порождена яростью той борьбы, которую повели против них, спохватившись, бывшие хозяева жизни. А в такой борьбе всё ценится иначе, нежели в мирное время.

Скажем, маршала Жукова сейчас упрекают за слишком дорогую цену всех его побед. Но весь мировой опыт показывает: подобная кровавая цена зачастую оказывается единственным способом обретения победы. Кровь же, пролитая проигравшим полководцем (как бы мало её ни было), отдана впустую. Не зря говорят: «Победителей не судят!»

Ленин поначалу ставил перед собою цель, в полном объёме не достижимую. Впрочем, он сам это признавал. Он пытался втиснуть Россию в Прокрустово ложе марксовых схем. Хотя по тому же Марксу Россия к этому готова не была.

Но трёх-четырёх лет Ильичу хватило, чтобы публично признать провал теоретической

схемы и перейти к принципиально новому варианту экономической политики.

Я, профессионально занимаясь изобретениями, полагаю НЭП одним из гениальнейших изобретений в истории человечества. НЭП позволил отечественной экономике не просто встать на ноги, но и в кратчайшие сроки заметно повысить благосостояние граждан по сравнению с имперскими временами. Да и удержать страну в границах, мало отличающихся от довоенных, без НЭП вряд ли удалось бы.

При введении новой политики Ленин встретил жесточайшее сопротивление – но не позволил идеологическим знамёнам превратиться в копья. Бывшие соратники готовы были буквально затоптать его за новое предложение. Но он нашёл способ переубедить их. Так что и волки оказались сыты, и овцы целы. А за то, что произошло после смерти Ленина, сам он уже никак не может отвечать. Он-то постоянно и вполне отчётливо говорил, что НЭП всерьёз и надолго.

В рамках российской экономической политики были приняты выдающиеся государственные программы – например, ГОЭЛРО. Эти программы не просто беспрецедентны в мировой истории. Они сами стали прецедентом. Им подражали во множестве государств. В первую очередь – в Китае. Но и за океаном через десятилетие в числе ключевых ступеней выхода из Великой Депрессии оказалась гидроэнергетическая программа в долине реки Теннесси, почти дословно списанная с ГОЭЛРО.

В осуществлении всех хозяйственных программ – в том числе и негосударственной их части – Дзержинский был одним из главных соратников Ленина.

Он проявил в экономике организаторский талант ничуть не меньший, чем в политике. Многие его решения по развитию инфраструктуры страны остаются предметом подражания менеджеров высшего ранга. Уже за одно это он, бесспорно, заслуживает увековечения.

То, что он вышел из спецслужб – более того, сам их создавал – и активно причастен к репрессиям (пусть даже и вызванным чрезвычайными обстоятельствами эпохи) – несомненно, плевелы. Но от этих плевел необходимо отделить зёрна – рациональные и весьма многочисленные.

Переломить хаос смутного времени, проложить торную дорогу развития невозможно без самой жёсткой позиции государственных органов. Иной раз это выглядит выбором из двух зол.

А потом приходится делать из меньшего зла добро – ибо, как напомнил персонаж романа Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать» Вилли Старк, больше добро делать собственно не из чего.

Дзержинский же делал добро не только в экономике. Вспомните хотя бы организованную им систему – именно систему, а не отдельные красивые жесты – спасения беспризорных детей.

Эту его работу пытаются принизить те, кто в современной России – вроде бы без массового кровопролития – породил беспризорников куда больше, чем было их после семи лет мировой и гражданской войн. Если учесть не только выброшенных на улицы, но и позабытых затравленными непосильной работой родителями, то без призора у нас нынче многие миллионы детей.

Причём у создателей нынешней жестокой обстановки оправданий куда меньше, чем у Дзержинского. Для него революция была средством создания нового, благородного и стройного, мира.

Правда, по Достоевскому, вся гармония мира не стоит одной слезинки одного ребёнка.

Но тогда и подавно не стоит этой слезинки – а тем более океана слёз, неизбежного при нынешнем массовом беспризорничестве и детской наркомании – цель не столь возвышенная, вроде демократии в стране.

Да и что это за демократия, если из неё вычёркиваются – и физически, и политически – миллионы?

Имена на карте столицы

Несколько лет назад в одном из телесюжетов небезызвестная Ксения Собчак сообщила, что её раздражают названия московских улиц. Особое негодование так называемой «светской львицы» вызвали тогда Кривоколенный переулок и Сивцев Вражек. Она сообщила, что эти наименования её буквально «бесят», и бурно возмущалась: кем нужно быть, чтобы вообще назвать улицу «Вражек»?

По счастью, ни одно официально зарегистрированное СМИ не потрудились растиражировать это мнение, оскорбительное для многих поколений москвичей. Сперва я подумал даже, что это некий заказ: «Уж если она принялась рассуждать о московских странностях на всю Россию, то, скорее всего, в ближайшее время ещё не раз сообщит, чем ей не нравится столица». Хотя в её родном Питере странностей, вроде левосторонней нумерации улиц или нумерации квартир в многоквартирном доме по горизонтали, куда больше...

Но потом я отмёл эту мысль о преднамеренности. Скорее всего, её, как и многих в этом поколении россиян, подвели длинный язык и весьма скромный по производительности в сравнении с ним мозг. Недоумение Собчак было искренним. И Ксении Анатольевне, прежде чем возмущаться обычаями старинного города, куда её никто не тащил, следовало бы с ними познакомиться. Этот переулок связан с именами Льва Толстого, Аксакова, семьи Тучковых, да взять хотя бы ещё капельмейстера Василия Агапкина, создателя марша «Прощание славянки». Дочь профессора, уважаемого юриста и первого постсоветского мэра северной столицы – не должна позорить имени покойного отца своим невежеством.

А уж о том, что пугающее её слово «вражек» означает не врага, а овражек, то есть маленький овраг, можно узнать ещё в школе. В самой обычной средней школе.

У Валерия Александровича Миляева, барда, автора песни «Вот идёт по свету человек-чудак...» и многих других, нашёл вот такую сатиру на бытующие взгляды:

В Москве есть переулок Сивцев Вражек,
Он длинный, узкий, малость кривоват.
А где он расположен – каждый скажет —
Недалеко от улицы Арбат.

Он до сих пор не переименован,
И я скажу ответственно, что – зря,
Поскольку, между нами говоря,
Название это несколько хреново.

Мне кажется, что Вражек – не овраг,
Оврагов нет поблизости Арбата.
Я думаю, что Вражек – малый враг.
С большими мы разделились когда-то,

А малых, сивцевых, не выведем никак.
Сменить бы имя, коль нельзя из автомата.

Да уж, издержки наступившей либеральной демократии. Из автомата нельзя. Зато коверкая речь и уничтожая историческую память, можно убить медленнее, но в гораздо большем масштабе. Убить народ.

Но вернёмся к ландшафту. Овражек наш в давние времена прорыл мелкий, но бурный ручей. Его назвали Сивец или Сивка – то есть «сивый», седой – за то, что его воду то и дело покрывала густая белая пена. При императрице Екатерине Великой Сивец убрали в трубу, чтобы не подмывал окрестные дома и не мешал движению.

...Впрочем, безудержные переименования – бич столицы. Красные пришли – так переименовали. Белые пришли – эдак переименовали. Помните анекдот:

«Получил Вовочка двойку по литературе, пришел домой и жалуется матери:

– Стала нас Марья Ивановна спрашивать, какие есть великие русские писатели. Анечка говорит: «Пушкин!» Мишенька говорит: «Чехов!»

– А ты что же, Вовочка?

– Вот и я не понимаю, чем ей старик Тверской не угодил».

В июле тысяча девятьсот семьдесят девятого года в центре Москвы открыта новая станция метро «Горьковская», запланированная к постройке ещё в середине тридцатых. Вместе с соседней «Пушкинской» и «Чеховской» этот «писательский» узел гармонично смотрелся на карте метрополитена. Но в пылу борьбы за историческую справедливость в ноябре девяностого года Горьковскую переименовали в Тверскую. «Чем провинился старик Тверской?» Участием в пропаганде строительства Беломоро-Балтийского канала и пособничестве замыслам «отца народов»?

Разумеется, одноимённая улица Тверская (на поверхности) справедливо вернула себе исходное название, но большинство станций метрополитена строили советские люди и в Советском Союзе. Зачем же было истреблять память о Горьком?

Дальше – больше. Многострадальные «Красные ворота». Мало кто помнит, что эта станция метро несколько раз меняла имя в соответствии с политической конъюнктурой. Построенная в мае тридцать пятого, она получила название в память о снесённых ранее Красных воротах. Это – вошедшее в московскую речь неофициальное имя Триумфальной арки, выстроенной по случаю Полтавской победы. Сооружение было красивым, то есть красным, хотя из белого кирпича. Выкрасили арку в красный цвет только в веке девятнадцатом.

В пятьдесят втором площадь над станцией называли Лермонтовской. Правда, дом, где родился великий поэт, тогда снесли ради высотного здания. Позднесталинская архитектурная мода победила память гения.

В тысяча девятьсот шестьдесят втором и станцию метро переименовали в

Лермонтовскую. На заре горбачёвской перестройки станции метрополитена вернули старое имя. А в девяносто втором и площадь на поверхности города вновь стала Красными Воротами. Логика здесь есть, однако с тех пор прошло более пятнадцати лет. И сколько уж было возможностей хоть какую-то новую станцию московского метрополитена ради всё той же исторической справедливости назвать в честь поэта-москвича. Замечу, в своём жанре – несомненно первого поэта России! Увы...

Печально Лермонтов «глядит на наше поколение...» Вот и закончу, пожалуй, его строками:

Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.

Мешает ли вероисповедание точным наукам?

отел бы затронуть вопрос о соотношении веры и науки. Иной раз их сейчас противопоставляют, как две крайности, которым не сойтись, точно Востоку и Западу.

И напрасно! Вот, скажем, наш выдающийся соотечественник, математик и специалист в области квантовой теории поля, развивший передовые методы математической физики, академик Николай Николаевич Боголюбов. Он родился в семье протоиерея Русской Православной Церкви.

Заметив у сына тягу к физико-математическим наукам, его отец, Николай Михайлович стал брать на дом книги в библиотеке Киевского Университета несвойственного себе профиля. К окончанию седьмого класса будущий академик уже обладал профильными знаниями, сравнимыми с полным университетским курсом. Надо отдать должное Боголюбову-старшему: кроме церковного чина, он был преподавателем философии, психологии и, разумеется, богословия, – последнее не помешало ему дать таланту сыну такой мощный импульс для развития и вхождения в естественную науку.

В 1925-м году, когда Боголюбову исполнилось всего семнадцать лет, малый президиум Укрглавнауки принял решение: «Ввиду феноменальных способностей по математике, считать Н. Н. Боголюбова на положении аспиранта научно-исследовательской кафедры математики в Киеве».

В жизни сына священника Боголюбова было затем еще немало несравненно более значимых научных успехов и достижений, открытий и трудов. Он прожил длинную и полноценную жизнь, застав на старости лет и развал советской науки, и новые либерал-демократические веяния.

Но вот что характерно, как вспоминали его коллеги по работе в Объединённом Институте Ядерных Исследований: «Трудно охарактеризовать совокупность интересов Николая Николаевича Боголюбова, не имевших отношения к математике, физике, механике. Он был универсалом... Вся совокупность его знаний была единым целым, и основу его философии составляла глубокая религиозность (он говорил, что нерелигиозных физиков можно пересчитать на пальцах). Он был сыном православной церкви и всегда, когда ему позволяло время и здоровье, он ходил к вечерне и к обедне в

ближайший храм».

То есть при всём при том гениальный советский учёный оставался глубоко верующим человеком.

А вот ещё один пример. Первый российский нобелевский лауреат, великий физиолог – Иван Петрович Павлов. Он родился в самой середине девятнадцатого века в такой семье, где, казалось, никогда не мог бы вырасти будущий гениальный учёный-естественник.

Дело в том, что по всем родословным веткам многие поколения предков Павлова были служителями церкви. Вот и сам Иван Петрович до определённого момента не мыслил себя вне православного служения. Окончил рязанское духовное училище, затем поступил в рязанскую же духовную семинарию. И вот ведь незадача, на последнем курсе ему попала в руки тоненькая книжечка «Рефлексы головного мозга» за авторством профессора Сеченова. Под её впечатлением будущий учёный стал студентом естественного отделения физико-математического факультета университета в Санкт-Петербурге.

Сделав массу открытий, получив массу всевозможных научных званий и регалий, отказавшись от лестных предложений из-за рубежа, с середины двадцатых годов и до конца своих дней в тридцать шестом, Павлов руководил институтом физиологии Академии Наук.

Чего греха таить, его после смерти сильно идеализировали, подняли на щит и понесли. Именно Павлову приписывают фразу: «Естествоиспытатель не может не быть атеистом, естествознание и религия несовместимы».

Но хорошо известно по воспоминаниям коллег учёного, что Иван Петрович был весьма терпимым человеком и душой не принимал откровенно грубую антирелигиозную пропаганду. Он полагал, что нельзя отнимать у людей такой нравственной опоры, как религия. По его словам: «Необходимости в религии не будет лишь в будущем, когда все члены общества станут просвещёнными людьми. Да ещё вопрос: все ли члены такого общества обойдутся без религии?».

Тут я бы провёл черту между верующим и религиозным, верой и церковью. Эйнштейн, например, часто говаривал: «Бог говорит с нами языком математики».

Учёный может быть вне религии, и даже, наверное, обязан быть вне её, но может ли он быть без веры?

Религиозные учреждения в Средние века, как на Западе, так и на Востоке, были реальной опорой массового по тем временам образования. И вообще, наука, если на секунду забыть о языческой античности, росла в пределах монастырских стен и религиозных школ. А дальше зашагала самостоятельно, апеллируя только к разуму, оставив душу верующим.

Существует точка зрения, что жестокости средневековой церкви по отношению к инакомыслящим учёным – это своеобразная попытка самосохранения человечества. Дескать, нравственное развитие общества не поспевало за научно-техническим. Бессмысленные с военной точки зрения бомбёжки Хиросимы и Нагасаки как будто подтверждают эту точку гипотезу. Но то, что таких Хиросим не случилось ни в Советском Союзе, ни пока на территории России – это заслуга исключительно нашей науки и нашей инженерной подготовки.

Научно-технологический комплекс современной нам России стремительно стареет и деградирует.

И чтобы народы нашей страны сохранили свой язык, свою культуру, свою веру, я

обращаюсь к иерархам и священнослужителям всех конфессий России. Уж если вы озаботились школьным образованием, так помогите заодно бедствующим: математике, физике, химии, биологии! Никакой ереси в моём призыве нет. Потому как без этого задела не будет у нашего Отечества ни технологической, ни военной, ни экономической мощи, то есть и независимости!

Пример глубоковерующего человека, академика Николая Николаевича Боголюбова, директора Института Ядерных Исследований, показывает, что научные знания и вера могут быть едины.

Арабские первопроходцы

Сам я человек Востока и с детских лет увлечён его древней историей. Есть у меня мечта, если получится, снять на эту тему сериал, ну а лучше, если бы удалось сделать нечто большее.

Едва ли не весь современный мир вспоминает средневековых арабов только как завоевателей. Это мнение хотя и ограничено, но в изрядной степени оправдано. Достаточно вспомнить, что сам Мухаммад – не только пророк, но и блестящий полководец, чьи воины, воодушевлённые и новой верой, и пламенным вдохновением вождя, в считанные годы покорили не только Аравию, но и многие сопредельные регионы. При его наследниках арабский халифат распространился на север Африки и едва ли не до Средней Азии. В пору же наивысшего расцвета под власть арабов попали даже Сицилия и Пиренеи.

Но распространение арабов по Старому Свету вовсе не ограничивалось соотношением сил с соседями. Бесчисленные купеческие караваны и парусники забредали в такую даль, о какой не помышлял даже самый грозный завоеватель. Торговцев подгоняло не только стремление за доходом, но и вдохновенное слово пророка: Мухаммад сам был и погонщиком верблюдов, и удачливым коммерсантом, так что благословил торговлю не только по здравому размышлению о судьбе общества, но и по личному опыту.

А куда не заходили даже купцы – то и дело заглядывали арабские дипломаты или просто любопытствующие странники.

Едва ли не самые внятные представления о государстве волжских булгар современные историки черпают из описания визита в 921–922 гг. посольства аббасидского халифа аль-Муктадира (908–932 гг.). Оставил это описание Ахмед ибн Фадлан ибн аль-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад – официально секретарь посла, а по некоторым приметам второе лицо в посольстве. Правда, некоторые фрагменты записок ибн Фадлана до сих пор не вполне постигнуты. Так, неясно, были среди подданных царя Алмуша славяне или только тюрки. Но без этих записок даже сама постановка такого вопроса была бы невозможна.

Целью посольства было исследование возможностей помощи булгарам в выходе из-под власти хазар – а заодно, конечно, приобщение их к исламу. Ибн Фадлан красочно описал провозглашение царём и его подданными величия Единственного Бога. Но экономические и военные возможности халифата были недостаточны для серьёзного вмешательства в столь отдалённый конфликт, так что с политической точки зрения посольство оказалось неудачным.

Более четверти века бродил по свету Абу Абдалла Мохаммед ибн Абдалла эль-Лавати (1304–1378), вошедший в историю как ибн Баттута. Отправившись в хадж из родного

Танжера в 1326-м, он обошёл Северную Африку, Аравию, Сирию, Персию, Малую Азию, Крым, Северное Причерноморье, Поволжье, Среднюю Азию, Индию. Вернувшись домой в 1350-м, съездил в Испанию, а в 1352-м – уже по официальному поручению султана Марокко – уехал в Судан и Мали, добрался до Тимбукту. Его записки обо всех этих путешествиях долго считались полными выдумок. Только через несколько поколений знания, накопленные купцами и дипломатами, убедили самых недоверчивых: ибн Баттуте можно доверять даже в самых неожиданных подробностях.

Для историков, пожалуй, самый интересный фрагмент записок ибн Баттуты – описание пройденных им владений наследников Чингисхана. Ведь именно в ту эпоху там происходили сложнейшие перемены – переход воинственных монгольских кочевников к оседлой жизни, усвоение ими культуры покорённых народов, включая принятие ислама. Но переходные периоды интересны не только историкам. Вдумчивому художнику, писателю, а особенно – режиссёру, они дадут материал для пёстрой картины многообразной и непрерывно меняющейся жизни.

Разнообразие событий и нравов, виденных ибн Фадланом и ибн Баттутой, уже невозможно передать во всех тонкостях оттенков, если не прибегнуть, помимо драматургических и сценографических возможностей, к музыке. Ведь каждому народу из числа запечатлённых этими авторами присущи неповторимые напевы и ритмы. В отличие от многих других традиций, они прошли через века почти без изменений. Современные композиторы (да и многие поэты) черпают из этих древних источников всё новые мотивы для собственных творений. Если же сочетать их с драматургией, основанной на бурных политических страстях, описанных обоими путешественниками, то результатом неизбежно станет синтетический жанр, в наши дни обычно именуемый просто «мюзикл» и неизменно привлекательный для самых разнообразных зрителей.

Записки ибн Фадлана и ибн Баттуты могли бы стать литературной основой для двух отдельных мюзиклов. В самом деле, одного отчёта ибн Фадлана вполне достаточно для создания крупного произведения со сложным сюжетом и богатым спектром мест действия. А уж записки ибн Баттуты – и вовсе неисчерпаемый источник вдохновения для множества сценаристов и оформителей.

Но куда интереснее – единое произведение, использующее бесчисленные параллели и в местах их странствий (ибн Баттута побывал и в тех местах, где за четыре века до него вёл дипломатические переговоры ибн Фадлан), и, главное, в самих интригах и расправах: увы, по этой части всё человечество раз за разом повторяет одни и те же схемы действий.

К такому решению подталкивает и то, что биография ибн Фадлана – в отличие от судьбы ибн Баттуты – практически неведома. А ведь без личности повествователя рассказ о древних событиях теряет очень многое: не зря крупнейшее в мире собрание древних легенд и сказок объединено сложной судьбой рассказчицы Шахразеды и её слушателя Шахрияра.

Думаю, при создании отдельного мюзикла по запискам ибн Фадлана пришлось бы заново сочинять его характер и жизнь, тем самым порождая у зрителей и слушателей подсознательное сомнение в достоверности всего сюжета. Если же, скажем, в порядке бреда, объединить обе нити, неизбежная схематичность образа ибн Фадлана будет удачно замаскирована полнокровным и красочным ибн Баттутой. Более того, ибн Фадлан может в этом случае возникать не как самостоятельный рассказчик, а как один из элементов рассказа ибн Баттуты, проводящего параллель междусобственными наблюдениями и – несомненно, хорошо известным в его время – отчётом древнего дипломата.

Можно считать это своего рода сценарной заявкой, хотя коммерческий успех проекта, к сожалению, невозможно гарантировать в полной мере: ещё никому не удавалось всегда безошибочно предугадывать симпатии широкой публики.

Но в одном можно быть уверенными: материал, предоставленный древними странниками, столь интересен, что авторы гипотетического мюзикла будут работать над ним с неослабным вдохновением. А это – одно из неперенных условий успеха в любом деле.

Статистика – вещь упрямая!

Как ещё в XIX веке отметил министр финансов, а затем и премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли: «Есть три разновидности лжи. Ложь, гнусная ложь и статистика. Последняя – путь к истине». Попробуем двинуться путём истины.

Ну, например... Численность населения Советского Союза к началу 1990-х составила 287 миллионов человек. Все вооружённые силы государства на 1991 год к моменту развала СССР насчитывали всё ещё не менее 4,5 миллионов служащих. А в прежние годы – и больше. В годы Отечественной войны и первые послевоенные годы численность наших сил, включая госбезопасность, пограничников и внутренние войска, достигала почти 11 миллионов человек. Но когда это было и в связи с чем!!

Между тем по сведениям Георгия Константиновича Жукова до 1939-го года в общих чертах сохранялся территориальный принцип комплектования Красной Армии, хотя и в сочетании с кадровым. Маршал свидетельствует в своей знаменитой книге «Воспоминания и размышления»:

«Территориальный принцип распространялся на стрелковые и кавалерийские дивизии. Сущность этого принципа состояла в том, чтобы дать необходимую военную подготовку максимальному количеству трудящихся с минимальным их отвлечением от производительного труда.

Причём расходы на обучение одного бойца в территориальной части за пять лет были гораздо меньшими, чем в кадровой части за два года. Конечно, лучше было бы иметь только кадровую армию, но в тех условиях это было практически невозможно... Занятая строительством народного хозяйства, наша страна главные усилия, все основные средства направляла на развитие производительных сил».

Нынешний телезритель и читатель, чего греха таить, в основной массе это те самые люди, которые те же 20 лет назад были уверены, что Сталин чуть ли не лично расстрелял 100 миллионов невинных в ГУЛАГе, а Жуков заваливал врагов трупами наших солдат, что так дальше жить нельзя и если бы не большевики, то русские жили бы сейчас лучше всех.

Вы не помните, какие обвинения выдвигали против коммунистов в конце 80-х – начале 90-х? Коррупция, застой и спад, развал экономики, отсталые здравоохранение и образование, нищенские пенсии и т. д., и т. п. Теперь, глядя на окружающую действительность, народ, по крайней мере те, кому около сорока и выше, понимает, что ТОГДА его «слегка» – в кавычках – обманули.

Как показывает статистика, не меньшим заблуждением является и то, что мы в новой России сократили армию. И я вам это сейчас покажу буквально на пальцах. Итак, по данным Росстата в январе 2010 года численность граждан России приближалась к 142

миллионам человек. То есть составила почти что половину от числа граждан Советского Союза двадцатилетней давности.

Личный состав армии нашей страны последние годы сокращается и составляет порядка 1 100 000 военнослужащих. Хотя у России до сих пор одна из самых многочисленных армий мира, на 140 гражданских, казалось бы, приходится всего один военнослужащий. Но не всё так просто.

Во-первых, к настоящему времени в стране зарегистрировано свыше 29 000 всевозможных охранных и сыскных структур, общая численность персонала которых превышает 760 тысяч работников. То есть это тоже своеобразная армия для решения задач внутри страны. Могли ли вы себе представить в советские годы кого-нибудь с автоматом или помповым ружьём, разгуливающим по городу или зданию? Инкассаторов, которых оберегает от четырёх до шести вооружённых, словно десантник в тылу врага, охранников?

Во-вторых, по состоянию на 2009 год, штатная численность самого МВД составляла порядка 920 тысяч сотрудников. Всего-то на двести тысяч меньше на то время, чем обычных военных.

Официальных данных о суммарных силах и средствах МЧС я не нашёл, но злые языки утверждают, что они вкупе составляют 1 миллион человек, то есть сопоставимы с теми же сухопутными войсками. Это, в-третьих!

И наконец, не забудем таможню, налоговиков, прокуратуру, ФСО и ФСБ, Минюст и прочие контролирующие органы...

Кто записал в столбик цифры, тот уже понял, что число так называемых силовиков – а это в основном всё-таки здоровые, трудоспособные мужчины, [3 - В последнее время поражает также участие военизированных групп граждан (в том числе и казаков) во всевозможных религиозных процессиях и празднованиях. И это всё тоже здоровые телом мужчины, и это тоже середь бела дня. Чего-чего, а попраздновать, помаршировать и помитинговать у нас любят. Бабы работают, а мужички, извиняюсь, чем полезным заняты?] вырванные из процессов экономического производства – значительно превышает цифру в четыре миллиона и стремится к пяти.

Итак, на 137 миллионов гражданского населения России приходится всё те же 4,5 миллиона людей «при исполнении», как прежде – только на вдвое большее народонаселение Советского Союза. Конечно, я могу ошибаться в деталях, поскольку это лишь прикидочные расчёты, но едва ли с такой погрешностью, каковая меняет общую картину.

Маломощная, утратившая население, территории, промышленный и технологический потенциал Россия содержит практически такое же количество силовиков, как и огромный, развитый СССР. Страна по-прежнему милитаризованная, разве лишь «человеки с ружьями» перераспределились между ведомствами. Кому-то надо всё это до сих пор обеспечивать. Вот о чём нелишне задуматься!

Про депутатов и чиновников всех мастей и не говорю. В нынешней России, данным оппозиции, почти 2 миллиона депутатов и сотрудников аппаратов властных структур всех уровней. И многие из них берут. И берут многое. На всех надо напасть.

Никакая экономика этого не выдержит. Советская рухнула именно по этой причине, но при Брежневе во всём Союзе, превышающем, повторяю (!), Россию вдвое по численности населения, было менее 1 миллиона 750-ти тысяч чиновников. И брали, полагаю, значительно меньше. Так, что до поры до времени экономика выдерживала. Такая вот статистика на 2010-й!

Сильно сомневаюсь, что к 2014-му что-то существенно изменится.

Бочка варенья да ящик печенья

События недавних лет, связанные с уходом из жизни Егора Тимуровича Гайдара, инициировали две диаметрально противоположные волны.

Представители одной – расписывали, какого мы потеряли гениального и героического премьера и демократа. Вторая волна шла под лозунгом «сдох, туда ему и дорога», «гори он в аду синим пламенем». Прошло определенное время, пики и той и другой волны уже стали спадать. И я попробую дать свою оценку, опираясь на факты и свой жизненный опыт.

При судействе обычно отсекают крайние оценки, хотя политика и экономика, людские судьбы – это не фигурное катание. Но я тоже автоматически отсекаю крайние позиции, хотя имею основания для судейства предвзятого. Я прошел три года горячих точек по Великой России – Советскому Союзу, а затем видел, как разгораются межнациональные конфликты уже в так называемой «новой России». Но, как и те, так и эти горячие точки вспыхнули на либерал-демократической волне, были сотворены этим лагерем. Говорят, что благими намерениями выстлана дорога в ад. Миллионы людей в одночасье утратили человеческое обличье, пролились реки крови. Куда там классику с его одной слезинкой ребёнка! Стоят ли все эти реформы тех жертв, принесённых на алтарь рыночной экономики, так до сих пор не построенной?

Что касается конкретно Гайдара. Уход любого человека из жизни – трагедия. И с обыденной точки зрения можно только посочувствовать семье и близким Егора Тимуровича. Если же с личностного уровня перейти к оценке деяний, то одновременно я не мог не возмутиться усилиями единомышленников Гайдара, Чубайса, Хакамады и других, внушить забывчивым, что де именно покойный спас страну. Подобные спекуляции продолжаются и по сей день.

Можно сколь угодно ловко жонглировать фразой, что о мёртвых либо хорошо, либо – ничего. Но это суеверие тёмных веков, а вот просветитель Вольтер утверждал, что «о мёртвых ничего, кроме правды». Эту часть известной пословицы у нас благополучно опускают, когда это невыгодно.

По моему мнению, Гайдар и подобные ему помогли Ельцину загнать страну в такую пропасть, куда Россия никогда, за все время своего существования, ещё не погружалась. Один из каньонов этой пропасти, когда мы пожинали очередные плоды реформ, дефолт 1998-го года.

В чёрные августовские дни на пост премьер-министра России на смену горе-реформаторам должен был прийти совсем иной человек. Опытный, мудрый, трезвый и, самое главное – честный. Такой, который бы взялся за это тяжкое, неподъёмное дело – вернуть доверие к власти и остановить панику. Этим политиком оказался Евгений Примаков. И уж если кто спасал страну – так это он, а не новоявленные демократы, которые к тому времени промотали уже решительно всё, при них мошенники сказочно обогатились в считанные месяцы, а честные стали нищими. Нельзя сказать, что Евгений Максимович провёл какие-то новые реформы, но он сделал гораздо большее. Прекратил эксперименты над уже тяжело больной страной. Оградил её от кровопийц типа

Березовского. И экономика России начала выздоравливать.

Ельцин отблагодарил Примакова: как только опасность миновала – отправил в отставку. А вот Гайдар, прочмокавший страну, получил под свой институт роскошнейшее здание в центре столицы, по иронии судьбы – прямо напротив бывшего ОБХСС, ныне – УБЭП. Молочные реки с кисельными берегами для Гайдара лично и прочих плохишей состоялись. Кстати, по признанию Кудрина Егор Тимурович до последних дней помогал ему в работе – проводить жёсткую монетаристскую политику.

Любят у нас либералы полоскать фигуру Сталина и его эпоху, чей промышленный и духовный потенциал поддерживает Россию и по сей день на плаву. Я – не сталинист, и я очень жёстко оцениваю то, что было сотворено режимом в стране сразу после принятия самой демократической в мире Конституции тридцать шестого года.

Но посмотрим на вещи трезво. Да, почти двадцать миллионов жизней, впрочем, со слов тех же демократов (но, допустим), в 1940—50-е годы были принесены в жертву сталинским реформам. Зато в ходе сталинского строительства страна получила технологическую независимость, реально продвинулась вперёд в сфере образования, науки и техники, выстояла в Великой Отечественной войне.

Что касается рыночных реформ в мирное по большому счёту время, они стоили нам тех же двадцати миллионов жизней. Достаточно умножить численность населения бывшего СССР на падение продолжительности жизни. В то же время мы потеряли территорию, технологическую и экономическую независимость, мировой статус, духовные ориентиры, катастрофически снизили уровень образования и здравоохранения.

В этом виноват и покойный Егор Тимурович Гайдар и прочие шоковые терапевты, мнившие себя великими реформаторами, изучавшие экономику по учебникам и видевшие жизнь из-за тонированных стёкл. Для них Россия всегда была и будет «этой страной», а наш народ – подопытными кроликами.

«...российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства – служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей», – сказал американский экономист Джеффри Сакс, профессор Гарварда, три года подряд, с осени девяносто первого, он был руководителем группы экономических советников Ельцина.

И еще одно мнение. Говоря о российских младореформаторах, профессор Колумбийского университета и лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц отмечал: «Величайший парадокс в том, что их взгляды на экономику были настолько неестественными, настолько идеологически искажёнными, что они не сумели решить даже более узкую задачу увеличения темпов экономического роста. Вместо этого они добились чистейшего экономического спада. Никакое переписывание истории этого не изменит».

Как видите, такова не только моя оценка деяний наших либералов.

Трижды не Пиночет

Помню как смерть генерала Августо Пиночета Угарте в очередной раз привлекла всеобщее внимание не только к диктаторским методам решения политических проблем – в чём чилийский генерал был, по общему мнению, одним из самых удачливых в XX веке. Немногим меньше обсуждали экономическую сторону его правления – прежде всего знаменитых “чикагских мальчиков”.

Ученики лауреата Нобелевской премии по экономике Милтона Фридмана нашли в Чили один из благодатнейших полигонов для опытной проверки любых идей своего учителя (увы, также недавно скончавшегося). Суровый военный напрочь исключил всякую возможность сопротивления даже самым радикальным решениям – вроде отмены государственного пенсионного обеспечения.

Результаты получились впечатляющие. Экономика Чили во второй половине правления Пиночета росла наибольшим в Латинской Америке темпом. Да и сам диктатор вскоре счёл возможным возврат к демократическому управлению страной (хотя, конечно, с гарантиями собственной безопасности) – достигнутый уровень экономического благополучия очевидным образом исключал скорое повторение всеобщего политического кризиса, порождённого срывом хозяйственной программы президента Сальвадора Альенде Госсенса.

Вероятно, именно пиночетовский опыт заставил Россию склониться к воспроизведению большей части чикагских рецептов, использованных в Чили. Но результаты получились далеко не столь эффектными (и даже не вполне эффективными). Это вынуждает задуматься о различиях политических руководителей, применявших одинаковые экономические идеи.

Прежде всего следует отметить сходство. Ельцин, как и Пиночет, объективно оценил надвигающиеся на страну опасности. Ельцин, как и Пиночет, не побоялся нарушить действовавшую конституцию, хотя и присягал ей. Ельцин, как и Пиночет, не постеснялся применить к высшей на тот момент законной власти вооружённую силу, выраженную самым впечатляющим образом: танки, стреляющие по парламенту, выглядели, пожалуй, даже несколько эффектнее реактивных истребителей, пикирующих на президентский дворец.

Но отличий между министром обороны и бывшим секретарём обкома более чем достаточно. Причём далеко не в пользу «законно избранного» президента.

Правда, формально Ельцин пролил куда меньше крови, чем Пиночет. Общее число смертельных исходов, перечисленных в судебных исках к генералу, порядка трёх тысяч. В российской левой оппозиции до такого уровня не добираются даже самые буйные фантазёры. Официально же признано всего полторы сотни убитых в Москве 3–4-го октября 1993-го, хотя их было, должно быть, больше в разы.

Однако власть отвечает за жизнь не только тех подвластных, кого убивает открытой силой. Условия, созданные в стране в результате её решений, тоже могут содействовать или противодействовать выживанию. Население России при Ельцине ежегодно сокращалось примерно на миллион. Пиночету такое – даже в долях от общей численности сограждан, не говоря уж об абсолютной величине – не могло привидеться даже в самом жутком ночном кошмаре.

Конечно, любой военный знает: победы вовсе без жертв заведомо невозможны. Но вопрос прежде всего в соотношении затрат с результатами. Царь Эпира – одного из осколков Македонской империи – Пирр тоже одержал впечатляющую победу над римлянами. Но понесённые им жертвы оказались столь непомерны, что в скором будущем

не только Эпир, но и практически все Балканы оказались под властью недавних побеждённых.

Пиночет, судя по всему, достаточно серьёзно переживал последствия своих действий. Ельцин же не раз доказывал: при всех красивых обещаниях лечь на рельсы реформ, если они пойдут в сторону от благополучия простых граждан, ему явно не до раздумий о судьбах тех, кто ему доверился.

Достаточно вспомнить один из эпизодов бурной ночи с 3-го на 4-е октября 1993-го. Вернейший соратник Ельцина – Егор Гайдар – призвал безоружных москвичей идти на защиту мэрии от вооружённых боевиков, поддержавших Верховный Совет. Если бы не твёрдая позиция мэра, немедленно заявившего по телевизору об отказе от этой медвежьей услуги, дело могло бы кончиться массовым побоищем с непредставимыми результатами. Президент же ни тогда, ни позже не обозначил даже тени недовольства непрошеным помощником.

Годом позже таким же бездумным оказалось “решение” чеченской проблемы. Сейчас уже мало кто сомневается: к тому времени республика действительно катилась к состоянию разбойничьего гнезда, подобного легендарной Тортуге. Но в ней пока оставалось явное большинство граждан, тяготевших к спокойной мирной законопослушной жизни. Даже президент Дудаев ещё хранил многие рефлексy советского генерала и был вполне договороспособен. Умелая политика центральной власти могла вернуть горный край в общероссийское пространство (тем более что в ту пору оно по многим показателям – включая степень законопослушности – мало чем отличалось от чеченского). Но избранный Ельциным и его окружением силовой вариант способствовал переходу большей части чеченцев на сторону Дудаева, а самого Дудаева – на сторону радикальнейших разбойников. Положение стремительно изменилось в катастрофическую сторону – и понадобилось ещё более десятилетия, чтобы добиться хотя бы возврата к предвоенной взрывоопасной обстановке.

В отечественной военной истории едва ли не образцом бездумного истребления собственных солдат традиционно считается маршал Жуков. Между тем недавние углублённые исследования стратегических проблем показали: фактически именно Жуков первым в Великой Отечественной войне освоил методы ведения боевых действий, сводящие потери к технически возможному минимуму (хотя даже этот минимум был очень болезненным). Почти все прочие военачальники усвоили жуковские уроки с изрядным запозданием.

Ельцин по складу характера изрядно напоминал Жукова – и, похоже, старался во многом подражать ему. Беда в том, что подражал он не реальному маршалу, а его изображению в книгах поверхностных исследователей. И в результате оказался ближе не к Жукову, а к бездумным пропагандистам формулы “любой ценой”. Вроде Мехлиса, чьё пристрастие к лобовым действиям вызвало, например, катастрофу на Керченском полуострове, а вся предыдущая деятельность на посту главного армейского пропагандиста сформировала такое же лобовое бездумье у большинства наших военачальников.

Как известно, “любую цену” всегда платят из чужого кармана. Ельцинская готовность к безудержному продвижению в очередное светлое будущее обернулась, помимо прочего, безудержным расхищением богатства, уже накопленного страной – причём накопленного ценой тяжелейших лишений. Значительная часть результатов более чем полувекового непомерного напряжения всего народа оказалась утеряна – и сейчас даже для малейшего продвижения придётся вновь повторять подобное же невообразимое усилие.

Впрочем, далеко не всё потерянное просто исчезло с лица Земли. Нищета российских городов и сёл обернулась коттеджами на Рублёвке, горнолыжными развлечениями в Куршавеле, массовой скупкой элитных лондонских особняков, лучшей российской футбольной командой “Челси”...

Сам Ельцин, похоже, собственноручно карманы не наполнял. В его семье мастеров по этой части хватало и без его личных навыков бывшего строителя. А уж “семья” в обобщённом журналистами смысле и подавно стала едва ли не всемирно знаменитым символом стаи хищных временщиков.

Пиночета же ни в чём подобном даже не подозревали. Хотя латиноамериканский генералитет в целом издавна входит в число общеизвестных рассадников безудержного казнокрадства. Но генерал оказался столь же общеизвестным исключением из общего правила. Даже из тех его решений, которые считались в чём-то сомнительными, по меньшей мере 9/10 при детальном исследовании оказались направленными бесспорно на интересы страны. Тогда как 9/10 уже исследованных решений Ельцина приносили пользу не столько стране в целом, сколько немногочисленным и хорошо известным отдельным гражданам.

Итак, Ельцин – по меньшей мере трижды не Пиночет. Он не считался с потерями – как на экономической почве, так и вследствие прямых силовых столкновений – среди своих сограждан. Он не заботился о выборе экономической стратегии, не то что дающей скорое всеобщее процветание, но хотя бы нацеленной на приемлемо быстрое устранение очевидной нищеты. Он не пытался предотвратить откровенное ограбление миллионов в пользу единиц.

Да и в чисто политическом плане эти лидеры явно противоположны. Генерал после нескольких резких решений всячески поддерживал умеренность во всём. Обкомовский же секретарь – при всех своих проклятиях в адрес своих бывших однопартийцев – остался большевиком похлеще подсиженного им Горбачёва.

Отсюда и очевидные последствия. Пиночет предотвратил уже назревшую гражданскую войну, укрепил государство, сплотил страну и вывел её на магистральный путь политического и экономического развития. Ельцин же добился развала великой державы, позволил ограбить её осколок, оказавшийся под его командованием, довёл страну до состояния, из которого её придётся выводить ещё не одно десятилетие.

Похороны Пиночета сопровождалась очередным бурным всплеском массовых эмоций. Заметное большинство чилийцев оплакало его смерть. Но едва ли не половина сограждан всё ещё проклинает его за жертвы переворота и последовавших политических репрессий.

Впрочем, по числу жертв в расчёте на единицу результата Пиночету явно далеко от ельцинских рекордов. Вряд ли в день похорон Ельцина в России был хотя бы один оплакивающий на десяток проклинающих ЕБН при всём внешнем благообразии этой траурной церемонии на наших голубых экранах.

О сокращении времён

При всей остроте многих вопросов послания бывшего президента России за 2009 год одним из самых обсуждаемых мест оказалось о количестве часовых поясов страны. Дмитрий Медведев поставил вопрос об их сокращении. Дело вроде бы нехитрое. И сократили...

Хотя эксперты утверждали, что существенного выигрыша это не даст. Даже США, которые менее вытянуты по параллелям, имеют пять часовых поясов. Сторонники сокращения приводили в пример Китай, где всего лишь один часовой пояс. Но у китайцев одно на всех время только в том смысле, что в отличие от нас они стараются любую проблему предусмотреть загодя, даже если она чисто гипотетическая. Китайцы боятся сепаратизма и дорожат целостностью страны, и единое время введено лишь с той целью, чтобы и здесь не дать никакому городу или провинции на основании разницы во времени подумать о самостоятельности. Единое время – единый Китай.

Нам, конечно же, надо сократить количество времён. Но весь вопрос – в каком смысле. Есть время физическое, биологическое, психологическое. А есть время социально-культурное. Дело в том, что даже сейчас в двадцатом веке разные народы России живут в разное время. Ряд народов Сибири, Дальнего Востока и Кавказа живут в самом натуральном родоплеменном культурном пространстве. Это иное время, это законы не нашего, а иного общества. В историческом материализме не столь глупым было деление по формациям. И когда многие критикуют чеченское руководство с якобы демократических позиций, и лично Рамазана Кадырова за жёсткую централизацию власти, я скажу, что это неизбежная плата за скорейший перевод родоплеменной формации – в феодальную. То есть вроде бы прогресс.

На Западе именем одного такого прогрессиста назвали чудное изобретение. В самом конце двадцатого века была создана беспроводная технология для объединения различных электронных устройств – «Блютуз». Она носит имя в честь короля Харальда Синезубого – древнего объединителя под одним началом Дании и Южной оконечности Скандинавского полуострова. Bluetooth позволяет самым разным электронным устройствам сообщаться, когда они находятся в радиусе до ста метров друг от друга.

Харальд Синезубый отличился тем, что проводил политику централизации власти всевозможными способами, в том числе и силовыми, он смирял самостоятельность ярлов. Приблизительно тем же самым занимается и Кадыров. Только он опирается на ислам, а Харальд Синезубый мечом и огнём вводил в Дании и Норвегии христианство. Так вот одного на цивилизованном Западе увековечивают, а другого – «нашего» – костерят почём зря.

Кстати, при всех несомненных достоинствах христианства и прочих моисеевых религий, природные этнические верования с их мифологическим, а не религиозным, мышлением, представляли свой собственный, альтернативный духовный путь развития человечества. Яркие подтверждения тому – Индия или Япония, обладающие самобытной традиционной культурой и по сей день.

И при всех несомненных достоинствах цивилизованного пути развития с вытекающими из этого социальными последствиями, родо-племенные и клановые отношения имеют право на существование, вызывая одним этим фактом недовольство и непонимание так называемых «цивилизованных».

Итальянский путешественник Карло Маури, участник походов Тура Хейердала на «Ра» и «Тигресе», сам возглавлявший многие экспедиции в неизведанные миры, скептически отзывался о термине «дикость»: «Мне приходилось сталкиваться со многими – в кавычках «примитивными» – воинственными народностями, – писал путешественник, – и я убедился, что не существует человека, который, глядя в глаза другому, не разгадал бы его намерений. А «дикими» такие народности чаще всего считают по той простой причине, что они изо всех сил ограждают себя от губительного для них нашествия так называемой

цивилизации».

Рим испытывал колоссальные проблемы с варварами. Многие их поступки не могли вписаться в рамки мышления человека цивилизованного рабовладельческого общества.

Европейские торговцы, попадая на допетровскую Русь, не понимали, например, выражения «ударить по рукам». Как же так, без расписок?

Нацистская, но всё-таки европейская Германия, не могла себе вообразить, что здесь, в России, такое пренебрежение к ценности жизни. Это не вписывалось в архетипы европейца. «Варвар», в кавычках, не дорожит своей жизнью, и уж точно не дорожит жизнью врага, честь рода превышает личной жизни. И он жертвует собственной жизнью ради племени. Его зовёт Родина-Мать.

...Столичные города и многие регионы России живут в разное время. И когда с высоких трибун говорят, что на Кавказе пропадают вбухиваемые туда средства, это вовсе не значит, что там в корне плохие люди. Просто они живут в другой социально-экономической формации. А ментальность члена рода такова, что если уж нашёл доходное место, в данном случае бюджет, будь добр обеспечить и других членов рода. И это для них там норма. Мы должны осмыслить этот феномен!

Советский Союз, плохо ли, хорошо ли, решил вопрос по-своему. С помощью советской партийной системы усреднили и буржуазную Прибалтику, и феодальную Азию, и родоплеменной Кавказ. Всем сёстрам по серьгам. Сделали что-то среднеарифметическое, среднегеографическое, среднесоциальное.

В Царской империи тоже был свой опыт, в неё вписалось и княжество Финляндское с собственным парламентом и серьёзными правами автономии, и на какой-то период – Польша со своим сеймом. Но в Царскую Россию входил и Бухарский эмират, где совершенно иная система совмещения власти. Сверхварварская – в сравнении с финской системой правлений. Всё это работало и функционировало внутри единой России.

Увы, ни Советская, ни царская модели разновременного государства не выдержали испытание тем же временем.

Вот такая проблема с разностью времён реально стояла, и стоит в России до сих пор, а вовсе не проблема часовых поясов. Вот о чём надо было думать мыслителям, которые бродили по коридорам Администрации экс-Президента.

Полумеры – это полуразруха?

Предлагаю совершить небольшой экскурс в не столь отдалённое прошлое.

Помните, как в 1983-м году южнокорейский пассажирский “Боинг”, следовавший рейсом из США, забрёл глубоко на территорию СССР – причём в районы, в ту пору официально строго запретные для любой авиации – и в конце концов был сбит?

Гибель нескольких сот человек – несомненная трагедия. Даже если они вовлечены в чью-то провокацию. Тем более что сами они об этой провокации явно не знали. Хотя преступный замысел в деле присутствовал: как выяснилось довольно скоро, одновременно и рядом с пассажирским рейсовым южнокорейским самолётом тем же маршрутом следовал однотипный американский самолёт, начинённый средствами радиоэлектронной разведки.

Но для Советского Союза куда большей по своим последствиям трагедией оказалась неготовность тогдашнего руководства отвечать за свои действия.

Международное право было вполне на нашей стороне. Запретная зона объявлена за много лет до события и отражена в навигационных картах всего мира. Необходимые формальности вроде предупредительного огня перед носом самолёта исполнены и зафиксированы. Словом, как ни страшно говорить такое о мёртвых, нашей вины в их смерти не было.

В таких обстоятельствах не только можно, но и – во избежание повторения подобных трагедий – нужно чётко и во всеуслышание объявить: нарушитель границы уничтожен согласно международным нормам и обычаям, и так будет с каждым, кто попытается проникнуть к нам в условиях, позволяющих предположить у него преступные намерения.

Вместо этого первые же сообщения были расплывчаты и вялы. Практически ничего не говорилось ни о международном праве вообще, ни о конкретных обстоятельствах, дающих право на применение оружия. Да и судьба сбитого самолёта описывалась эвфемизмом “ушёл со снижением в сторону моря”, хотя в его уничтожении с самого начала не было ни малейших сомнений.

Вялость политиков поставила страну в положение оправдывающейся – а значит, обвиняемой. А уж обвинители найдутся всегда и по любому поводу. Вдобавок не только армия, но и все граждане увидели, что исполнение долга становится опаснее преступной пассивности.

К числу жертв отказа советских руководителей от чётко выраженной позиции можно, как ни странно, причислить и тысячи погибших через восемнадцать лет – 11-го сентября 2001-го. Если бы законное право уничтожения любых нарушителей правил воздушного движения не было заменено разглагольствованиями о чрезмерном применении силы, арабские террористы скорее всего даже не стали бы пытаться захватить пассажирские самолёты: что толку пытаться таранить небоскрёбы или казённые здания, если любой лайнер, сошедший со штатной трассы, был бы взорван задолго до подхода к городу!

Гибель Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке стала историческим оправданием нашего удара по пассажирскому лайнеру на Дальнем Востоке. Жаль только, для Советского Союза это оправдание оказалось посмертным.

Конечно, выбор, предоставленный нам организаторами провокационного полёта, был невелик. Либо совершить деяние, хотя и законное, но жестокое, либо отказаться от защиты интересов страны. Но линия поведения, избранная тогдашней властью, гармонично сочетала все недостатки обоих вариантов. Не зря говорят, что мы из двух зол всегда выбираем оба.

К сожалению, мы долгое время наступали на одни и те же грабли. То и дело, пытаясь оправдать свои совершенно законные действия, наша власть оформляла их сомнительным – а порою и явно незаконным – образом.

Вы помните, как шла своего рода маскировочная игра с Грузией. Эта страна достаточно откровенно ущемляла российские интересы, создавала угрозу свободе и жизни сотен тысяч российских граждан.

Международное право предоставляет нам обширный спектр возможностей ответного давления на зарывающихся руководителей. Мы же из всего этого многообразия долгое время выбирали единственный способ – ограничение торговли, в том числе на поставку алкоголя – и пытались замаскировать его под санитарный контроль.

Подобные несообразности привели к тому, что в глазах российского и мирового общественного мнения именно Грузия стала выглядеть жертвой свирепой российской

власти. И когда, наконец, после очередной грузинской провокации – с приписыванием российским военнослужащим вины в событиях, случившихся в Грузии задолго до их прибытия туда – Россия наконец расширила набор способов давления на зарвавшихся политиков, слишком многие изначально всё равно восприняли её не как законно обороняющуюся сторону, а как наглого агрессора.

Между тем, если бы наша политическая позиция в данных конфликтах была с самого начала чётко обозначена и с самого же начала выражена однозначная готовность защищать эту позицию всеми средствами, дозволенными обычаем мирового сообщества, отношение к России было бы качественно иным. Конечно, тех, кому наше самостоятельное существование невыгодно, никакие наши шаги не убедят смириться с российской политикой.

Но мировое общественное мнение, по счастью, пока определяют не корыстные экстремисты. Если бы мы сами часто не затуманивали мотивы своих поступков, весь мир, скорее всего, отнёсся бы к ним с пониманием.

Политика – искусство возможного. Наша политика до недавнего времени была искусством упущенного возможного. Давно пора чётко определиться, чтобы ничего не упускать. В частности, перестать стесняться общепринятых, законных и необходимых действий.

Душа народа

Немного о живом наследии союзной нам Белоруссии. Её народ сохранил богатую этническую традицию. Этому можно только позавидовать!

Например, как и сотни лет назад, белорусы несколько раз в год особо торжественно отмечают дни поминовения предков. Обычай, по всей видимости, восходит ко временам еще Великого Княжества Литовского, раннему Средневековью.

О нём же писал ещё в двадцатых годах девятнадцатого века знаменитый польский поэт Адам Мицкевич, оставив нам свидетельством свою поэму «Дзяды».

В прозаическом вступлении к поэме автор объясняет, что Дзяды – это древний народный обряд в честь усопших, в основе которого лежит культ предков балтов и славян:

«Борясь с остатками языческих верований, церковь старалась искоренить этот обычай, и потому народ справлял «Дзяды» тайно, в часовнях или пустующих домах близ кладбищ, где люди ставили ночью угощение, призывали неприкаянные души и пытались помочь им обрести вечный покой».

Тем не менее белорусские «Дзяды» (то есть русские Деды [4 - Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Деды / Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. – М.: Международные отношения, РАН Институт славяноведения, 1999. – С. 43–45.]) связаны именно с дохристианским общим славянским или балто-славянским обычаем чествования тех, кто ушёл на Тот Свет. И ни о каком Каине тогда даже не подозревали.

В определённые дни годового цикла, согласно древней традиции, прашуры возвращаются, поглядеть на потомков и надоумить их в трудной жизненной ситуации, если необходимо. Деды как бы и после своего ухода продолжают следить за живущими на Свете Белом.

Осенние, то есть Дмитровские, Дзяды – официальный государственный праздник в

республике Беларусь, выходной. Он приходится на первые дни ноября.

Как пишет в ряде своих книг белорусский исследователь родного обычая Геннадий Эдуардович Адамович, поминальные праздники Деды – это ещё и своеобразный народный «рецепт» профилактики вредоносного психологического влияния, накопленного в повседневной суете. [5 - Адамович Г.Э. Поминование предков. Славянский ритуал. – Мн.: 2008. – 127 с.]

Осенние Деды, – сообщает тот же автор, – праздновались дома, семьёй, и проходили без слёз. От всех членов семьи требовалось обязательное присутствие в родном доме. Те, кто находился в отъезде, спешили обязательно вернуться. К празднованию активно готовились, тщательнее даже, чем к приходу живых гостей. Мужчины наводили порядок во дворе, женщины – в домах. Всё старательно чистили, мыли, затачивали и ремонтировали рабочий инструмент, протирали портретные рамки, а верующие – иконы. Делали всё это с той целью, чтобы душам, которые явятся на ужин, ничто не помешало, а также чтобы показать предкам, сколь хорошо поддерживается порядок в хозяйстве, которое перешло от них по наследству. Перед ужином люди парились в баньке и, когда уже все помылись, ставили на полку и для Дедов ведро чистой воды и свежий веник. Затем одевались по-праздничному, а хозяйки стелили на столы белоснежные скатерти...

Так в Белоруссии происходит и по сей день!

... Торжество начинается чаще всего в сумеречное время, когда надо уже зажигать свет. Перед тем как сесть за стол, открывают все двери и окна, чтобы незримые прашуры могли свободно войти. Запаляются свечи. От каждого из блюд, что есть на столах, откладывают всего понемногу в отдельную посуду, в том числе и кутью. Но вы не хуже меня, татарина, знаете, что это такое.

Туда же кладут ложку. Эту особую посуду ставят на подоконник. Дедам наливают в отдельную чарку, как правило, тот же крепкий хмельной напиток, что пьют и остальные. Хозяин дома или старший на таком семейном собрании восклицает: «Святые деды, идите к нам ужинать! Идите сами, и ведите с собой тех, кому не к кому идти! Есть здесь всё, что бог дал, чем хата богата. Просим вас: летите к нам!». Затем хозяин дома поднимает чару и желает всем, кто за столом, дожить до следующих «Дедов». Начинается трапеза, по ходу которой, зачерпнув еду из миски, принято класть ложку или вилку на стол, чтобы в короткий перерыв ими могли воспользоваться невидимые Деды. Ложку при этом необходимо было класть выемкой не вниз, а вверх, иначе покойники перевернутся в могилах лицом вниз.

По ходу торжества каждый из присутствующих должен обязательно попробовать все блюда, чтобы не обидеть незримых гостей. Разговоры ведутся исключительно о них – о родичах. Пьют при этом не вразнобой, а по знаку хозяина дома чётко отмеренное число раз, три или пять.

По окончании он же говорит, обращаясь к незримым неземным гостям:

«Святые Деды! Поели и попили, к себе летите, нас долго ждите!».

Поминальный стол не убирают, как правило, оставляют до утра еду и посуду, а также приборы, чтобы души предков, которые придут ночью, могли воспользоваться приглашением. В прежние времена, а ныне и по деревням, часть еды выносят во двор птицам, несут на реку и в поле, так сказать, природным духам.

Раньше в каждой белорусской хате, сообщает Г.Э. Адамович, на балке в углу можно было увидеть длинный вырезанный на дереве перечень имён с датами рождения и смерти. Эту семейную хронику заполняли раз в году на Осенние Деды. Вписывали, кто за год

родился, и кто, напротив, ушёл. На следующий день белорусы отправляются целыми семьями в гости к другим своим родичам, по жене или по мужу, если те отмечали праздник отдельно. Собственно праздник традиционно и отмечается либо в родительский день – субботу, либо в пятницу.

Так что у белорусов, благодаря взвешенной внутригосударственной политике, находится время для того, чтобы укрепить семейные и родственные узы. И это особенно ценно в наш суматошный век, когда общение сводится к телеграфному стилю смс-ок, или, в лучшем случае, телефонному звонку.

Так на основе исконной, этнической традиции в союзном государстве воспитывается уважение к предкам, памяти старшего поколения, и, самое главное, к институту семьи.

Нашей стране, удерживающей одно из призовых мест в мире – первых, по числу разводов, не мешало бы кое-чему поучиться у братьев белорусов.

К основаниям теории Дарвина

Более ста пятидесяти лет назад Дарвин впервые опубликовал конспект своей эволюционной теории под названием «Происхождение видов путём естественного отбора».

Дарвин, несомненно, гений, и о нём ещё будет сказано в нашей книге. Но хотел бы отметить, что ни один гений не состоялся бы в полной мере без опоры на благоприятную общественную среду.

Начнём хотя бы с того, что в 1835-м году, во время кругосветного плавания на судне «Бигль», Дарвин побывал на Галапагосах. По результатам он сделал выкладки в части родословной птиц, ныне связываемой с его именем. И допустил ошибку! Простительную для столь юного возраста ошибку в систематизации. В то время Дарвин был ещё самоучкой, энтузиастом, увлечённым молодым человеком без фундаментального образования. И совершенно не удивительно, что будущих знаменитых дарвиновских выюров он разделил на две группы, обозначив одну из них по форме клюва «дубоносами».

Домой Дарвин вернулся с многочисленными чучелами, в том числе и птиц, и отдал их для создания рисунков с оригинала местному художнику и страстному орнитологу Джону Гоулду. Когда художник внимательно рассмотрел все образцы, то пришел к выводу, что всё это один и тот же биологический вид, то есть одни и те же выюрки, но имеющие большие внешние отличия друг от друга. Именно Гоулд натолкнул Дарвина на мысль, что в ряду поколений этих птиц менялась форма клювов, по мере того как они приспособлялись к разного типа кормам на разных Галапагосских островах. Одни острова были посушливей, другие – влажные. Разные семена, разные насекомые, вот и клювы разные...

И вот это осмысление вариаций выюров через двадцать лет после увиденного стало одним из оснований теории естественного отбора, согласно которой происходило закрепление признаков, способствующих выживанию, у последующих поколений живых существ. Сам Дарвин в книге «Путешествие натуралиста вокруг Света на корабле «Бигль»» написал, что этот неоценимый опыт был первым настоящим обучением и просвещением его ума.

Во время своего путешествия Дарвин с увлечением читал к тому времени уже

вышедший первый том обширного труда «Основы Геологии» английского естествоиспытателя Чарльза Лайеля. Из этой книги он почерпнул идею униформизма: процессы изменения ландшафта идут последовательно и закономерно ныне, как и миллионы и сотни миллионов лет назад. Между тем как в науке тогда господствовала «теория катастроф», согласно которой формирование ландшафта было результатом сверхъестественных явлений.

Поняв, что геологический ландшафт меняется по естественным причинам эволюционным путём, Дарвин воспринял эту идею и решил, что то же самое должно относиться и к биологическим организмам, один вид должен порождать с течением времени – другой.

Очень высоким авторитетом для Дарвина был известный английский учёный, его современник, Джон Гершель. Изучая трактат по естественной философии Гершеля, Дарвин впервые решил повернуть всю свою жизнь в сторону науки и служить ей верой и правдой. В тридцатых годах девятнадцатого века Гершель говорил о происхождении видов как о величайшей тайне природы. Дарвин поместил его слова в самом первом абзаце книги, а затем, используя эту установку авторитета, посвятил всю книгу разгадке этой величайшей тайны.

Сам Гершель холодно, и это мягко сказано, отозвался о работе Дарвина, поскольку по его мнению Дарвин не выявил причин, по которым происходит эволюция. Правда, он согласился с самими закономерностями, что вывел Дарвин, а до недостающего звена – генетики, увы, было далеко...

В поисках движущей силы эволюции Дарвин по аналогии обратился к теории Томаса Роберта Мальтуса, английского демографа и экономиста, по совместительству – священника. В книге «Опыт о законе народонаселения», увидевшей свет на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков, этот учёный пришёл к таким выводам:

Первое. «Из-за биологической способности человека к продолжению рода его физические способности используются для увеличения своих продовольственных ресурсов».

Второе. «Народонаселение строго ограничено средствами существования».

И третье. «Рост народонаселения может быть остановлен лишь встречными причинами, которые сводятся к нравственному воздержанию или несчастьям типа катастроф и войн».

Мальтус также пришёл к выводу, что народонаселение растёт в геометрической прогрессии, а средства существования – в арифметической.

Согласившись с выводами соотечественника в части общества людей, Дарвин видел, что мир природы бессознателен и нравственному воздержанию не подвержен.

Дарвин неизменно посещал сельскохозяйственные выставки и видел также успехи селекции, животноводства и растениеводства. Он имел перед глазами богатый статистический материал противоестественного человеческого вмешательства в «замыслы Творца».

Стало быть, до появления человека движущей силой эволюции являлся естественный отбор, выживал и давал здоровое потомство вид, наиболее приспособленный к меняющимся условиям в среде обитания. Этот же естественный отбор пресекал на древе жизни ветви, где благоприятные качества виду не привились

Древо эволюции Дарвина, как научная теория, выросло не в пустыне! В Англии создалась весьма благоприятная среда для того, чтобы такие люди, как Дарвин, могли прорасти идеями. Это и академическая наука, пользовавшаяся в обществе уважением. Это

и развитые методы исследования, а также многообразие всевозможных научных дисциплин. Это, наконец, сравнительно высокий и широкий уровень образования англичан.

Наверное, и мы в России ныне должны прирастать новыми идеями на почве не одной только юриспруденции.

Таков мой взгляд на вещи.

Эволюция на глазах

Речь у нас пойдёт... не о хоббитах, а о четвероногих питомцах человека, о собаках. Вот уже не менее шестидесяти тысяч лет, как в человеческое сообщество стали принимать собак, способных к обучению и полезных при защите хозяйского имущества...

В семидесятом году я учился в летней школе Сибирского отделения Академии Наук, а затем и в физико-математической школе-интернате. Это были одни из самых счастливых дней в моей жизни.

Фантастический советский проект, реализованный с целью создать для людей науки условия максимальной продуктивности мышления. Настоящий оазис мысли.

В числе многих диковин, с которыми я, десятиклассник, столкнулся там, часть относилась к ведению Института цитологии и генетики. После ужасающего разгрома советской генетики при товарище Лысенко этот институт сделал немало для ликвидации нашего отставания от генетики Запада.

Меня поразила тогда гигантская пирамида из клеток, в которых находились какие-то тварюющие существа, как потом оказалось – это серебристо-чёрные лисицы. Я наблюдал момент из эксперимента новосибирского генетика Дмитрия Беляева по моделированию процесса отбора в ходе одомашнивания.

Лисы – звери дикие. У советских учёных и прежде был опыт по их разведению в клетках. Но животные оставались злобными, не имеющими никакой предрасположенности к общению с человеком. В институте стали проводить эксперимент по тщательному отбору. В каждой появляющейся выводке стали выделять щенков, имеющих малейшие признаки лояльности к человеку. И через несколько поколений они действительно получили популяцию лисиц вполне дружелюбных.

У этой группы животных стали выявляться удивительные внешние признаки, отличавшие её от контрольной группы неодомашненных диких лисиц. Стала меняться «морфология», выражаясь научным языком, или, как выражаются собаководы – экстерьер. Появились белые пятна на груди, стали закручиваться хвосты и обвисать уши. Причём появилась способность к размножению, как у собак, по несколько раз в год. В то время, как у диких лисиц это подчинено строгой годовой цикличности. Это говорило уже о глубокой гормональной перестройке организма.

В контрольной группе лисиц, разумеется, ничего подобного не наблюдалось.

Этот эксперимент очень серьёзно продвинул наши представления о возникновении домашних животных.

Наблюдения учёных показывают, что верен и обратный процесс – одичания. Собаки очень легко возвращаются в дикое состояние на природе, предоставленные сами себе. Их поведение становится волкоподобным. В собачьих стаях практически те же методы организации охоты на дичь, что и в волчьих. Такая же слаженность, такая же

подчинённость доминирующему вожаку.

Интереснейший момент в прояснении биографии домашней собаки содержится в работах малоиздаваемого у нас австрийского учёного Конрада Захариаса Лоренца, лауреата нобелевской премии в области физиологии и медицины. Он основоположник этологии – науки о поведении животных.

В пятидесятых годах выходит его, ставшая популярной, книга «Человек находит друга», она несколько раз переиздавалась в России.

Лоренц объясняет некоторые вещи, которые непонятны были прежде селекционерам, стремящимся вывести новые породы, скрестив волка и шакала, волка и собаку, в надежде получить особь, обладающую качествами того и другого родителя. Преданность и подчинённость собаки хозяину, согласно Лоренцу, возникают по двум фундаментальным причинам. Первая – как волки, так и дикие собаки, и собаки вообще беспрекословно подчиняются вожаку стаи. Таковым в семье людей – стае с точки зрения собаки – является в большинстве случаев мужчина-хозяин. Не случайны нападения собак на других членов семьи, ведь они не являются вожаками, то есть их поведение может входить в противоречие с собачьим законом, как это не вожак смеет его управлять.

А вторая причина – собака, как и большинство домашних животных, сохраняет на всю жизнь черты инфантильности. У волчат по мере взросления самые нежные чувства к родителям проходят, улетучиваются. У собак же эта черта трансформируется в сыновью любовь к хозяину на всю жизнь.

«Определённая степень непреходящей инфантильности необходима, чтобы собака питала к своему хозяину любовь и преданность, но её избыток заставляет собаку так же покорно обожать всех людей без разбора. Поэтому лишь относительно немногие собаки будут действительно защищать своего хозяина от*сensored*гана: хотя они вовсе не остаются равнодушными к тому, что на хозяина кто-то напал, однако человек вообще внушает им благоговейное почтение, и они, из-за своего инфантилизма, не в состоянии причинить ему вред», – пишет учёный.

Любопытны опыты итальянского биолога Луиджи Бойтани. Он изучал волков, кормящихся на свалках Италии на протяжении всего года по ночам, когда люди спали. Свалки служат издревле важным источником пищи для диких животных. Учёный обратил внимание на то, что при появлении человека особи отбегают от источника корма на разные расстояния. На признаке критической дистанции при бегстве от опасности основывается гипотеза Бойтани самоодомашнивания предков современных собак путём естественного отбора. Именно в последние годы учёные пришли к выводу, что собака как биологический вид обособилась от волка задолго до начала процесса одомашнивания.

Волко-собачья стая как бы начала разделяться на две части, точно молоко на фракции, – одни особи были способными питаться на свалках близ человеческого жилья, другие – нет. Одни все ближе и ближе приближались к человеческому жилью, другие никогда не переходили «волчьей черты оседлости». В первой группе возросла частота генов, обуславливавших меньшую пугливость по отношению к человеку. Как раз представители этой группы эволюционировали в новый вид сожителей человека.

Эволюция мира и его представителей продолжается у нас на глазах. Мы с вами тоже эволюционируем. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Кошки – это кошки!

Сейчас немного о домашних кошках, хотя говорить о них можно бесконечно.

Сам термин “домашняя” крайне условный, поскольку от этого зверя нельзя ожидать поведения, свойственного другим четвероногим спутникам человека. Кошка единственная может оставаться безоговорочно свободной от самозванного царя природы. Это настоящая личность среди братьев меньших. Кошка не слуга, у нее, так сказать, мелкобуржуазная сущность, более сложное поведение, чем у стайной собаки, обусловленное – разумеется – особенностями организма.

Ряд зоологов считает, что кошки различают четыре цвета – белый, зелёный, синий и чёрный. И, например, в отличие от собаки, кошка, пусть и в ином цветовом спектре, видит то же самое телевизионное изображение, что и вы. Она способна по-своему переживать увиденное на экране. Есть коты, которые с удовольствием смотрят футбольные матчи, а есть и заядлые меломаны.

Кошки слышат звуки в широком диапазоне до шестидесяти тысяч герц, а у большинства людей предел слышимости всего двадцать тысяч. Кошкамать общается с котятами на тех же частотах, что и мыши – в ультразвуковом диапазоне. Люди воспринимают все звуки сразу, а кошачьи различают, откуда именно идёт каждый звук, могут различать человека по шагам, безошибочно отличить шум вашей машины от звука чужой. Они весьма тонко ощущают вибрацию всем телом и в случае опасности, скажем землетрясения, загодя покидают помещение.

Человек видит, слышит и воспринимает запахи гораздо хуже любой кошки, и только вкусовые ощущения у людей более тонкие. Но домашний любимец, что бы ни говорили, различает горькое и кислое, солёное и сладкое. И уже по запаху пищи кошка способна узнать о ней всё.

Некоторые природные особенности кошачьих, как, например, более высокая температура тела, в сравнении с человеком, дают нам возможность изредка оказывать им своё покровительство, получая взамен то, что и мы хотим от них сейчас – комфорт и ласку.

Учёные полагают, что этот зверь был, в кавычках, «приручен» гораздо позднее, чем собака и лошадь. Лишь несколько лет назад археологи, работавшие на Кипре, обнаружили там древнее захоронение середины восьмого тысячелетия до новой эры, где рядом с останками взрослого человека была погребена и девятимесячная кошка.

По новым генетическим исследованиям всех кошек сейчас выводят от общего окультуренного предка, жившего в Палестине девять тысяч лет назад. Здесь якобы впервые придумали зернохранилища, в которых быстро завелась домовая мышь, а за ней стала охотиться степная кошка. Если верить этой модной, но весьма сомнительной концепции, то не вполне понятно, почему путь кошки из Палестины в Египет занял ещё несколько тысячелетий.

Так или иначе кошка вошла в жилище человека как потенциальный защитник урожая зерновых. Тем самым она спасала жизнь человеческому роду.

Ежи, хорьки, змеи не выдерживали конкуренции, хотя также применялись для борьбы с мышами. Но вероятно, в результате своей неэстетичности и негибкости поведения, они не прижились в доме человека. Впрочем, последних домашних ужей – по сообщению польско-литвинского средневекового автора Яна Длугоша – истребляли целенаправленно, как пережиток языческого культа, ещё во второй половине XV века.

Немудрено, что в Средиземноморье развернулась настоящая контрабанда мяукающим товаром. Греки воровали одомашненных зверьков из Египта, где кошку обожествляли.

Египтяне пытались вернуть мышеловов. Но тщетно, кошка уже победно шествовала по Европе. Басня Эзопа “Кошка и летучая мышь” относится к середине шестого века до новой эры.

Конечно, заслуги жителей Ближнего Востока в одомашнивании кошки бесспорны, но не исключительны. Неужели никому на свете, кроме них, не могло прийти в голову – воспитать дикого котёнка! Да и степная кошка – не исключение на просторах материка, где севернее водится дикий лесной кот.

В седьмом веке до нашей эры кошка прибыла по морю в греческие колонии Причерноморья, а оттуда уже попала к скифам-земледельцам. Приблизительно в это же время уже из Индии её независимо завезли в Урарту. Упоминание о кошке мы находим у индусов в “Махабхарате” и в баснях “Панчатантры”.

В Британию кошек доставили финикийцы в четвёртом веке до новой эры. Сомнительно, что охотница на мышей попала к германцам исключительно благодаря обозам римских легионеров.

Кошка являлась всюду и по-разному, и логично предположить, что в древности было несколько очагов одомашнивания кошачьих. Например, происхождение домашней кошки в Америке вообще окутано тайной, но уже в первом тысячелетии до новой эры индейцы Перу держали её у себя. Думаю, что она попала в Южную Америку вовсе не из Палестины или Египта.

Одичавшие кошки британских поселенцев в Австралии навели переполох в животном мире пятого континента, но прочно утвердились и там. Антарктида – единственный материк, где кошачьим делать нечего. Хотя иная одомашненная кошка способна выдержать температуру до минус сорока градусов по Цельсию.

В Средние века “охота на ведьм” стоила жизни десяткам тысяч пушистых созданий. Ночной образ жизни и фосфоресцирующие глаза, боевые крики, а также поразительная живучесть – все это указывало на присутствие в кошках сатанинских сил. Кошку, словно “исчадие ада” обвиняли в эпидемиях, болезнях, природных бедствиях и убивали всевозможными изуверскими методами. Эти гонения приводили к росту крысиного войска, антисанитарии и... чуме.

И до сих пор в наших городах не уяснили, что в подвалах домов и на пустырях, во дворах и подземных коммуникациях ежедневно и еженощно идёт страшная борьба между двумя силами, двумя непримиримыми врагами – крысами и кошками. А вот Прага, та веками стонет от крысиного засилья, одно время специально и массово ввозила кошек в страну. Это единственное экологически чистое оружие людей в борьбе с грызунами!

Но наши деятельные московские коммунальные службы заделывают вентиляционные отверстия в подвалах, замуровывают дворовых кошек заживо, хорошо ещё не травят ядами.

Воистину, дураков история ничему не учит!

Далеко-далеко на лугу пасутся ко...

Мой покойный отец был очень любознательным человеком и обладал познаниями в самых разных областях и науках. Он был хорошим физиком и фанатичным сторонником научного прогресса, но тем не менее при всём своём преклонении перед достижениями

изобретательской мысли, я не раз слышал от него восклицание:

– Корова, вот чудо из чудес! Ни одно чудо света с этим не сравнится. На входе – трава и сено, а на выходе – продукт, который позволяет людям выжить.

И сегодня я хотел бы подбросить вам интересные факты о нашем союзнике, не побоюсь этого слова, поскольку появление коровы рядом с человеком позволило ему фактически завоевать мир.

Наверное, преклонение индусов перед этим источником жизни, подателем молока, привело к запрету на употребление в пищу говядины. Как можно резать то, что даёт самую жизнь?!

Любое молоко по сути заменяет кровь, питающую детёныша млекопитающего в теле матери до его появления на свет. И действительно, по составу оно очень напоминает кровь. Бывало, и волки выкармливали человеческих детёнышей. В зависимости от вида млекопитающего, его качество разнится. Хотя в любом молоке всегда изначально содержатся и жиры, и углеводы, и протеин, и минеральные вещества. Козье молоко вдвое жирнее коровьего, а оленьё – в пять раз!

Но ни одно из стадных животных, как свидетельствует история – ни овца, ни коза, ни верблюд, ни буйвол, ни лошадь – на единицу стада не дают такого количества этой живительной жидкости, способной удовлетворить растущие потребности человека и его семьи, как корова.

Словом, можно ли убивать курицу, которая несёт золотые яйца?! Запрет на убийство молочных коров есть уже в текстах «Ригведы», древнейшего ведического первоисточника. Гхи – так называется топлёное масло из коровьего молока, которое издревле используется в Индии при проведении религиозных ритуалов.

Кстати, мой друг, известный в мире фармацевт, доктор Лалит Чокани рассказывал комическую историю о том, как при пересечении им границы наши таможенники обратили внимание на большое количество бутылок в его багаже. А вёз он по просьбе одного из своих московских клиентов натуральное народное индийское лекарство. Когда таможенники стали выяснять состав, Чокани открыл бутылку и дал понюхать, раскрыв при этом секрет, не являющийся секретом, впрочем, ни для одного из индусов. Это была коровья урина.

Да-да, в Индии можно купить разлитую в бутылки мочу коров. Её не только пьют, но и втирают в кожу, купают в ней детей.

Между прочим, не в одной Индии статус коров священен. Так до середины девятнадцатого века и японцы не знали вкуса говядины. А ныне в Токио стоит памятник бурёнке. Он воздвигнут на том месте, где почти сто пятьдесят лет назад была забита на мясо первая корова. Как вы знаете, есть монументы лягушке и собаке, мученицам науки. А этот вот – жертвам человеческой прожорливости.

Очень много можно говорить об этом удивительном существе, я приведу только некоторые, неожиданные и для меня самого сведения.

Например, не всюду к корове относятся с пиететом. Жители Южной Америки загоняют стадо в речную воду перед тем, как ловить электрического угря. Этот обитатель Амазонки «вырабатывает», в кавычках, ток с напряжением более 500 вольт. Угри разряжаются на коровах и становятся безопасны для ловцов.

Любопытно, но факт, что коровы весьма чувствительны на отношение к ним людей и восприимчивы к тому, что им говорят. Где с животными обращаются грубо, создают нервную обстановку, там и надой меньше. Напротив, у ласковых хозяев, если они перед

доением пообщаются с животным по-человечески, проблем с надоями не бывает. Так что психическое состояние животного – это проблема не только самих крестьян и фермеров, но даже исследовательских институтов. И вряд ли в таком разрезе слишком фантастической и нелепой выглядит идея о значимости клички коровы. С безымянным домашним животным и пообщаться-то трудно.

Кстати, на один литр коровьего молока в среднем приходится более ста граммов твёрдых веществ, поэтому-то его и необходимо разбавить, прежде чем давать новорождённому вместо молока материнского.

Но не бывает ни одного плюса без минуса. Коровы позволили человеку освоить мир, но они же способны и погубить всё человечество. А всё дело в специфике их мощного пищеварительного тракта.

Корова – это ходячий химический реактор. Диаметр тонкой кишки у взрослой коровы четыре с половиной сантиметра, а длина же достигает сорока шести метров – клетчатка, при переваривании, даёт на выходе не менее шестидесяти килограммов метана.

А от него, как вы уже, наверное, знаете, парниковый эффект в двадцать раз сильнее, чем даёт обычный углекислый газ.

Помножив это число на количество коров, обитающих на земле, которых уже полтора миллиарда, можно представить, какую угрозу несут эти животные атмосфере Земли. В среднем вклад коров в выброс парниковых газов составляет восемнадцать процентов. А, скажем, в Аргентине, доходит до тридцати процентов. В стране, традиционно специализирующейся на выращивании крупного рогатого скота, пятьдесят пять миллионов бурёнок, и каждая выделяет ежедневно не менее пятисот литров метана.

Всё это, может быть, и комично звучит. Но вот в Эстонии для всех владельцев коров ввели метановый налог. С хозяев, имеющих пятьдесят восемь тысяч коров, это маленькое государство ежегодно получает в казну до полумиллиона долларов.

Хотя, конечно, такие налоги как раз и должны вводить страны Латинской Америки, потому как там самое высокое в мире поголовье коров, и самый высокий выброс метана происходит за их счёт.

Теперь все надежды на современную науку, которая должна подобрать такой рацион для коров, чтобы хотя бы сократить эти вредные выхлопы.

На этой оптимистической ноте мы и завершим этот монолог.

Особенности брака творческих людей

Говорят, счастлив тот мужчина, чья жена восхищается им. По истории известно: мужчины, которых мы знаем как талантливых или гениальных, обязаны своим жёнам эмоциональной поддержкой.

И вообще без женщин наша уверенность в себе – подчас главная причина успеха – сходилась бы «на нет», лишала бы нас будущего.

Сложность, правда, в том, что у мужчин и женщин разные типы мышления, и женщина скорее может почувствовать успешность действий и устремлений мужчины, чем рассудочно оценить его успех.

Помните Чарльза Роберта Дарвина?! Остановлюсь в этот раз лишь на одном, но весьма примечательном факте из его биографии. Двадцати двух лет от роду он устроился на корабль «Бигл» и совершил шестилетнее кругосветное путешествие. Молодой натуралист

собрал богатый материал для последующих научных изысканий и размышлений. А через три года по возвращении Дарвин женился, у них с женой Эммой было десять детей. Супруги прожили вместе чуть меньше полувека.

В 1844 году Дарвин завершил рукопись, где впервые изложил свою знаменитую теорию.

«Чем больше мы познаем твёрдые законы природы, тем всё более невероятными становятся для нас чудеса, на которые опирается христианская вера», – писал Дарвин. Изучение природы сделало Дарвина, получившего богословское образование, человеком неверующим.

А его жена Эмма, напротив, была глубоко верующей. И вот Эмма Дарвин в письме напрямую задала мужу вопрос: «Твои исследования не имеют ничего общего с религией, не правда ли?»

А Дарвин, почувствовав, что его научные результаты расходятся с нравственными принципами жены, решил не публиковать при её жизни свои революционные выкладки. В порыве он составил завещание: «Я закончил труд о происхождении видов. Когда мир поймёт мои теории, наука сделает огромный шаг вперёд». Дарвин просил жену после его смерти передать книгу издателю для публикации... Считать, что он умрёт первым, у Дарвина были все основания, он часто и тяжело болел, а Эмма, приняв жертву супруга, целиком посвятила себя ему и семье.

«Она была моим величайшим счастьем! Я могу заявить, что за всю мою жизнь я никогда не слышал, чтобы она произнесла хотя бы одно слово, которое я предпочёл бы не говорить... Она была моим мудрым советником и весёлым утешителем всю жизнь, которая без неё была бы очень долго несчастна из-за плохого здоровья. Она заслужила любовь и восхищение всякой живой души, которая к ней прикасалась», – писал Дарвин о жене на закате дней.

К своей научной рукописи Дарвин всё-таки вернулся, но лишь двенадцать лет спустя, а книга «Происхождение видов путём естественного отбора» увидела свет лишь в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году. То есть через пятнадцать лет, после идейной разработки.

Как истый учёный Чарлз Роберт Дарвин не смог погрешить против науки и Истины, но он слишком любил свою жену, чтобы сказать ей прямо «мужчина во всём, за что берётся, достигает совершенства, недостижимого для женщины...».

Женщины вдохновляют нас на великие дела, но вечно мешают нам их творить, – пошутил мастер парадоксов Оскар Уайльд. Тем не менее Дарвин сделал научный вывод даже из собственного брака и семейности. Дело в том, что Эмма приходилась учёному не только женой, но и кузиной. Многие его дети были болезненны, а трое умерли в детском возрасте. Дарвин опасался, что причина этого в их родственной близости с женой. Это отражено в его работах по болезненности потомков от близкородственного скрещивания и преимуществах далёких скрещиваний.

Но сам Дарвин, дорожа спокойствием супруги, прожил в единственном браке более тридцати пяти лет и сравнительно счастливо. Он умер на семьдесят третьем году жизни.

Противоположный пример являет собой американский писатель Джек Лондон. Он был несколько раз женат, а к жене у писателя было всего лишь два требования. Она должна была родить сына и терпеливо относиться ко всем его авантюрам, включая пьянство и частые прогулки налево. Писатель именовал себя не иначе, как «бешеный любовник самого Господа Бога»...

Проявляя сумасшедший темперамент, он получил кличку «Жеребец», а за

неразборчивость в связях слыл сексуальным анархистом. Первая серьёзная любовь Джека Лондона перегорела в несколько лет, поскольку он безрезультатно пытался поднять свой социальный статус на более высокий уровень, а родители предполагаемой невесты из-за этого не давали согласия на брак.

Тогда он женился на подруге своей несостоявшейся пассии. Но брак был недолговечен, поскольку супругов не связывало ничего, кроме постели и двух дочерей.

Зато последняя жена писателя – Чармиан Лондон – вела себя по-мужски, была столь же страстной путешественницей, как муж, фехтовала, боксировала... А Джек называл её «товарищ» и утратил к ней всяческий интерес, едва та родила снова девочку. Младенец умер на третьи сутки.

Жизнь Джека и Чармиан Лондон, не в пример викторианской чете Дарвин, превратилась в сущий ад. Брак тоже оказался чисто номинальным. Писатель утешался на стороне и за стаканом, а жена следила за ним, изнывая от ревности и бессонницы, лишь бы не уступить своего мужа другой женщине.

Джек Лондон умер на сороковом году после того, как принял сильную дозу атропина и морфия. Его жена наконец-то смогла выпастись.

Трудно сказать, обязан ли писатель всем своим женщинам тем, что вышло из-под его пера. Но памятный пример столь же разгульного Достоевского убеждает нас: даже на особенного мужчину, бывает, находится такая женщина, встреча с которой – подарок небес.

Но, видимо, чтобы быть счастливым в жизни и творчестве, мужчина должен не упустить эту особенную, подчас – единственную, женщину в своей судьбе. Вовремя сделать шаг ей навстречу и вовремя отойти в сторону, чтобы не оказалось мучительно больно за напрасно прожитые годы.

Таков мой взгляд на проблему брака и творчества.

Роковая женщина

Роковые женщины! Это те, из-за кого мы порою теряем сон, покой и сами головы. А некоторые – потом – интерес к любым прочим женщинам, и даже к жизни вообще! Хуже, если среди потерь ещё честь и совесть. Но бывает, что, смущая душу и рассудок гения, роковая женщина словно бы водит его пером, как гибельная богиня судьбы и Муза в одном лице.

Если продолжать разговор на тему семьи и брака, на память мне приходит весьма неоднозначная в оценках современников жизнь Аполлинарии Сусловой, в коей черпали вдохновение и горести двое российских мыслителей. Первый – Фёдор Михайлович Достоевский. Свою роковую женщину он встретил в сорок лет при обстоятельствах, так запечатлённых в воспоминаниях дочери писателя:

“Полина приехала из русской провинции, где у неё были богатые родственники, посылавшие ей достаточно денег для того, чтобы удобно жить в Петербурге. (От себя отмечу, что отец Полины, фабрикант Прокофий Суслов был в молодости крепостным.)

Каждую осень она записывалась студенткой в университет, но никогда не занималась и не сдавала экзамены. Однако она усердно ходила на лекции, флиртowała со студентами, ходила к ним домой, мешая им работать, подстрекала их к выступлениям, заставляла подписывать протесты, принимала участие во всех политических манифестациях, шагала

во главе студентов, пела Марсельезу, ругала казаков и вела себя вызывающе...

Полина присутствовала на всех балах, всех литературных вечерах студенчества, танцевала с ними, аплодировала, разделяла все новые идеи, волновавшие молодёжь. Она вертелась вокруг Достоевского и всячески угождала ему. Достоевский не замечал этого. Тогда она написала ему письмо с объяснением в любви”.

Оно было простым, наивным и поэтичным. Казалось, что писала его робкая молодая девушка, ослеплённая гением великого писателя. Растроганный Достоевский, разумеется, попал в сети этой роковой женщины, прощая ей самые взбалмошные выходки, от требований развода с чахоточной женой до открытого шантажа покончить с собой или кем-то ещё. Всё бы походило на фарс, если бы не обернулось трагедией.

Сперва, чтобы, как говорится, вышибить клин клином, Достоевский сел за игорный стол, и его любовь на некоторое время, как сообщил сам писатель, отступила на второй план. Но это не помогло.

Затем, когда первая жена Достоевского отошла к богу, писатель тут же предложил Полине Сусловой руку и сердце. Но та заявила, что семья стеснит её свободу.

Нервные, бурные и мучительные отношения с роковой женщиной могли бы окончиться для Достоевского весьма плачевно. Он уже подумывал о путешествии в мир иной. Но его спасла Анна Сниткина, помощница и стенографистка писателя, восхищённая его гением. Несмотря на происки Полины, Анна сумела привести Достоевского в чувство и стала ему впоследствии верной женой.

Между тем сам Достоевский втайне продолжал страдать о своей Полине. Тому остались свидетельством такие его строки: “Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны... Но я люблю её ещё до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить её. Она не стоит такой любви. Мне жаль её, потому что, предвижу, она вечно будет несчастна. Она никогда не найдёт себе друга и счастье. Кто требует от другого всего, а сам избавляет себя от всех обязанностей, тот никогда не найдёт счастья”.

Литературоведы и биографы классика ищут, конечно же и находят, черты Аполлинарии Сусловой у ряда его персонажей, это и Настасья Филипповна из романа “Идиот”, и собственно Полина – из “Игрока”, Катерина – из “Братьев Карамазовых”.

В том, что роковая женщина не найдёт себе друга, это отчасти правда, смотря как понимать дружбу. Впрочем, и счастье у роковой женщины своё, отличное от тихого семейного.

Сорокалетняя Полина влюбила в себя студента третьего курса Московского Университета Василия Розанова, которому годилась в матери, разница в возрасте была аж в шестнадцать лет. Розанов знал, что его супруга некогда была любовницей самого Достоевского, но по молодости полагал её “самой замечательной из встреченных женщин”. Она действительно была великолепна по словам пленённого и покорённого ею Розанова.

Не понятно всё же, любил ли он её на самом деле, или, будучи почитателем Достоевского, мнил реальную Полину персонажем, ожидал от неё книжного поведения. Сознывая, что время для неё бежит быстрее, чем для ровесниц мужа, Сулова стала читать задним числом его личную переписку. И даже донесла на одного из адресатов, пасынка своей близкой подруги и студента Розанова – письмо содержало непозволительные выражения в адрес Александра Третьего. Молодого человека посадили.

Дважды она демонстративно бросала молодого мужа, издеваясь над его книгами и называя их бездарными, но возвращалась по его же просьбе. Конечно, писатель сам

выбрал себе ад и описывал его так в откровенном письме к Полине:

“Вы рядились в шёлковые платья и разбрасывали подарки на право и лево, чтобы создать себе репутацию богатой женщины, не понимая, что этой репутацией Вы гнули меня к земле. Все видели разницу наших возрастов, и всем Вы жаловались, что я подлый развратник. Что же могли они думать иное, кроме того, что я женился на деньгах? И мысль эту я нёс все семь лет нашего брака молча... Вы меня позорили ругательством и унижением, со всякими встречными и поперечными толковали, что я занят идиотским трудом...” И так далее.

Аполлинария ушла в третий раз. Целых двадцать лет из-за неё писатель не мог расторгнуть ставший ненавистным брак, хотя у него по факту была уже другая семья. По законам же Российской империи и церковной этики: и новая его женщина была грешна вдвойне, и незаконнорожденные дети существенно теряли во всём, не имея права на наследство и даже на фамилию родителя.

История, повторяю, не знает сослагательных наклонений. Поэтому никому не известно, убыло бы или прибыло в русской литературе и философии, если бы Полина Сулова, образно говоря, не присосалась бы к двум писателям.

Весьма дорогие пиявочки

Помните песенку на слова Юрия Энтина из телефильма «Буратино»:

Принимаются заявки
На лечебные пиявки
От бронхита, тонзиллита,
От печёнки, селезёнки,
От полипа и от гриппа
Помогут вот эти козявочки,
Мои дорогие, мои дорогие,
Весьма дорогие пиявочки.

Самым известным гирудотерапевтом России по праву, с лёгкой руки Алексея Николаевича Толстого, следует назвать первейшего помощника Карабаса Барабаса – доктора Дуремара.

Литератор Марк Минковский в работе «Персонажи настоящие и вымышленные» отмечает: «В тысяча восемьсот девяносто пятом году в Москве был невероятно популярен французский доктор Жак Булемард. Эта экзотическая личность служила источником для многочисленных анекдотов. Доктор являлся страстным поклонником и пропагандистом лечения пиявками и делал это самым комичным образом, демонстрируя лечебный эффект прямо на себе. Булемарда часто приглашали в салоны, но только затем, чтобы посмеяться и приятно провести время, наблюдая за потешным стариком. Причём доктор Жак сам ловил пиявок в болотах ближнего Подмосковья! Его нелепую фигуру, облачённую в длинный балахон (от комаров), можно было увидеть летом на болотах, где деревенская детвора, заведя коляску доктора, дразнила его Дуремаром, коверкая французскую фамилию».

На рубеже девятнадцатого и двадцатого веков ежегодный улов этих кровососов

составлял в одной России порядка ста миллионов штук. Экспорт живой продукции давал стране более шести миллионов рублей серебром. Выловом пиявок занимались специальные артели. И ловили «на живца». По водоёмам, где водились пиявки, артельщики бродили голышом, дожидаясь, пока кровососы не припадут к телу.

Такое истребление пиявок не могло не сказаться на их распространении в природе. Полезного кровососа теперь разводят на особых фермах.

Имя Дуремара очень схоже и с русским «дурью маяться». Но американцы в журнале «Time» справедливо отмечают: сейчас пиявки способны влить свежую кровь в жилы российской экономики. Словом, это валютный товар. Хотя *Hirudo medicinalis*, то есть медицинские пиявки, по большому счёту – пресноводные кольчатые черви.

Россия разводит их на порядок больше, чем весь прочий мир. Несколько миллионов штук в год.

Пятнадцать граммов крема из новорождённых личинок пиявки идёт у нас в стране в розницу до пятидесяти тысяч рублей. Что же говорить о Западе, где женщины куда больше обеспокоены своей внешностью и здоровьем!

Содержащиеся в пиявках вещества, из которых делают кремы, помогают улучшать циркуляцию кислорода, жиров и белков в коже.

А в ряде стран Европы деликатес – пиявка, откормленная на гусиной крови и поджаренная.

Растёт сейчас во всём мире популярность и собственно гирудотерапии. Метод лечения с применением пиявок очень стар. Он возник за полторы тысячи лет до новой эры в Египте. Плиний в «Энциклопедии естественных наук» уже в первом веке нашей эры говорил об их пользе «при ломоте и всякой лихорадке», а великий арабский ученый Авиценна в «Каноне врачебной науки» рекомендовал гирудотерапию для лечения туберкулёза, при сотрясениях мозга, истериях и эпилепсии.

Хирургам пиявки дают возможность предотвратить рубцевание, дантистам – остановить кровотечение дёсен. Используют даже в гинекологии.

Ротовое отверстие пиявки богато антикоагулянтом – веществом, снижающим свёртываемость крови. Это позволяет пиявке поглотить столько крови, сколько нужно для её собственного насыщения. Одновременно заметная часть антикоагулянта расходуется с кровотоком по соседним тканям, да и по всему организму. Это снимает многие расстройства: повышенная свёртываемость крови порождает куда больше сложностей, чем пониженная.

Антикоагулянты сейчас производят и искусственным путём и вводят в организм обычными инъекциями. Но природное средство заметно эффективнее. Хотя бы потому, что слюна пиявки содержит ещё множество биологически активных веществ. Например, гиалуронидаза увеличивает проницаемость тканей, облегчая доступ вводимых извне веществ к клеткам. Оргелаза способствует образованию новых кровеносных сосудов. Коллагеназа разрушает длинные нити белка коллагена, накопление которого в ране создаёт грубые рубцы.

После использования пиявку уничтожают, как одноразовый шприц. Но она выгодно отличается от него прицельностью использования. В отличие от других кровососов, она независимо от силы голода тщательно выбирает позицию присасывания. Она ищет на коже место без посторонних запахов, выбирает самый тёплый – то есть с наибольшим

кровотоком – участок, да ещё и выискивает биологически активные точки, где проходят не только кровеносные сосуды, но и потоки разных носителей биологической информации. Поэтому поверхностное воздействие пиявки сказывается на многих внутренних органах и системах человека.

Кстати, каждая советская аптека была обязана постоянно иметь в запасе двадцать пять пиявок, чтобы купить их для терапевтических целей можно было всегда и везде. Сейчас они, к сожалению, не так легкодоступны. Прежде всего потому, что их разведение связано со множеством неприятных сложностей.

Например, запах пиявок противен – нечто вроде тухлого мяса в грязном туалете. Ведь мочеиспускание у них идёт трое суток подряд после каждого кормления. Если вовремя не почистить баночки, пиявки отравятся собственными отходами.

Выкармливают пиявок бычьей и телячьей кровью. По мере голодания их цвет меняется. Чтобы лечение возымело наибольший эффект, перед продажей пиявку не кормят месяца три. Впрочем, даже самая голодная пиявка выпьет всего десяток граммов крови, не то что роковая женщина. И здоровья прибавит добрый пуд.

Здоровья Вам, дорогой читатель!

Приключения в ГУЛАГе

По аналогии хотелось бы вспомнить историю создания замечательного приключенческого романа «Наследник из Калькутты».

Его автор Роберт Александрович Штильмарк – из семьи боевого офицера царской армии, участника Первой Мировой. Приняв Советскую власть, Александр-Бруно Штильмарк стал известным инженером и преподавателем. Тем не менее он расстрелян на Бутовском полигоне летом тридцать восьмого года.

Роберт Александрович до попадания на фронт учился на историческом факультете, любил литературу и не избежал искушения писательства. В годы Отечественной войны служил в разведроте. Участвовал в обороне Ленинграда уже старшим лейтенантом, а последний год войны работал при Генштабе РККА.

За месяц до Победы Роберта Александровича арестовали. Он неудачно доверительно поговорил в присутствии стукача о достоинствах немецкой техники и недостатках советской архитектуры и получил десять лет лагерей за антисоветскую агитацию. Оказался в весьма отдалённых местах, в Туруханске, причём среди уголовников.

Но тут ему пригодился литературный талант. Эту страшную и повторяющуюся день ото дня реальность даже отпетым уголовникам хотелось разбавить чем-то романтическим. Иначе как выжить?

Штильмарк пересказывал товарищам по несчастью романтические произведения Александра Дюма, Фенимора Купера, Вальтера Скотта и всех тех, кого ещё мог вспомнить. А когда запасы памяти исчерпались, Роберт Александрович стал придумывать собственные истории: «с любовью и изменами, смертями и местями, пиратами и виконтами, аббатами и индейцами, героями и злодеями, чудными красавицами и бешеными бизонами... чего только не было в них!» – вспоминал автор. Разумеется, он это воплощал в форме, наиболее понятной малограмотным уголовникам.

Вот тут-то он и обратил на себя внимание местного авторитета Василия Василевского. Заключение нарядчик, из уголовных, сидел третий раз, в общей сложности имел

двенадцать лет. Лагерное начальство тем не менее использовало авторитета для поддержания порядка, как порою в армии офицеры закрывают глаза на дедовщину.

Сам Штильмарк в автобиографическом романе «Горсть света» объяснял неожиданную тягу авторитета к «доброму и вечному» следующим образом. Кто-то сообщил Василевскому, будто бы Сталин читает только исторические романы. И был, дескать, случай, когда за сочинение такого романа «скостили срок». Вот Василевский и решил: если книга под его фамилией с обозначением места написания – Туруханский край – (где и сам вождь отбывал царскую ссылку!), попадёт к Сталину, это принесёт и ему досрочное освобождение.

И вот авторитет создал литератору-зэку Штильмарку все возможные в тех обстоятельствах условия для творчества...

С непосредственного строительства Штильмарка перевели учётчиком на бельевого склад. Обычно писатель «сидел с листом фанеры на коленях и делал вид, что ведёт учёт грязного белья. А сам страничка за страничкой создавал роман. Если появлялось начальство и проводили обыск – на коленях у учётчика грязного белья каждый раз лежал только один листок, всё остальное каждый вечер забирал Василевский и куда-то прятал...»

Авторитету роман понравился, и он перевёл Штильмарка на склад ГСМ, где тот продолжал своё постраничное творчество столь же изощрённым образом.

Роман, созданный за год и три месяца, получил название «Наследник из Калькутты».

Время действия удивительного произведения, написанного в заключении в Туруханском крае, – конец восемнадцатого века. Место действия – Британия, Северная Америка, Индийский океан, Африка... Как всегда борются Зло и Добро. Разумеется, хорошие герои побеждают, и конец оптимистический – о том, как среди мира насилия и рабства им удастся заложить первый Город Солнца: «Но они понимали, что воздвигнуть Город Солнца для всей огромной семьи человечества смогут лишь новые поколения отважных людей на вольных просторах земли, освобождённой от страшной власти золота».

Роман был красиво оформлен и сдан под фамилией Василевского в политотдел. Руководству вещь тоже понравилась. В предисловии Сталину содержался намёк на героическую жизнь отца народов: «Книга создавалась там, где силы тьмы пытались погасить солнце разума планеты...»

Вдохновлённый Василевский решил избавиться от подлинного автора, но другие зэки отговорили его: «Не сможешь ты, мил человек, защитить своё авторство...» – и посоветовали приписать на титуле вторую авторскую фамилию.

Книгу отправили в Москву. Но тут Сталин умер. Лагерь, где сидели в кавычках «соавторы», расформировали, судьба их разбросала.

Василевский ещё мотал срок, а Штильмарк, как политический, вернулся в столицу лишь в 1956-м, после реабилитации, но заранее списался с сыном – Феликсом Робертовичем.

Штильмарк-младший вспоминает: «В тысяча девятьсот пятьдесят четвёртом году мне, уже будучи московским студентом, удалось извлечь рукопись этого романа (четыре тома плотно сшитых общих тетрадей) из культурно-воспитательного отдела Главного управления лагерей. Его первым читателем был Иван Антонович Ефремов, давший «зелёный свет» столь необычному произведению».

По возвращении из ГУЛАГА Штильмарк-старший по совету Ефремова принёс роман в ДЕТПИЗ. Редактором отдела прозы там работала жена писателя Фраермана, автора знаменитой повести «Дикая собака Динго». «Наследник из Калькутты» и ей понравился. К роману сделали предисловие: как в суровой тайге самоотверженно работали на благо

коммунизма геологи-комсомольцы и в короткие часы досуга, между трудовыми стахановскими вахтами, рассказывали вот такие истории.

Роман издали сперва под двумя фамилиями, но затем суд признал Роберта Штильмарка единственным автором. «Я не только не писал, но даже и не всё читал, – сказал Василевский на суде, – но без меня романа бы не возникло».

Кто знает – кто знает...

Бороться и искать, найти и не сдаваться!

Без малого сто лет назад, девятого апреля тысяча девятьсот девятого года был покорён Северный полюс. Узнав об успехе экспедиции Роберта Пири, знаменитый полярный исследователь, норвежец Роалд Амундсен решил покорить полюс Южный.

В августе тысяча девятьсот десятого года Амундсен отправился в Антарктику на «Фраме» – испытанном корабле не кого-нибудь, а самого Фритьофа Нансена.

Параллельно и британская экспедиция под руководством Роберта Скотта тоже пыталась добраться до самой южной точки мира.

Амундсен со своими норвежцами тщательно подготовился: он удачно выбрал маршрут, успешно использовал санные упряжки с собаками, разумно организовал систему складов с припасами, тщательно подобрал спутников. Наследники викингов достигли Южного полюса четырнадцатого декабря тысяча девятьсот одиннадцатого года.

Представьте себя на месте Роберта Скотта, который тридцать семь дней спустя, вместе с четырьмя спутниками, также дошел до полюса и обнаружил там флаг Норвегии и записку, в которой Амундсен просил британцев по возвращении засвидетельствовать его почтение и первенство королю.

«Норвежцы нас опередили – Амундсен оказался первым! Чудовищное разочарование! Все муки, все тяготы – ради чего? Я с ужасом думаю об обратной дороге...» – записал Скотт в дневнике. Его опасения оправдались. Обратная дорога стала последней для всех англичан.

Банки с керосином экспедиции Скотта были запаяны оловом, а, как теперь стало известно, при очень низкой температуре возникает коррозия олова. Люди в условиях экономии не могли толком согреть себе пищу и вскипятить воду.

Но нехватка керосина, на которую часто ссылаются как на одну из главных причин гибели, ухудшившая положение отряда Скотта, не была катастрофической. В последнем письме Скотт писал: «...Мы подошли на расстояние в 11 миль к нашему старому лагерю, имея горючего на один раз и продовольствия на два дня...»

Споры современных исследователей о том, правильно ли поступили англичане, использовав в качестве транспорта не только собак, но и монгольских пони, не имеют особого смысла, так как Скотт рассчитывал в основном на силы людей: «...С моей точки зрения, ни одно путешествие на собаках не может принести таких результатов, как поход, участники которого преодолевают трудности, опасности и лишения, полагаясь лишь на собственные силы...»

После широких исследований в Антарктиде можно, пожалуй, сделать вывод о том, что привело отряд Скотта к гибели. Скорее всего, эта была гипоксия – нехватка кислорода в условиях высоко поднятого ледяного плато, приводящая к хорошо всем известной сейчас горной болезни. Более тонкий, чем в тропиках и умеренных широтах, слой атмосферы и

большая высота поверхности ледяного плато над уровнем моря объясняют, почему почти все, кто попадает на Антарктическое плато, в той или иной мере страдают от горной болезни. Вот как описывал в 1986 году состояние людей на Антарктическом ледяном плато участник многих Советских антарктических экспедиций Владимир Бардин: «В период акклиматизации обычны сердечные и головные боли, носовое кровотечение, тошнота, боли под ложечкой, тягостные расстройства сна». Такое состояние нередко сопровождается психическими отклонениями апатией или, наоборот, возбуждением и раздражительностью, депрессиями. При этом подверженность горной болезни вовсе не зависит от физической крепости людей. Похоже, что в отряде капитана Скотта несколько человек страдали горной болезнью в тяжелой форме и в борьбе с ней потеряли слишком много сил.

Норвежцы в силу скандинавского происхождения (а климат Норвегии традиционно суровее, да и страна горная) оказались менее подвержены гипоксии и сумели сравнительно быстро спуститься с плато вниз. Анализ графиков движения Амундсена и Скотта свидетельствует о том, что англичане двигались почти в полтора раза медленнее, чем норвежцы.

Один из участников экспедиции Скотта – Эдгар Эванс – провалился в расщелину ледника. Другой, предчувствуя смерть, ушёл из лагеря, чтобы не быть обузой для остальных товарищей, и замёрз во льдах. Это был Лоуренс Оутс.

Скотт погиб вместе с оставшимися позднее. Он вел дневниковые записи. Вот строки последней:

«...непрерывный шторм с ЗЮЗ и ЮЗ. Вчера у нас было топлива на две чашки чаю и на два дня – сухой пищи. Каждый день мы собирались отправиться к складу, до которого осталось одиннадцать миль, но за палаткой не унимается метель. Не думаю, чтобы мы могли надеяться на лучшее. Будем терпеть до конца, но мы слабее и смерть, конечно, близка. Жаль, но не думаю, что смогу писать еще. Р. СКОТТ».

Какая нелепость! Спасение было уже совсем близко.

Кроме дневниковых записей Скотт оставил также прощальные письма. В одном из них он писал:

«Боюсь, что мы погибли и дела экспедиции останутся крайне запутанными. Но мы побывали на полюсе и умрем как джентльмены». В другом письме, озаглавленном «Послание Общественности», были такие строки:

«Я не жалею, что пустился в этот поход, – он показал, что англичане могут переносить лишения, помогать друг другу и встречать смерть с такою же стойкостью, как и в прежние годы».

Поисковая экспедиция во главе с норвежцем Аткинсоном спустя полгода обнаружила палатку Скотта и его товарищей. В палатке они увидели три трупа. Уилсон и Бауэрс казались умершими во сне: их спальные мешки были закрыты над головами, как будто они сами сделали это. Скотт умер последним.

Он отбросил отвороты своего спального мешка и раскрыл куртку. Маленькая сумка с тремя записными книжками лежала у него под плечами.

Узнав о трагической гибели британской экспедиции, Амундсен сказал: «Никто лучше меня не сможет воздать должное героизму и отваге наших мужественных английских соперников, так как я в полной мере способен оценить грозные опасности этого предприятия. Мужества, твердости, силы им было не занимать».

Вечная память отважным искателям неоткрытого!

Надо ли учиться пить?

Хочу затронуть вопросы пьянства и алкоголизма. Проблема давно уже на слуху. Её в России решали на самом высоком уровне со времён Ивана Васильевича Грозного, да так по сей день и не решили.

Давно доказано: злоупотребление алкоголем – один из факторов снижения средней продолжительности жизни. Хотите поправить демографическую ситуацию – надо справиться с неумеренным пьянством в стране.

Кстати, в результате употребления алкоголя умирают в основном не от цирроза печени или «белой горячки», которые развиваются сравнительно долго, а от болезней сердца, отравлений, психозов, травм и насильственных преступлений.

Специалисты Московского НИИ психиатрии сообщали в 2009 году: «Если взять смерти от несчастных случаев, самоубийств и насилия, то даже если руководствоваться только официальными данными судмедэкспертизы, в среднем за последние годы в крови шестидесяти четырёх процентов мужчин, погибших от этих причин, и у пятидесяти процентов женщин в крови обнаружен алкоголь».

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, Россия с девяностых годов занимает одно из первых мест в Европе по числу несчастных случаев и дорожно-транспортных происшествий, связанных с употреблением алкоголя.

Специалисты выделяют страны по традиционной культуре потребления алкоголя. «Винный пояс» – земли с мягким тёплым климатом: Франция, Испания, Италия. Страны водочного пояса – например, Польша, Швеция, Финляндия, Россия.

Эпоха перемен в Польше начала 80-х резко подняла потребление крепких напитков – и средняя продолжительность жизни сократилась. Поляки спохватились вовремя – правительство сделало всё, чтобы сократить предложение по водке и сделать её дороже пива (в пересчёте на чистый алкоголь). Слабоалкогольные напитки в силу большего объёма, необходимого для интоксикации, пьют дольше и меньше. И организму удаётся справиться с принятым хмельным. С тысяча девятьсот восемьдесят пятого в Польше начался переход на слабоалкогольные напитки – и жизнь поляков удлиняется.

Даже корявая и кратковременная горбачёвская антиалкогольная кампания при всех перегибах на местах также подарила гражданам несколько лишних лет жизни. Хотя иным стоила жизни, провоцируя отравления суррогатами.

Потребление алкоголя у нас резко возросло после развала СССР. Совершенно недостойный пример для подражания являло собой и «первое лицо» России, так несвоевременно выпавшее в реку из мешка. Вдобавок в начале 90-х по ходу неуклонного развития рыночных реформ – то есть в условиях бурного базара – перестали соблюдаться советские ограничения по качеству напитков.

Алкоголь тогда продавали и в киосках и буквально на тротуаре. Хотя зарплата и цены на основные товары росли, алкоголь всё ещё был относительно дешёв. Если когда-то килограмм мяса и бутылка водки стоили примерно одинаково, то в девяносто пятом килограмм мяса по цене равнялся двух-трём бутылкам водки.

Проблема алкоголизма в обществе напрямую зависит от доступности алкоголя. На мой взгляд, водку, вино и крепкое пиво надо продавать таким образом, чтобы максимально

снизить возможные негативные последствия. И первейшая цель любой антиалкогольной политики – сократить потребление алкоголя и тем самым снизить наносимый им вред.

Но здесь любые лобовые запретительные меры оборачиваются против запретителей.

Скажем, легендарный «сухой закон» в США, объявивший преступным распространение спиртного. К моменту его введения уже был доступен опыт аналогичного запрета в России: с началом Первой Мировой имперская власть попыталась пресечь растрату сил и средств своих подданных. Последствия были неизбежны: усиленная контрабанда, массовое самогонование, подпольная торговля...

Увы, за океаном никогда не были склонны приглядываться к чужому опыту. Особенно к опыту страны, которую – несмотря на высочайшие в тогдашнем цивилизованном мире темпы развития – всё ещё считали варварской.

Да и протестантские фундаменталисты, господствовавшие в политике Северо-Американских Штатов с момента образования страны, свято верили: любое следование природе грешно, и человек обязан преодолеть любой грех – а если не преодолел, то сам виноват и навеки проклят. Убеждение, может быть, и благородное – но не способствующее принятию исполнимых законов.

Если же закон заведомо неисполним – он развращает всё общество, ибо наглядно доказывает, что исполнять законы вовсе не обязательно. Это, кстати, и одна из причин провала горбачёвских реформ.

Ни до введения «сухого закона», ни после его отмены в Америке не пили так много и столь многие, как во время его действия. Но куда опаснее и долговечнее оказалось другое последствие ошибки политиков. Именно ради обеспечения пьянства сформировались первые в стране действительно массовые и хорошо выстроенные преступные организации. Причём бандиты удовлетворяли всеобщий спрос – это делало их в глазах общества не столько преступниками, сколько героями... Кроме того, такого уровня прибыли организованная преступность получила впервые. Франклин Делано Рузвельт, став хозяином Белого Дома, одним из первых указов отменил «сухой закон» в 1933 году. Но, увы и ах, преступные организации достаточно укрепились, чтобы найти себе новые источники наживы. Прежде всего – рынок наркотиков.

Один в один с итогами горбачёвской антиалкогольной кампании. В заключение приведу мудрую английскую эпиграмму в переводе Самуила Маршака:

Для пьянства есть такие поводы:
Поминки, праздник, встреча, проводы,
Крестины, свадьбы и развод,
Мороз, охота. Новый год,
Выздоровленье, новоселье,
Печаль, раскаянье, веселье,
Успех, награда, новый чин,
И просто пьянство – без причин!

Так пить – или не пить, вот в чём вопрос?!

Священно ли опьянение?

исследования специалистов показывают: дети, с раннего возраста росшие в обстановке, где хмельное употребляется только по большим семейным праздникам, возмужав, попадают в число алкоголиков значительно реже прочих, употреблявших втайне от взрослых – что называется, в подворотне.

Решение проблемы пьянства лежит в области изменения самого отношения к питию, воспитании культуры употребления хмельного напитка.

Скорее всего, сегодня уже никто из придерживающихся обычая выпить на празднике и не помнит, почему эти напитки заняли особое место в обрядности. А ведь это чрезвычайно важная сторона дела.

Употребление опьяняющих напитков в ритуальных целях, вне всякого сомнения, восходит к древнейшим временам. Оно было распространено у различных народов Евразии и не только Евразии. Вспомним: сома и хаома – у ведических арьев, мёды – у германцев и славян, нектар и вино – у древних эллинов...

Исследователи «хмельной традиции» [6 - Ермаков С.Э., Гаврилов Д.А. Напиток жизни и смерти. Мистерия Мёда и Хмеля. – М.: Ганга, 2009. – 288 с.] предполагают: одной из причин такого распространения стала способность веществ, содержащихся в хмельном, вводить человека в особые состояния сознания. При традиционном языческом мировоззрении и употреблении в свой календарный срок, хмельное открывает «иное зрение». Древние были убеждены: напитки со столь таинственными свойствами имеют божественное происхождение. Именно поэтому во всех архаических обществах существовали жёсткие ограничения на употребление хмельного в обыденной жизни. Сейчас их нет.

На основе отношения к напитку, дарящему необычные переживания, несравнимые с ощущением от простой воды, и дающего связь с богами, могли выстраиваться ступеньки социальной лестницы. Не исключено, что нынешнее пьянство основано на подсознательном желании преодолеть эти ступеньки как можно проще и скорее.

Греки были убеждены: гроздь винограда «дал людям Дионис к их ликованью и скорби». «Зевс царит над всеми, а Вакх царит и над Зевсом», – сказал Прокл, толкуя один из Орфических гимнов. В самом деле, Дионис не просто бог виноделия и плодородия – он податель вдохновения, необходимого и богам, источник религиозного экстаза.

Не случайно и в Стоглаве – средневековых церковных поучениях середины шестнадцатого века – находится осуждение народа русского за то, что он в ходе празднований чествует питием некоего языческого бога, уподобленного древнегреческому – «Елиннского бога Диониса, пьянству учителя, призывают и, гласящи великим гласом, квас призывают, и вкус услажают, и пьянство величают».

Почти крылатой стала фраза князя Владимира. Согласно известному преданию, чтобы выбрать «наилучшую веру» для Руси, он призывает к себе представителей разных религий, в том числе мусульман. Узнав, что ислам запрещает употребление вина, к тому времени хорошо известного в Киеве, он изрекает: «Руси – веселье пить. Не можем без того быть».

С князем этим в русских былинах связан классический сюжет: ссорится с ним богатырь Илья Муромец, врывается в княжьи погреба и, вынеся оттуда многие бочки вина, поит нищую голь. Этим Илья как бы уравнивает в правах на хмельное, то есть на божественный экстаз, близость к небожителям, князя, себя и голь. По сути же, скрыв вина у себя, князь лишил народ атрибута свободного пред небом человека.

Уже при Иване III Грозном в Московском княжестве право приготавливать питьё на

продажу у народа отнимают вовсе, оно полностью переходит в ведение казны, и по высочайшему указу из чисто коммерческих целей корчмы открываются в городах только с ведома княжеского двора, а право на варку питейного мёда остаётся ещё только у монастырей.

Одно из последних свидетельств русского алкогольного добронравия относится к началу средневековой «эпохи перемен» – пятидесятым годам шестнадцатого века. До Ивана IV Грозного древний обычай употребления хмельного, несмотря на фактическое введение монополии, как-то сохранялся. Когда Ивану Васильевичу стукнуло двадцать лет, его соседу великому князю литовскому и королю польскому Сигизмунду Второму Августу был подан трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян». Автор – Михалон Литвин – отметил выгодное отличие Москвы от соседей по части меры питья. Увы, должно быть, в последний раз.

Рост производства и продажи напитков самим государством в княжьих корчмах привёл к распространению пьянства, и Иван Четвёртый под нажимом церкви принимает решение о запрещении продажи хмельных напитков, чтобы «не ключница водку бы делала». А для опричников и служивых людей царь открывает особый дом на Балчуге в Москве, именуемый кабаком, где нередко в разгулах и попойках приближённых участвовал и сам Великий государь.

Доходы от кабака были внушительные, вследствие чего постоянно испытывавший нужду в деньгах царь решил запретить крестьянам и посадским людям готовить даже домашнее хмельное питьё и дозволил покупать напитки (в качестве «товара массового производства») только в царёвых кабаках.

В шестнадцатом веке появились новые технологии хранения продуктов питания, включая хмельное. Тогда же строятся и совершенствуются ледники «для прохлаждения напитков в летнее время».

Собственно, с этого момента, как считают исследователи – когда, с одной стороны, происходит полное огосударствление производства хмельных напитков, а с другой появляются способы их надёжного длительного хранения – нарушается обычай календарного употребления, само питье как священная традиция в городских условиях почти полностью утрачивает свой первоначальный смысл, превращаясь по сути в бытовое пьянство... Оно и до сих пор составляет весьма существенную доходную статью государственного бюджета.

Вывод. Дабы умерить пьянство, надо возродить исконную традицию отношения к хмельному напитку. Надо учить молодое поколение употреблять хмельное в меру, со вкусом, с толком, в своё «священное» время. И уже совсем здорово было бы вернуться к обычаю его календарного употребления. [7 - Ермаков С.Э., Гаврилов Д.А. Священное опьянение. Языческие таинства Хмеля. – М.: Яуза: Эксмо, 2012. – 288 с.]

Главное, непродуманными законами не уподобиться тому самому князю и не вызвать возмущение «голи». Пока, насколько можно судить, государственного ума в этом вопросе не проявляется.

Жертвы телевидения

Есть такая расхожая, немного пошлая шутка, что отсутствие света способствует повышению рождаемости. Ну да естественное – не порочно. И сегодня несколько слов о количестве и качестве народонаселения.

В 2009 году, если верить Си-Эн-Эн, министр здравоохранения и благосостояния семьи Индии в качестве одной из мер для выправления демографической ситуации, то есть по снижению рождаемости (ведь индусы по этому показателю почти уже догнали китайцев), предложил полную электрификацию страны. По его словам «необходимо провести электричество в каждую индийскую деревню, чтобы люди могли допоздна смотреть телевизор, настолько уставая от этого занятия, что им будет уже не до секса».

Эта идея, как сообщило Си-Эн-Эн, вызвала удивленные ухмылки, но отнюдь не у всех. Как сказал управляющий Фондом народонаселения Индии, хотя в планировании семьи важнейшая роль принадлежит образованию и доступной медицинской помощи, электрификация деревень – неплохая идея. И есть исследования, которые это подтверждают. Итальянские сексологи проводили такого рода опыты. Результаты свидетельствуют, что супружеские пары, у которых в спальне стоит телевизор, вступают в интимные отношения в два раза реже, чем это делают супруги при отсутствии телевизора. Министр здравоохранения Индии планировал таким образом снизить темпы прироста индусов на восемьдесят процентов.

Ключевые изобретения, необходимые для телевидения, в частности – разработки вакуумного кинескопа, сделал русский изобретатель Зворыкин. Только жил он к тому времени уже вдали от родины – в США. И стало телевидение массовым за океаном лет на пятнадцать раньше, чем у нас – хотя опытные передачи начались почти одновременно. Не исключено, что вольно или невольно, как раз Зворыкин способствовал падению рождаемости в так называемых цивилизованных странах.

Более того, печальные факты вскрыты недавно американскими исследователями. По сообщениям журнала «Наука и жизнь», промелькнувшим на его страницах зимой 2009–2010 гг., сотрудники Института детского здравоохранения в Сиэтле установили в семьях трёхсот двадцати девяти детей в возрасте от двух до сорока восьми месяцев автоматические диктофоны. По записям можно было понять, включён ли телевизор, и проследить за разговорами, ведущимися в квартире. Оказалось, когда телевизор включён, дети слышат от родителей на пятьсот, а то и тысячу слов меньше, чем когда он не работает. То есть у детей возникает недостаточность речевого контакта, столь необходимого для формирования мышления и собственной речи.

Тут, что называется, палка о двух концах. Телевидение при правильном подходе – эффективный инструмент просвещения, а если и не совсем, то всётаки способно посеять разумное, доброе вечное в сердцах и умах сограждан.

Мне несколько раз от разных работников советского телевидения доводилось слышать ставший почти легендарным факт. Когда по одному из тогда немногочисленных телеканалов транслировали сериал «Семнадцать мгновений весны», а потом, позже, «Место встречи изменить нельзя», в Москве падало число совершаемых преступлений, улицы пустели, соответственно и меньше возникало конфликтных ситуаций и нарушений законности.

В то же время Владимир Высоцкий, сыгравший во втором из упомянутых сериалов роль капитана Жеглова, пел о жертвах телевидения «скорбевших всей мировой скорбью» уже в начале семидесятых:

Если не смотришь – ну пусть не болван ты,
Но уж, по крайности, богом убитый:
Ты же не знаешь, что ищут таланты,
Ты же не ведаешь, кто даровитый!

Сатира поэта разила метко и советские шоу, и саму страсть «к глупому ящику для идиота».

Знал бы прославленный бард, что идёт на смену советскому телевидению!

Помните, проводились такие опыты – с «центром удовольствия» – на мышах. Бедным зверушкам в мозг вживлялись электроды, подключаемые к специальному устройству. Устройство посылало электрические импульсы, которые передавались по проводам и раздражали центры удовольствия в мозгах грызуна. Мыши вскоре научились давить на кнопки сами, забыв про секс и еду, они только этим и занимались – лишь бы получить желанный разряд.

Наличие телевидения позволяет обойтись без хирургического вмешательства. Лежи себе на диване и дави на пульт.

Ну а действительность еще шикарней —
Два телевизора – крути-верти:
«А ну-ка, девушки!» – «А ну-ка, парни!», —
За них не боязно с ума сойти!

Эх, не дожил Владимир Семёнович до наших времён, когда реальность ещё кошмарней! Мало что на каждого члена семьи по новому «ящику», компьютеру – самые посредственные телешоу голубых экранов СССР дадут фору многим, так сказать «интеллектуальным», конкурсам и сериалам нынешнего телевидения России, на которых уж и не знают, как бы ещё вывернуться, лишь бы ещё глубже проникнуть в центр зрительских удовольствий.

Вспоминаю один забавный и в то же время поучительный эпизод из «Книги Джунглей» Редьярда Киплинга:

«Это началось после того, как зимних дождей не выпало почти совсем и дикобраз Сахи, повстречав Маугли в бамбуковых зарослях, рассказал ему, что дикий ямс подсыхает. А всем известно, что Сахи привередлив до смешного и ест только самое вкусное и самое спелое. Маугли засмеялся и сказал:

– А мне какое дело?

– Сейчас – почти никакого, – сухо и неприветливо ответил Сахи, гремя иглами, – а там будет видно. Можно ли ещё нырять в глубоком омуте под Пчелиной Скалой, Маленький Брат?

– Нет. Глупая вода вся ушла куда-то, а я не хочу разбить себе голову, – сказал Маугли, который был уверен, что знает не меньше пяти дикобразов, вместе взятых.

– Тебе же хуже, – сообщил Сахи, – в маленькую трещину могло бы войти сколько-нибудь ума».

Глупая вода в нашем случае – это интеллектуальные, творческие силы российского общества. Они утекают, и очень скоро...

Фантазировал, записывая этот сюжет, как в критический момент вдруг раздастся в

качестве подсказки заэкраный смех и грянут заархивированные аплодисменты.

О переходе ущербного количества в опасное качество

Дискуссии о защите прав сексуальных меньшинств идут уже довольно давно. Из общих соображений следует признать: каждый человек вправе самостоятельно выбирать, каким именно образом сокращать свою жизнь. Но – свою...

Доказано: синдром приобретённого иммунодефицита – СПИД – возник вовсе не в последние годы. Он бытовал в истории человечества уже очень давно. Например, знаменитый философ и публицист эпохи Возрождения Эразм Роттердамский, судя по всем приметам, умер именно от иммунодефицита.

Более того, нынешняя форма вируса иммунодефицита человека – ВИЧ – развилась в результате мутации из более древнего иммунодефицита обезьяны ВЮ. Американские учёные из Нового Орлеана показали: обезьяньему вирусу нужно несколько раз передаться от человека к человеку для превращения в ВИЧ. Это гораздо вероятнее в условиях крупного города либо в ходе массовой вакцинации, как случилось в Конго в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году. Знаменитый английский эволюционный биолог Уильям Гамильтон, исследуя пути распространения СПИДа, высказал предположение: как раз тогда вакцины от полиомиелита готовились на субстрате из тканей обезьян, которые могли быть заражены.

Однако новейшие изыскания, основанные на расчёте скорости мутаций вируса, говорят: самые первые ВИЧ появились в крови человека не позднее начала тысяча девятисотых годов. А скорее всего, мутация происходила за историю человечества не один раз.

Отчего же СПИД не выкосил человечество прежде, чем вирус обнаружили и дали ему имя? Прежде всего потому, что вероятность заражения, по счастью, очень мала. ВИЧ опасен только при попадании в кровь – туда, где находятся подверженные его нападению клетки, в норме обеспечивающие иммунитет – защиту организма от внешних атак и внутренних перерождений. Во всех прочих тканях и клетках он способен существовать считанные минуты. С человеком, поражённым ВИЧ, можно даже целоваться – если во рту нет ранок.

При обычном половом контакте вероятность заражения ВИЧ ничтожна. В нём микротравмы – редкое исключение, вызванное крайней степенью безразличия – а то и жестокости – к партнёру. И человек, уже страдающий СПИД, до своей – увы, неизбежной – смерти просто не успевает заразить столько, чтобы завелась цепная реакция, то есть эпидемия самоподдерживалась. Тот же Эразм Роттердамский, не менее любвеобильный, нежели прочие звёзды... звёзды эпохи Возрождения, не оставил вокруг себя личного кладбища.

Увы, при мужских гомосексуальных контактах микроскопические ссадины и трещины образуются часто: природа приспособила прямую кишку для иных функций. Соответственно и вероятность передачи ВИЧ этим путём на многие порядки выше, чем в нормальном интимном контакте между женщиной и мужчиной.

Само по себе это тоже было не так уж страшно для человечества. На протяжении большей части его истории гомосексуализм, мягко говоря, не поощрялся. Соответственно поиск новых партнёров был весьма сложен. Даже если вирус попадал в кровь какого-нибудь гея – он опять же не успевал заразить столько, чтобы сформировалась

самоподдерживающаяся эпидемия.

Итак, до поры до времени отдельные очаги заражения ВИЧ рассасывались локально: СПИД, несмотря на всю свою медлительность, убивал свои жертвы задолго до того, как они успевали распространить смертельную заразу.

По нашему мнению, положение радикально изменилось к концу тысяча девятьсот семидесятых годов. Именно тогда западная демократия пришла к мысли о защите любых меньшинств – без серьёзного исследования причин пребывания в меньшинстве. Ругать гомосексуалистов на Западе стало так же неприлично, как рыжих.

Более того! Странность стала модой. Бисексуальностью стали развлекаться даже те, кто отродясь ни малейшего пристрастия к своему полу не испытывал. Да и чисто гомосексуального партнёра стало так легко найти, как будто вся светская тусовка НьюЙорка – города, с давних пор бегущего далеко впереди прогресса – в одночасье стала чисто гейской.

Конечно, в столь благоприятных условиях первый же вирус, попавший – пока неведомым путём – в Вавилон-на-Гудзоне, встретил необычайно благоприятную питательную среду. Дотоле его свойства препятствовали накоплению критической массы. Теперь же размножение пошло лавинообразно.

Нью-Йорк связан со всем миром бесчисленными коммуникациями. Громадная масса сверхактивных вирусоносителей выплеснулась из него во все уголки мира. Деловые контакты, секс-туризм и многие иные формы человеческого взаимодействия разнесли смертельную заразу даже туда, где её – судя по всем данным медицинской истории – не бывало веками.

По счастью, человечество уже достаточно развито, чтобы в дополнение к естественным препятствиям распространению ВИЧ выставить искусственные барьеры. А изрядная часть человечества уже достаточно разумна, чтобы этими средствами пользоваться. Поэтому можно надеяться, что угроза, пришедшая к нам через посредство геев, окажется смертельной не для всего человечества.

Казалось бы, после всего случившегося к голубым уже можно относиться терпимо: вряд ли они могут принести что-то существенно худшее, нежели СПИД. Но нельзя забывать классический анекдот – пессимист говорит: «Ну, всё – хуже уже не будет», а оптимист радостно возражает: «Будет, будет!»

Нормы поведения людей выработаны опытом сотен тысяч лет существования человечества и сотен миллионов лет развития животного мира. Неприспособленные вымирают – а в числе средств приспособления далеко не последнее место занимают формы поведения.

За выяснение одной из причин отрицательного отношения к гомосексуализму человечество уже заплатило многими миллионами жертв СПИД. Надо серьёзнее относиться к опыту, накопленному предками, и не стараться выходить за пределы биологических, в конце концов общечеловеческих, норм.

О войне идей-1

конце октября 2008 года в русском сегменте Интернета на разных ресурсах обсуждалось фактически официальное признание США того, что они не первый год ведут войну идей.

Это было совершенно открыто объявлено тогдашним заместителем госсекретаря США

по публичной дипломатии Джеймсом Глассманом во время очередного брифинга. Он поведал о спецпрограмме госдепартамента под кодовым названием «Команда по цифровым внешним контактам», которая вроде бы направлена всего лишь на противодействие арабским террористам. Команда также работает над продвижением положительного имиджа США в сети. Указание о её создании последовало на самом высоком уровне еще в 2006 году.

Главную задачу в «войне идей» американское правительство видит в «создании глобальной среды, которая будет враждебна по отношению к насильственному экстремизму».

«Мы делаем это двумя путями. Во-первых, мы противостоям и подрываем идеологию, которая оправдывает и поддерживает насилие, а, во-вторых, мы уводим молодых людей с пути, который ведёт их к насильственному экстремизму», – заявил Глассман.

Вкратце суть программы состояла в том, что некоторое количество креативных людей провоцировали сетевое сообщество на разговор о США, мониторили мнение людей, пишущих в Интернет на форумах, в чатах, гостевых книгах, на популярных сайтах. И если мнение этих людей неблагоприятно для Америки – словом и делом, символом и образом специалисты влияют на них так, что те своё мнение меняют. Официально подразделение состояло из восьми или девяти профессиональных «блогеров». А сколько ещё неофициальных! Вот то-то и оно!

В ходе своего брифинга Глассман сообщил, что отчитывался о ведении «войны идей» за рубежом лично перед Джорджем Бушем и Ричардом Чейни. Высокий уровень говорил о серьёзности намерений США, рассматривающих войну идей в сети как один из краеугольных камней своей национальной безопасности и внешней политики.

Американский чиновник обмолвился, что и русскоязычная часть Интернета уже попадает в сферу интересов его цифровой команды.

Российские блогеры считают, что и «отечественные спецслужбы давно проводят в Интернете подобную деятельность». Якобы с 2003 года на политических сетевых площадках работает некая команда «Г» из сотрудников ФСБ, которая выявляет и оспаривает суждения, расходящиеся, как говорится, «с официальной политикой партии».

Есть даже и такое мнение, что в сети нарочно растиражировали сообщение об американской цифровой команде по сетевым контактам, чтобы получить дополнительные средства на собственную деятельность для противодействия янки. Так в сеть под шумок запущен ролик «Американское шоу», в котором кукла, смахивающая внешне на Бушамладшего, секретничает, как его дед был банкиром, который финансировал приход к власти Адольфа Гитлера.

Идея предшествует всему, она относится к такой сфере общественного бытия, которая никогда не будет чётко выражена в правовой, строго юридической форме. Мир идей – это перпендикулярная к нам реальность, проشمгнув откуда идея способна подчинить себе ресурсы этого мира. Надо чётко понимать, что претензии Штатов на «единственно правильно мнение в электронном пространстве» лишь продолжение Американской Идеи мирового господства.

В 1816 году в Штатах на выборах президента боролись две партии – федералистов и демократов-республиканцев. Победила вторая, президентом стал Джеймс Монро, с именем которого связывается американская идея, получившая имя в его честь, то есть так называемая «доктрина Монро». На втором сроке президентства им были достигнуты значительные дипломатические успехи по вопросам расширения территории Штатов за

счёт бывших европейских колоний в Америке. Он полюбовно решил вопрос с британцами о Великих озёрах. Купил у Испании Флориду. Поддержал освободительную войну латиноамериканцев. Отвёл попытки России прибрать к рукам тихоокеанское побережье Америки. В тексте послания Конгрессу Монро декларировал следующее:

«С этого момента Западное полушарие не подлежит европейской колонизации; всякая попытка установить здесь политический контроль или нарушить независимость существующих государств будет рассматриваться как враждебный акт. США обещают воздерживаться от вмешательства в европейские дела и ожидают, что Европа также будет воздерживаться от вмешательства в дела на американском континенте».

Когда Соединённые Штаты высадили войска во Франции в конце Первой Мировой, а потом был заключён Версальский мир, можно сказать, «доктрина Монро» уступила место новой идее, по которой сферой распространения добродетелей американской демократии становился уже весь мир. Вудро Вильсон дал добро на формирование при себе Совета по международным отношениям, включавший крупных банкиров и аналитиков, построенный по образу и подобию тайной массонской ложи...

И ведь 60 лет спустя Горбачёв и его окружение всерьёз уверовали в подброшенную им идею участия Москвы в похожем, уже Мировом, Правительстве, для преодоления глобальных проблем человечества!

Тогда как на самом деле речь шла о глобализации по-американски. Москве помогли создать ещё в конце 1970-х Институт системных исследований, который в том числе прорабатывал разные последствия теории конвергенции – о слиянии в скором будущем капитализма и социализма воедино, поскольку и коммунизм и западная демократия берут начало от общих корней...

Слиться в экстазе не удалось. Советский Союз был развален, Россия потеряла треть своих территорий, по сути поступилась ими в пользу США, единственной из оставшихся на тот момент сверхдержавы.

И вот на повестке дня новый этап развития американской идеи, возможно, «доктрины Обамы» или его сменщика на высоком посту – глобальный контроль за всеми проявлениями и сферами жизнедеятельности человечества, как целого.

Так что Интернет – это цветочки.

Другой вопрос, допустит ли человечество, чтобы его контролировали во всём и всюду. Не приведёт ли глобализация по-американски к ещё большему насильственному экстремизму, то есть противодействию американской голубой мечте.

Да и Мировая Энтропия по науке всячески сопротивляется глобальному упорядочению.

О войне идей-2

СССР и США всегда вели войну идей! И, кстати говоря, во времена превосходства наших идей Советский Союз имел и колоссальную интеллектуальную поддержку части зарубежного общества, эти идеи приветствующей в тех же США. Вспомните историю группы Розенберга, работавшей на советскую разведку исключительно по идейным соображениям. Когда пришло время войны иного толка – кто больше заплатит за чужой секрет, – мы им стали проигрывать. Но это так, частность для примера...

Если же брать войну идей в стратегическом масштабе, это выглядит приблизительно так. Большинство из нас учило в курсах общественных наук, что есть базис и надстройка.

Базис – это вся материальная часть чего-либо, а надстройка – все интеллектуальные, идеологически и прочие институты, которые на этом базисе зиждутся.

Базис российской мощи последних лет – это экспорт углеводородов и ядерное оружие. Якобы два весомых аргумента в руках России в борьбе за влияние в мире. Но, во-первых, углеводороды даны нам свыше, мы их не заработали в буквальном смысле, а открыли. Во-вторых, цены на нефть меняются, что не раз доказала историческая практика. Никакие углеводороды не помогли Советскому Союзу, а даже сыграли в его судьбе роковую роль, расслабили в самый неблагоприятный момент эпохи. В-третьих, ядерный задел нам достался ещё со времён СССР, в основном ничего нового с той поры в эту область мы не привнесли. И даже если бы мы держали его на том же уровне, что и Союз, в современном мире ядерное оружие уже не является неоспоримым аргументом.

Сейчас мы должны поговорить о том, кто побеждает за влияние в мире. И практика такова, что победу одерживают лишь те страны, чей серьёзный базис, экономическое развитие дополняется сильными общественными науками, яркими идеями и развитыми идеалами. И науки общественного цикла, и уровень проработки общественных идей, а также просвещённость населения являются доминирующими факторами в названной борьбе.

К сожалению, лидером в современном мире по числу разработок и идей, оказавших наиболее сильное влияние на жизнь человечества, и их продвижению в этом мире являются Соединённые Штаты. Это факт.

Причём не шибко хитроумный механизм того, как они добиваются успеха. Просто и частные и государственные деньги с большой отдачей и своевременно были вложены в сеть современнейших учебных, и одновременно исследовательских университетов. Исследование и обучение в университетах США неразрывны в одних стенах. И потому они становятся местом притяжения талантливой молодёжи со всего мира. В котле конкурирующей между собой молодёжи выплавляются лучшие из генераторов будущих идей.

«Молодец среди овец, а как дойдёт до молодца, то сам овца», – гласит известная поговорка. Дабы доказать, что ты лучший, надо, к сожалению, констатирую, ехать в лучшие американские университеты.

И так хитроумно устроили американцы, что и сами «мозги» добровольно текут к ним, те же «мозги» продуцируют идеи, которые продвигают имидж Соединённых Штатов во всём мире и поднимают над ним «звезданутый» флаг.

С другой стороны все вовлечённые в процессы и механизмы генерации становятся и носителями Американской Идеи, и орудием идеологического наступления Америки по всему миру.

Что касается нашей ситуации, приведу цитату директора знаменитого ИНИОНа, где я сам получал в былые годы колоссальную подпитку в Советское время, когда учился в аспирантуре в МГУ.

Так вот, по нелицеприятной оценке директора Института научной информации по общественным наукам, академика РАН Юрия Пивоварова «впервые в истории России социально-гуманитарные науки оказались не нужны российскому государству, сложившейся политической системе, российскому обществу в целом. Власть сидит на нефти, на газе, на чём-то другом, и ей кажется, что всё и так хорошо, без всякой науки». Сказано было в 2009 году, кстати, в то время, когда стоимость барреля подходила к 150

долларам, и эйфория была полная... пока цена не покати́лась вниз.

Власть, если тогда не понимала, то хотя бы сейчас должна понять, что генерация идей и поддержка реальных исследований, а не сонма псевдоучёных и грязного потока фальшивых диссертаций, единственный путь по поддержанию авторитета страны в мире. Причём идей не только общественно-политических, но и в науке вообще.

В Советском Союзе, где конец двадцатого века был ознаменован разгулом догматизма в общественных науках, тем не менее находились точки роста для людей, производящих идеи (как тот же ИНИОН, как ряд кафедр МГУ и Ленинградского университета). Даже догматически зашоренный, Советский Союз заботился о поставках всё новых и новых бойцов на фронт войны идей.

Сейчас этого догматизма нет. Но идеологическую войну Россия проигрывает. Высшее наше достижение – концепция о суверенной демократии.

Передовые американские учёные считают, устаревшие экономические теории приводят к неправильному выбору целей и путей развития, то есть к неправильному распределению ресурсов. На реальное продвижение ресурсы не попадают, растрачиваются, и государство несёт колоссальные потери.

Идеи и экономические теории прибыльны, причём куда более прибыльны по большому счёту, чем торговля обычными вооружениями и нефтью. Вложение в интеллект является в новом мире одним из самых прибыльных. Просто для правильного вложения надо понимать сам предмет.

Несомненно выдающийся мыслитель планетарного масштаба Карл Маркс утверждал, что «мысли господствующего класса в каждую эпоху оказываются господствующими мыслями». Но у нас пока что-то не видно тех великих мыслей, которыми бы наш господствующий класс был проникнут.

Значит, и всему обществу ничего великого ждать не приходится и ничем великим не владеть.

Разнообразие, смешение и... рассредоточение

В основе теории вероятности – закон больших чисел: предположение о том, что наблюдаемая частота тем ближе к теоретической вероятности, чем больше однотипных событий мы наблюдаем. Но на практике от числа событий радикально зависят сами вероятности. В том числе и вероятность гибели всей человеческой цивилизации.

Есть ли у мира творец – можно спорить очень долго. Но если есть – судить об его планах можно по результатам творения. А главный из этих результатов – разнообразие, смешение и... рассредоточение.

Экологи то и дело сообщают об исчезновении очередного вида живых существ. Только видов этих на свете многие миллионы. И дело не в том, что «на наш век хватит». Главное – взамен погибших непрестанно нарождаются новые. Мы их не замечаем, поскольку от появления вида до его обнаружения – не говоря уж о полном научном описании – могут пройти многие годы, а то и века. Но в целом разнообразие природных сообществ не уменьшается.

Более того, в каждом таком сообществе сосуществуют бок о бок самые разнообразные существа. Даже в пустынях, где солнце, казалось бы, способно выжечь всё живое, или в убийственных арктических морозах грамотный биолог найдёт многие сотни животных и

растений, взаимодействующих самыми разными способами – от взаимного поедания до столь же взаимной защиты.

Именно разнообразие, смешение и сосуществование – основа выживания. Если, допустим, стебелёк гороха в поле обовьётся вокруг стебля пшеницы – горох получит опору и будет лучше освещаться солнцем, а пшеница станет снабжаться азотом из клубеньков на корнях гороха.

Но вот в поле приходит человек. И для простоты и удобства сеет в нём только пшеницу. После чего ей, естественно, не хватает азота, и человеку приходится удобрять почву искусственно. А на соседнем поле – с горохом – ставить подпорки, чтобы обеспечить эффективное усвоение света.

Правда, грамотный хозяин посеет пшеницу на следующий год после гороха – чтобы использовать хотя бы азот, накопленный за сезон в почве. Но что делать, если рынку нужно больше пшеницы, чем гороха?

Во время первого визита в США едва ли не сильнейшее потрясение Хрущёв испытал, наблюдая высочайшую интенсификацию сельского хозяйства. Прежде всего – благодаря монокультуре. Например, знаменитый в ту пору фермер Гарст из Айовы на вопрос о севообороте в его хозяйстве ответил: «Corn – corn – Miami – corn» (кукуруза – кукуруза – Майами – кукуруза), т. е. сеет он только кукурузу, а прибыли ему хватает, чтобы отдыхать на популярнейшем (и соответственно самом дорогом) морском курорте страны. Но для поддержания такого «оборота» хозяйство Гарста расходовало столько минеральных удобрений, что после возвращения в СССР вождь распорядился развернуть строительство многих десятков крупнейших в мире предприятий по их производству.

Вдобавок дело не только в необходимости искусственного ухода за природой, перекроенной по человеческим требованиям.

По ходу войны с бурами – переселенцами из Нидерландов в Южную Африку – британцы, чтобы избавиться от партизан, стали массово сгонять гражданское население в большие охраняемые лагеря. Они, естественно, получили название концентрационных. И очень скоро стали местами массовых смертей и главным символом ужасов войны. Люди, скученные сверх всяких природных пределов, заражались всяческими инфекциями с пугающей лёгкостью.

Этого вообще-то следовало ожидать. Издавна главными очагами эпидемий были города – просто потому, что люди там жили плотно.

Скажем, Пелопоннесская война закончилась победой Спарты не потому, что её жители с раннего детства тренировались для войны – демократические Афины явили ничуть не меньшую воинскую доблесть, а союзников вокруг них сплотилось куда больше. Но Афины, сжатые сравнительно малой – ради надёжности обороны – крепостной стеной, оказались поражены жестокой болезнью (её традиционно зовут чумой, хотя клиническая картина, дошедшая до нас в письменных источниках той поры, не имеет с нынешней чумой ничего общего). Спартанцы же, ради демонстрации веры в собственные силы занявшие под город больше места, остались здоровы.

Словом, концентрация – как и интенсификация – может быть удобна человеку. Но явно нежелательна человечеству. Ибо количество всегда переходит в качество. И если количество чего бы то ни было оказывается избыточным, качество неизменно становится нежелательным.

Интенсификация всего сельского хозяйства США, так поразившая Хрущёва, обеспечивалась не только монокультурой. Не меньшую роль играла безотходность

производства. Хрущёв был в полном восторге от мощных установок, перемалывающих в муку перья, кости, а то и целые тушки павших животных и птиц. Мука добавлялась в корма для тех же птиц и животных. Как говорили на легендарных чикагских бойнях, в дело шло всё, кроме предсмертного визга.

Конечно, по ходу переработки мука прогревалась достаточно сильно, чтобы никакие бактерии – или даже вирусы – в ней не выживали. Потому, собственно, и шли в дело трупы, поражённые любыми болезнями: мол, такая обработка любую заразу остановит.

Увы, природа в очередной раз оказалась изобретательнее человеческой фантазии. У неё в запасе оказался ещё один вид заразы, не опасющийся высоких температур. Прионы – короткие белковые цепочки, служащие матрицами для деформации других белковых молекул, – при нагреве не разрушаются.

Правда, прионы не могут использовать всё многообразие отработанных эволюцией способов размножения сложных молекул. Поэтому болезни, порождённые ими, развиваются годами и даже десятилетиями. Не зря они получили название медленных инфекций.

Увы, прионная природа некоторых инфекций оказалась выявлена слишком поздно. Уже после того, как мозги сотен тысяч голов крупного рогатого скота оказались поражены коровьим бешенством – размягчением мозга (и прежде всего – двигательных отделов, что заставляет животное чуть ли не танцевать, чтобы удержать равновесие). И, между прочим, после того, как деликатесами из этих голов полакомились многие миллионы человек. А когда механизм развития болезни прояснился, учёные пришли к выводу: болезнь Крёйтцфельда – Якоба, разрушающая мозг человека, вызывается теми же прионами – значит, ею можно заразиться от бешеной коровы. Даже после кулинарной обработки.

Правда, когда всё это стало ясно, немедленно последовали жёсткие – и даже эффективные – меры. Малейший намёк на заболевание становился причиной уничтожения целых стад – в том числе и ценнейших элитных пород. Многомиллиардные убытки удалось компенсировать изощрёнными финансовыми механизмами. Умный человек всегда найдёт выход из положения – даже такого тяжёлого и сложного, что мудрый туда ни за что не попадёт.

В самом деле, много ли мудрости требовалось, чтобы понять: наши сведения о болезнях никогда не станут столь полны, чтобы любой труп можно было сделать вполне безопасным. А если бы это поняли вовремя, то муку из овец, поражённых вертячкой, никогда не стали бы скармливать коровам. И болезнь Крёйтцфельда – Якоба осталась бы в учебниках, а не в архивах клиник.

В дикой природе, конечно, тушки больных животных тоже кто-нибудь съедает. Но хищники и трупоеды, как правило, устойчивы даже к самым страшным болезням: неумолимая эволюция миллионы лет назад уничтожила тех, кто мог чем-то заразиться от своих жертв. А животные не столь устойчивы: обходят падаль с отвращением. Если даже корове попадёт на зуб вместе с травой овечья косточка, живая машина по переработке растительности в молоко немедленно её выплюнет – и останется здорова.

Эволюция жизни на Земле идёт уже миллиарды лет. Трудно даже представить себе, сколько подобных защитных механизмов отработано за всё это время. Человеку предстоит ещё много веков постигать их, прежде чем появится хоть малейшая надежда на умение заранее рассчитывать все свои шаги так, чтобы ни один из них не проломил природную защиту. А пока подобные расчёты нам не доступны, надо хотя бы шагать поосторожнее.

Дела китайские

И вновь о стратегии и тактике. Когда в Лондоне прошёл саммит двадцатки, который выявил, что в мире сложились три основные консолидированные группы «игроков».

Одна – во главе с Китаем (к ней всё ближе сдвигается и Россия). Вторая – англосаксы: Соединённые Штаты и Великобритания с большинством стран Британского содружества.

Третья – Объединённая Европа во главе с Германией и Францией. Причём Меркель и Саркози заняли тогда столь схожую позицию, что, по сути, Германия и Франция выступили в роли федеративного государства. При всех успехах Европа, впрочем, не готова определять тренд мирового развития в кризисный и посткризисный периоды. Её влияние будет существенно меньше воздействия взаимоотношений между США, Китаем и третьими сторонами.

Китай проводит взвешенную стратегическую линию. Он последовательно идёт – и уже вплотную приблизился! – к давно поставленной цели: занять в мире место, подобающее своему величию. По валовому внутреннему продукту, паритету покупательной способности, Китай обошел Индию и Японию (вместе взятые). Китайская экономика по оценкам ряда экспертов – уже вторая в мире.

По военной же технологии Китай ещё даже не в пятёрке, но по накопленной мощи (и номенклатуре вооружений, и числу профессионалов, обученных её использованию) не уступает крупнейшим традиционно военным державам. Правда, почти всё китайское оружие грамотно содрано с зарубежных – прежде всего советских и российских – образцов. Но это упрёк не Китаю, а нам. У них изобилуют специалисты, чья квалификация достаточна для копирования (а в последнее время – и модернизации) даже самых сложных конструкций и технологий. У нас же отсутствует система, именно система, защиты собственных экономических и политических (не говоря уж об оборонных) интересов.

Сейчас главный вопрос: сколь Китай грамотно использует свой стремительно растущий вес в мире. Не станет ли он бездумно употреблять силу направо и налево? Мы знаем, к чему это привело в судьбе СССР, мы знаем, сколь тяжкая обстановка складывается в США из-за их собственных стратегических просчётов. Но китайцы – хорошие ученики. Не случайно Дэн Сяопин в своё время мудро призывал Китай сосредоточиться на собственных делах.

Правда, это вовсе не отменяет китайскую экспансию – в том числе и посредством классических военных баз. Может показаться, что Китай их не строит. Но реально он располагает базами технического обеспечения в Намибии – ещё со времён национальной борьбы этой страны за независимость – и в Пакистане.

Пакистан – вообще отдельная статья китайских интересов. Он для Китая стратегический партнёр: и прямой выход в Индийский Океан – к нефтяным маршрутам и другим коммуникациям, а также военный контроль в регионе. Пакистан отсекает Индию от Средней Азии, а при любых изменениях, возможных в обозримом будущем, Индия и Китай останутся в положении противовесов. С другой стороны, после ухода Первеза Мушаррафа внутри Пакистана – в стране, обладающей ядерным оружием! – нарастает хаос. Этот хаос, а также разброд и шатание в соседнем Афганистане – факторы, обещающие превратить весь регион в поле противоборства разных группировок. Если так дело пойдёт дальше, то в руках сильнейшей – но вряд ли умнейшей! – группировки окажется контроль над ядерным оружием.

Полагаю, что Китай внимательно отслеживает эту ситуацию и сможет поставить у власти нового диктатора, а также в силах сменить другого диктатора в Северной Корее, который уже мешает Поднебесной в его мировой игре.

В сложившихся обстоятельствах США могут войти в открытое противостояние с Китаем сразу по нескольким направлениям. Тут и прямое вмешательство США в пакистанские дела, и попытка построения стратегического альянса США с Индией...

Кстати, Китай на саммите двадцатки вопреки всем ожиданиям не стал говорить о сильнейшем антиамериканском инструменте – наднациональной валюте. Дело в том, что сейчас семь десятых валютных резервов Китая – доллары США: где-то полтора триллиона!

Обрушив доллар, Китай рискует крупно проиграть. Он ударит по залому внутренней стабильности – материальному благополучию собственных граждан. Поэтому, чтобы избавиться от долларовой зависимости, Китай спешно скупает подешевевшее сырьё – нефть, минеральные ресурсы... Приобретает он и предприятия всюду, куда его пускают и не пускают: в Юго-Восточной Азии (чьи инвесторы ещё недавно создавали в Китае свои заводы), в Африке, на постсоветском пространстве... Когда Китай снизит пропорцию долларов хотя бы до «пятьдесят на пятьдесят», он начнёт потихоньку продвигать идею наднациональной мировой валюты.

Раз Китай озвучил эту идею, он её будет реализовывать. Просто так китайцы слова не произносят.

Мы в последнее время много и шумно говорим, пиаримся, рассуждая о рубле как альтернативной валюте. Китай же тихо и мирно делает свой юань – причём предназначенный для внутреннего обращения фактически конвертируемым.

С начала финансового кризиса Народный банк Китая разработал трёхлетний план по обмену своей национальной валюты (на сумму почти шестьсот миллиардов юаней) с органами по управлению национальными валютами своих международных партнёров. Среди них: Аргентина и Южная Корея, Гонконг и Малайзия, Белоруссия и Индонезия. Путём валютных обменов Китай поддерживает и развивающиеся страны, что способствует не только стабилизации обстановки в соседних с Китаем странах, но и её формированию в китайских интересах.

Задача Китая – добиться конкретных результатов, а мы надуваемся, точно лягушка, пожелавшая стать похожей на быка. Россия – вопреки почти вековой верности официальному марксизму – живёт по формуле ревизиониста Бернштейна: «движение всё, конечная цель – ничто». Китай – точно уж в этом отношении марксистский – действует ровно наоборот. Словом, Поднебесная является несравненно более самодостаточной страной, чем полагают наши аналитики.

Таков мой взгляд на вещи.

Дела китайские-2

ещё раз хотел бы вернуться к теме Поднебесной, то есть стремительному возвышению Китая. Мы как-то говорили об успехах китайцев в деле продвижения своего юаня в качестве международной валюты. Но ведь деньги – это лишь представитель всех товаров, которые можно на них купить – и всех граждан, кто может покупать. А с последним пунктом у Китая ещё недавно было очень плохо.

В современной экономике массового производства с многоэтапным разделением труда участвовало менее десятой части китайского населения, а уж с высокими технологиями были связаны лишь особые экономические зоны на южном побережье. Основная масса китайской промышленной продукции шла за рубеж, так что страна в целом в высшей степени зависела от уровня жизни импортёров.

Более того, громадные валютные резервы Китая сформировались не в последнюю очередь потому, что их вложение в американские ценные бумаги стимулировало заокеанский спрос и тем самым обеспечивало работу большинства китайских предприятий. Американское процветание в последнем десятилетии обеспечено почти исключительно фактическим невозмещением китайских затрат.

Но Китай добился главного – за счёт развития собственной инфраструктуры он в разы увеличил число рабочих мест для своих граждан.

До финансово-экономического кризиса объём ежегодно возводимого жилья в Китае составлял более 1300 миллионов квадратных метров, из них в одном Пекине более 40 миллионов. Китай и после кризиса по разным оценкам тратит на строительство от шестнадцати до двадцати процентов валового национального продукта. Ещё двадцать лет назад в Китае не было ни одного небоскрёба, а теперь в одном только Шанхае их за четыре тысячи. В ближайшие семь – десять лет в стране будут построены миллионы новых зданий.

Актуальной задачей строительной отрасли Китая сейчас становится уже даже не увеличение объёмов ввода жилья, а переориентация на сооружение объектов с экономным расходом энергии, земли, воды и материальных ресурсов. Это и сбережение миллионов тонн топлива, это и новые программы, требующие умных мыслей и умелых рук.

Согласно плану формирования сети железных дорог, в Китае в ближайшие семь – десять лет будет значительно увеличен объём пассажирских перевозок. Между административными центрами провинций, а также крупными и средними городами будут построены скоростные пассажирские линии. В настоящее время в Китае ведётся строительство двух десятков железнодорожных линий общей протяжённостью почти шесть с половиной тысяч километров. И находятся в стадии проектирования ещё двадцать железнодорожных линий протяжённостью более одиннадцати тысяч километров. Китайцы с успехом следуют своей поговорке: «Хочешь быть богатым – строй дороги». На ум приходит констатация горького отечественного факта – о дураках и дорогах.

Китайские власти с некоторым отставанием прибегли к тушению пожара кризиса финансовыми вливаниями, но превзошли уже всех как по качеству, так и по количеству этих инъекций. Только за первый месяц этого года денежная масса у них увеличилась почти что на двадцать процентов, кстати, в долларовом исчислении наша денежная масса на данный момент, напротив, вдвое сократилась.

Инфраструктурные проекты стали ключевым блоком китайской антикризисной программы. В начале года банки Китая выдали отечественных кредитов почти в три раза больше, чем год ранее, и большая часть этих денег должна пойти на ипотечное строительство.

Всё, что делает Китай по части инфраструктуры, должны делать и мы! Хотя наша экономика куда менее диверсифицирована, чем китайская. Так, скажем, нельзя допустить обвального падения цен на московскую недвижимость. Цепная реакция пойдёт по всей стране... Как раз напротив, надо всячески развивать и поддерживать наш строительный рынок, используя его в качестве локомотива по выводу всей экономики из кризиса. Есть

люди, нуждающиеся в жилье, есть люди – нуждающиеся в работе, есть технологии и мощности – нужна воля и реальные меры по разогреву внутреннего рынка России.

Кстати о гарантиях. У тех же китайцев значительную часть кредитов полугосударственные предприятия получают от полугосударственных банков. Деньги возвращаются в окологосударственном секторе, а вопрос гарантий тем самым прикрывается. У нас же, чтобы что-то гарантировать, банки вздули процент реальному сектору до двадцати пяти процентов годовых! Абсурд! В таком варианте кредитуются только спекулянты и сырьевики в период ажиотажного спроса. Даже семи-восьми процентов, до которых обещают снизить кредиты в условиях кризиса, это показатель жадности.

В ближайшие пять – десять лет любая опора на добывающие сырьё отрасли совершенно бесперспективна, рост у них не более пары процентов в год. Рост экономики возможен за счёт инфраструктурных проектов, то есть за счёт строительства, а также – повышения качества и количества материалообработки.

Здесь сравнение тоже не в нашу пользу. Россия в наши дни тратит на закупки современных металлообрабатывающих станков в двадцать пять раз (!!!) меньше, чем Китай, и в три раза меньше, чем Индия! И это страна, которая при Советской власти и потом ещё некоторый срок – по инерции – поставляла индусам и китайцам основные продукты металлообработки?

Китай систематически развивает внутренний спрос. Уже пять лет назад автомобилей там было куплено больше, чем в США. Сейчас и автомобилей американского производства там покупается больше, чем в самих США – то есть растёт и потребление дорогих сложных товаров.

Конечно, и при всём своём многолюдии Китай не сможет в обозримом будущем полностью заместить экспорт потребностями внутреннего рынка – слишком уж велик разрыв уровней жизни, да и спектр интересов потребителей в Китае и за его пределами определяется качественно разными традициями. Но уже очевидно: благодаря стимуляции собственных потребителей спад в Китае даже в худшем случае будет меньше среднемирового и уж подавно куда меньше, чем в США. Таков мой взгляд на вещи.

Степень свободы – функция интеллекта

Давно известно, что конкурентные преимущества бизнеса создаются именно знаниями. Поскольку своих мозгов в наш век высоких технологий и большого информационного шума не хватает уже никому, создаются целые команды изобретателей. Они успешно служат основателям бизнеса и называются «фабриками мысли».

Но здесь я хотел бы привести элементарный и одновременно красивый пример, как интеллект увеличивает степень свободы самого обычного человека, хотя, конечно, развивает и сферу его обслуживания.

Предо мной до сих пор ярко и во всех подробностях предстаёт одно из моих алтайских путешествий. Всё было замечательно: природа, погода, спутники и спутницы. Одна маленькая деталь удручала: невыносимо было смотреть, как одна из них всю дорогу страдала от аллергии на полынь.

Я тогда задумался: неужели какая-то пыльца так осложняет жизнь деятельному человеку – не позволяет в полной мере насладиться природой, заставляет ходить в марлевой повязке, скрывая лицо, точно от жестоких москитов. Неужели нельзя сделать ничего

кардинального?

Потом – уже через пару лет – я столкнулся с описанием двух вариантов медикаментов, способных облегчить жизнь аллергику. Первый – гомеопатические препараты одной всемирно известной фирмы, рекомендуемые при аллергии дыхательных путей. Второй – мазь тоже импортная, способная улавливать частицы пыльцы аллергенных растений и тем самым защищать от них дыхание.

Я подозревал, что в этом направлении ведутся перспективные зарубежные разработки. И следил за периодикой, чтобы отыскать наиболее современные средства. Но сведений об устойчивых результатах всё не было.

Сейчас, наконец, есть достоверная информация, которая будет несомненно полезна всем аллергикам – им уже не надо будет в поездках ориентироваться на сезонные условия конкретных стран. Пусть читатель оценит красоту решения и его близость к идеальному конечному результату.

Итак, от аллергии можно принимать так называемые аллопатические препараты. Их все знают: супрастин, тавегил и другие. Но на все случаи жизни не напасёшься. Постоянный приём этих препаратов вызывает сонливость и прочие побочные эффекты. Гомеопатические средства почти что безвредны, но их лечебное действие ограничено, помогают не во всех случаях.

Механические респираторы, маски, носовые фильтры-затычки из мелкопористого материала, во-первых, затрудняют дыхание, а во-вторых, просто бросаются в глаза окружающим. Да и с мазью в носу не побегаешь...

Словом, натуральное техническое противоречие, разрешением которого явилось бы новое изобретение, если верить ТРИЗ – теории решения изобретательских задач.

По законам развития технических систем, если система исчерпывает свои возможности по основным параметрам, то бесполезно заниматься улучшением других её параметров.

И вот некая крупная фирма, производившая мази, задалась целью – улучшить этот продукт. Но когда изобретатели принялись за дело, исходная бизнес-задача «сделайте наши мази конкурентоспособными на рынке» свелась к улучшению совсем другой технической системы.

Специалисты поняли: сами по себе мази уже нельзя усовершенствовать – они исчерпали себя в качестве самостоятельного продукта, пригодного для борьбы с аллергией.

Решили разбираться с фильтрами. И поэтому сформулировали такое техническое противоречие: «поры в носовом фильтре должны быть одновременно и маленькими, чтобы задерживать частицы пыли размером 5–10 микрон, и поры должны быть одновременно большими, чтобы не препятствовать дыханию».

Пыль наносит вред не только живому организму, размышляли изобретатели, она ещё и вредна для технических систем. Проблема улавливания микрочастиц остро стоит в той же химической и цементной промышленности, в микроэлектронике, в производстве медицинской техники и в энергетических установках.

Возникает вроде бы абсурдный вопрос, а нельзя ли спасти от пыли живой организм теми же средствами, что спасают и технический?

Высокоэффективное и сравнительно дешёвое средство очистки газов от мелкодисперсных частиц в химической промышленности – циклон. Это подчас огромный аппарат, где загрязнённый воздух как бы завихряется. Газ в основных типах циклонов поступает в верхнюю часть корпуса через приваренный к корпусу входной патрубок.

Пылеулавливание и очистка газов происходит под действием центробежной силы, возникающей при движении газа между корпусом и выхлопным патрубком. Уловленная пыль попадает в бункер, а очищенный газ выбрасывается через выхлопной патрубок в атмосферу или поступает на дополнительную газоочистку.

Ещё более дикая, безумная идея: запихать многометровую конструкцию в человеческий нос, причём роль насоса, создающего напор, играют лёгкие.

Но даже если уменьшить циклон до лилипутских размеров, чтобы уместить в правой и левой ноздре, то ведь пыль-то всё равно надо куда-то девать!

Тогда, чтобы завихрить воздух, поступающий к лёгким, решили сделать носовой циклон спиралеобразным, а внутреннюю поверхность его намазать клейким веществом, которое бы задерживало пыль.

Поскольку носовые фильтры всё равно принято менять, получался своеобразный циклон периодического, а не непрерывного действия.

Промышленники, производители реальных циклонов, когда к ним со своей разработкой обратились изобретатели, сперва подняли чудаков на смех. Но расчёты и последующие испытания на аэродинамической модели полости носа подтвердили, что идея рабочая.

Сейчас производство мини-циклонов для аллергиков уже налажено... ну, конечно же, в Японии...

Разумеется, человек нет-нет, но дышит и через рот. Поэтому циклоны в носу не спасут его от аллергии на все сто процентов. Но всё же они упрощают жизнь, резко снижают требуемую дозировку противоаллергических средств. А главное – это решение куда красивее (во всех смыслах), чем толстая марлевая повязка на лице. На мой взгляд, простое и эффективное решение.

Памяти Фритьофа Нансена

2011 году всё прогрессивное человечество, как у нас говаривали, отмечало 150 лет со дня рождения выдающегося норвежского путешественника Фритьофа Нансена. Человека, которого едва не выбрали королём Норвегии! Но он был настолько умён, что предпочёл личную свободу, и в полной мере как никто иной из современников распорядился своей жизнью на благо мира.

Рисковые путешествия в последние десятилетия XIX века, вначале – сквозь Гренландию, затем – дрейф в ледовом плену почти до самого Северного полюса, высоко вознесли Нансена (а с ним и саму Норвегию) в глазах мировой общественности.

«Вмёрзнуть на судне во льды и предоставить себя полярному течению. С помощью этого течения проникнуть в ту область, которую тщетно пытались достигнуть все те, кто раньше шёл против течения. Если попытаться работать заодно с силами природы, а не против них, то мы найдём вернейший и легчайший способ достичь полюса», – писал Нансен. «Мы отправляемся не для того, чтобы отыскать математическую точку, составляющую северный конец земной оси; достижение этой точки само по себе малоценно, но чтобы произвести наблюдения в обширной неисследованной части земного шара, окружающей полюс», – говорил он.

Географы всех стран считали дерзкий проект Нансена бессмысленным самоубийством и чистым безумием. Но в Норвегии идея Нансена превратилась в дело национальной чести. Многие норвежцы жертвовали сбережения ради того, чтобы на Северном полюсе взвился

флаг их страны.

Нансен полагал, что если придать обводам корабля яйцевидную форму, то судно при сжатии льдов будет выпираться наружу. Судно получило имя «Фрам», по-норвежски «вперед!». Когда выяснилось, что течение не принесёт вмороженный в лёд «Фрам» к полюсу, Фритьоф со своим молодым штурманом покинули судно. Они двинулись к самой северной точке планеты на собачьих упряжках, а потом – на лыжах. Норвежцам удалось продвинуться ещё более чем на двести километров к желанной цели, выше восемьдесят шестого градуса. Но дальше, сквозь ледяные торосы можно пройти только «на своих двоих» (и не вернуться). Нансен и его спутник, скрепя сердце, повернули назад.

Они шли на юг несколько месяцев, и на исходе человеческих сил, полумёртвыми выбрались к Земле Франца-Иосифа. Там они сложили хижину из камней, питались же мясом убитого белого медведя. Несмотря на жесточайшие испытания, Нансен вёл записи о флоре, фауне и геологии Арктики.

Удача улыбнулась Нансену. На остров прибыла английская полярная экспедиция, которая спасла норвежцев. В Скандинавию он вернулся, даже опередив «Фрам». Нансена считали погибшим, теперь же его ждал триумф. Не в одной Норвегии, во всей Европе, мире!

Но слава, доходившая до обожания, страшила Нансена, как и всякого нормального человека: «Никогда я не чувствовал себя таким бедным, ничтожным, как теперь, в качестве героя, которому курят фимиам, – признавался Нансен. – Я так устал от всей суматохи, суеты. Куда же это приведёт... Моя душа словно разграблена, обшарпана незванными людьми. Я хотел бы убежать и спрятаться, чтобы вновь найти самого себя».

Желая способствовать славе родины, знаменитый корабль «Фрам» несколько позднее Нансен предоставил в распоряжение соотечественника – Амундсена. Тот отплыл на «Фраме» к берегам Антарктиды и покорил Южный полюс. В то же время сам Нансен огибал Шпицберген в северной части Земли на собственной небольшой яхте.

Еще до Первой Мировой Нансен пересёк и Россию и даже оставил о том свидетельство своих литературных талантов – книгу «В стране будущего», где признавался в любви к «этой огромной стране». В Хабаровске Нансен познакомился с Владимиром Арсеньевым, автором романа «Дерсу Узала». «Это человек от бога, состоявший в несомненной связи с высшими силами», – скажет Арсеньев о норвежце.

После войны исследователь представлял Норвегию уже в Лиге наций, вёл переговоры по возвращению военнопленных по домам и весям, в том числе и русских. Более четырёхсот тысяч солдат благодаря усилиям Нансена вновь обрели отчизну! А когда в Советской России на Волге вспыхнул голод, именно он оказался тем единственным европейцем, который силой своего авторитета и бескорыстия, не считаясь с ложью и клеветой в свой адрес, привлёк изза рубежа колоссальные частные пожертвования. Частные! Ведь Лига наций постановила считать оказание помощи гибнущим людям делом не государственной важности.

Нансен обвинил Запад в том, что там милее построить новый дредноут, чем следовать гуманизму. Он заявил, что Запад просто боится «укрепить советскую власть». На одном из заседаний Лиги Нансен сказал: «Но допустим даже, что это на самом деле так. Найдётся ли в этом собрании хоть один человек, который мог бы сказать: пусть погибнет лучше двадцать миллионов людей, чем помогать советскому правительству. Допустим ли мы, чтобы зима навсегда остановила сердца миллионов людей?»

Время ещё есть. Но его осталось немного. Если вы знаете, что это значит – бороться с

голодом и морозом, тогда положение в России будет вам ясно... Именем человечности, именем всего благородного, я призываю вас – вас, которые сами имеют жён и детей, – подумать о том, какой это ужас – видеть, как жена и дети идут навстречу голодной смерти. С этой трибуны я призываю правительства, народы Европы, весь мир оказать помощь. Спешите, действуйте, пока ещё не поздно!»

Голодающим России отдал Нансен и свою нобелевскую премию. Принёс он в жертву миру и свою научную карьеру, отказавшись от новых экспедиций.

Но его трудом были спасены миллионы жизней! Светлая память великому человеку!

«Русский народ имеет большую будущность, и в жизни Европы ему предстоит выполнить великую задачу, – писал Нансен. – Это будет Россия, которая в не слишком отдалённом будущем принесёт Европе не только материальное спасение, но и духовное обновление».

Он говорил, разумеется, о России Советской. Будущность нынешней, если быть реалистами – пока под вопросом.

Автор: Нурали Латыпов

Издательство: АСТ

ISBN: 978-5-17-080841-0

Год: 2013

Страниц: 240